

Тимур Пулатов

ЧЕРЕПАХА ТАРАЗИ

Роман

Тимур Пулатов автор широко известных прозаических произведений. Его роман "Черепаха Тарази" - о жизни и удивительных приключениях средневекового ученого из Бухары, дерзнувшего на великий эксперимент, в котором проявляется высокий порыв человеческого духа и благородство помысла.

Часть первая

I

Город, о котором пойдет речь, уже засыпан песками, и виной тому событие, казавшееся многим весьма загадочным [Споры вокруг местонахождения этого средневекового города не утихают в научном мире и по сей день. Автор "Черепахи Тарази", правда с некоторыми оговорками, присоединяется к мнению д-ра Туя-Казакова, считающего, что раскопки следует вести где-то между Илийской выпуклостью и Аральской впадиной - Примеч. автора].

Все началось с происшествия, никого, казалось бы, особенно не взволновавшего, - исчезновения Бессаза, содержателя постоянного двора, мужчины еще молодого, но уже долгое время жившего отшельником. К тому времени у него не осталось в живых ни одного родственника или близкого человека, а слуга лишь на следующий день узнал о пропаже своего хозяина, когда постучался к нему, чтобы решить деликатное дело.

В то злополучное утро на постоянный двор въехал на лошади и попросил ночлега хриплым, усталым голосом путешественник Тарази. Когда он сполз с лошади, путаясь в своем выцветшем плаще, все увидели, что сбоку седла покачивается клетка, где лежит, свернувшись, без движения, песчаный крокодил-варан.

Путешественник, человек средних лет, сразу вызвал неприязнь у постояльцев караван-сарая, ибо от всего его облика - походки, манеры выражаться - веяло чем-то экстравагантным, неосновательным, даже легкомысленным. А тут еще крокодил... Правда, выяснилось, что он мертвый и основательно засушенный, не может никому причинить вреда, но суеверные торговцы возмущались всерьез, веря тому, что соседство с вредным пресмыкающимся расстроит их базарные дела.

"Проклятые торгаши! - ругнул их про себя Тарази. - Вечно недовольны, где бы ни столкнулся с ними... Но ничего! И на сей раз посрамлю их!"

Публика требовала, угрожала и говорила, что все, сто человек до единого, переберутся в другой постоянный двор: а это, как известно, грозило хозяину убытком. От криков их в беспокойстве металась под навесами верблюды и лошади, отвернув морды от стойл, полных свежего сена, И звенело и ухало на складах, куда торговцы уже давно не завозили ни шелков, ни пряностей, а лишь сабли, грабли, железные когти для лазания по скалам, хотя со всех сторон города на всем пути, длиною в десятки дней, были лишь сыпучие барханы.

Ведь замечено, что лишь торговцы особым своим нюхом чувствуют по еле заметным штрихам, неуловимым признакам приближение упадка: что-то треснуло и надломилось в жизни города. Да и пески ползли со всех сторон, случалось, и чума пробегала с косой... Хотя логика торговцев, привозя-иди сюда теперь все металлическое, не совпадала с логикой покупателей,

которые не могли понять, зачем им запастись саблями и железными когтями, торговля все же шла бойко, и над городом весь день висел, сгустившись, звон, который утихал лишь ночью над улицами, как далекий пушечный выстрел.

Тарази уже давно заперся в отведенной ему комнате в мансарде, но торговцы не успокаивались, слуга же - Фаррух - был в замешательстве, не зная, чем унять страсти, и все поглядывал на окна дома в конце двора, где жил хозяин, надеясь, что он сам выйдет на шум и все решит.

Но Бессаз не появлялся, и так прошел час, а всеобщее нетерпение все возрастало. Потребовали, чтобы Фаррух сам побеспокоил хозяина, и вот слуга робко постучался, но ответа не услышал. Удивленный, он повернулся и увидел, как все во дворе мрачно и недоверчиво смотрят на него. Взгляды эти испугали Фарруха, он покачнулся на лестнице и совершенно нечаянно толкнул плечом дверь,

Фаррух деликатно закашлял, чтобы привлечь внимание хозяина, затем вошел в дом и сразу же увидел в стене коридора большую дыру - выход на пустырь за домом. Слуга постоял с изумленным видом и, застонав, выбежал прочь.

Торговцы гурьбой поспешили в дом осматривать пробоину, которая показалась им странной, похожей на звериную нору.

Но местный судья тут же опроверг эти нелепые догадки. Вернее всего, заявил он, зверь проник в дом уже после того, как была пробита дыра, побродил по пустым коридорам и преспокойно вышел назад, полакомившись всем, что нашел съедобного. Хозяин же, возможно боясь кредиторов и желая замести следы, сам вырубил эту дыру, чтобы исчезнуть загадочно и незаметно...

- Таким образом, - сказал судья, - хозяин хотел создать у всех впечатление, что его съел страшный зверь!

Объяснения судьи оказались вполне здравыми, и все решили не думать больше о дыре, а приступить к главному. Судья допросил постояльцев дома, и те в один голос заявили, что ни разу, за много дней, не видели хозяина и все дела за него решал Фаррух.

Фаррух очень путано рассказал, что хозяин - человек нелюдимый - в последнее время и вовсе перестал выходить из дома, чтобы не показываться на людях, и, о чем он думал в одиночестве, лежа сутками в спальне, одному богу известно. На вопрос, не замечал ли он чего-нибудь странного в облике или поведении хозяина, Фаррух ответил, что Бессаз имел привычку кутать ноги до самих пяток, а ноги у него с виду казались такими толстыми и неуклюжими, будто их было не две, а четыре, но спаренные. И еще Фаррух вспомнил, что однажды, когда шел дождь и во дворе было скользко, он, пробегая мимо хозяина, оступился и, падая, нечаянно задел его спину - и поразился: спина Бессаза показалась ему такой твердой, будто носил он под халатом броню. При этом она издала еще и странный звук, как если бы тело хозяина, кованное железом снаружи, оставалось полым внутри...

Рассказ этот, глупый и вздорный, не мог, естественно, помочь следствию, и судья, отругав слугу, удалился с постоялого двора.

И едва он ушел, торговцы снова стали обсуждать случившееся и совсем забыли о путешественнике Тарази, который, как мы уже сказали, все это время сидел, запершись, в отведенной ему комнате и писал, продолжая то, что не успел закончить в соседнем городе, работал, не обращая внимания на крики во дворе, в каком-то взвинченном, лихорадочно-горячечном возбуждении, что с ним часто бывало после унылой, ровной дороги, тоскливого, меланхолического состояния духа.

Тарази был бухарцем, и в нем наравне уживалось все самое противоположное - бесстрастная холодноватость и легкая возбудимость из-за пустяка, житейской мелочи, простодушие и

хитроумие, презрение к мишуре и аскетизм - и желание блеснуть чем-нибудь из ряда вон, чтобы ошарашить окружающих. Увлеченный какой-нибудь парадоксальной догадкой, он мог работать сутками, чтобы проверить, дойти до сути, но, как никто другой, он был склонен к лени, к пустому времяпрепровождению. Мог вдруг бросить все, убедить себя в том, что его занятие - суета, ложь, и отдаться во власть лени. И, месяцами ничем не занимаясь, просто передвигался из города в город, ведя неприхотливую жизнь пилигрима. И тогда единственное, что его снова как бы возрождало, - самоирония, усмешка над слабостями и пороками, которые обнаруживал он в себе, одинокий, сидя на бархане и наблюдая за тем, как песок струится... струится песчинка к песчинке, течет вниз... Да, дни...

"Какое это сладостное состояние - лень! - писал Тарази, и прерывистая арабская вязь очень точно выражала его несколько экзальтированный стиль...

Какое это сладкое состояние - лень!

Жизненная энергия распределена внутри нас так разумно, что стоит поражаться мудрости Природы. Природа как бы занесла всю вашу силу в свою базарную книгу убытка и прибыли - энергию вот этих клеток вы должны истратить, скажем, зимой и именно в сафаре [Сафар - февраль], в самый лютый месяц, эту энергию в возрасте двух лет, а эту - в старости, в шестьдесят один, а на шестьдесят два вас уже не хватает... Но есть еще и более точные, скрупулезные расчеты, когда ту или иную часть своей энергии вы должны исчерпать, скажем, в воскресенье, а вот эту во вторник в четырнадцать часов сорок семь минут тридцать секунд.

Но довольно подсчетов! Бывают моменты, когда в вас вдруг ударила незаметно молния, энергия, которую вы должны были истратить в будущем, в далеком будущем, вдруг побежала по вашим клеткам, собралась в комок, в огненный шар - и то, что вам надо было истратить, например, во вторник такого-то месяца на шестьдесят первом году жизни, вдруг переместилось на вторник такого-то месяца на тридцать третий год жизни - и вот тогда, именно с этого вторника, вы так энергичны, в вас столько жизни, и все легко и доступно, нет преград, добра и зла, жизни и смерти., мира и войны, вы на грани эйфории, когда даже можно творить музыку...

То, к чему вы стремились, чего думали достичь, скажем, за два года, вы получаете в этот период намного раньше, скажем за месяц-полтора, сделали огромный рывок, как тот крокодил, который доселе лежал притаившись в иле, выслеживая свою жертву, и резким прыжком вонзал ей в горло зубы... Виноват, я увлекся, сравнивая деяния энергичного человека с подлыми замашками крокодила. Не лучше ли сравнить его с пешеходом, лениво плетущимся по дороге жизни, а потом взявшим и на удивление публике перемахнувшим пропасть там, где можно пройти окольным путем?

И в тот самый момент, когда вы, собравшись с силами, перелетаете на крыльях энергии пропасть по ровной прямой, вы сами не замечаете, что полы вашего плаща неестественно надуваются и трепещут, разорванные... Но на той стороне пропасти, вместо того чтобы продолжить шествие дальше, вы вдруг замечаете, что уже не можете, ноги подкашиваются и идти теперь уже даже черепашью шагом вы не в силах, - оказывается, та самая энергия, которая собралась, как комок, как шар, улетучилась, эйфория, которая в вас так быстро появилась, столь же быстро исчезла, И хотя вы счастливы, что за столь короткий срок вам удалось так далеко продвинуться в жизни, вы все равно чувствуете, что не можете, смертельно устали.

Нет более тяжкого состояния для человека, чем усталость! Гораздо лучше и приятнее ее - лень! Самая обыкновенная лень - и вот ей моя хвала...

Попробуйте-ка получить наслаждение, когда вы устали?! Вы падаете обессиленный на кровать, которая покажется узкой, уродливо-пугающей, как гроб. Вы ложитесь и так и эдак, подушку туда, где раньше были ноги, но сколько бы вы ни пытались обмануть свою усталость,

она все равно напоминает о себе бессонницей, и вы так измучаетесь, что самое время появиться над вашим изголовьем палачу - и вы будете рады ему.

Но пока еще не пришел ваш палач, подумайте о великой пользе лени. Но как отдалиться ей, как стать хотя бы на время лентяем?

Прежде всего вы выбрасываете к черту свою кровать-гроб как нечто напоминающее вам о бессоннице (как видите, не во всяком гробу можно заснуть навечно, есть и такие, в которых можно вечно пребывать в бессоннице), а одеяло стелете Нафюји и ложитесь.

В первые минуты вам все может показаться неудобным. Как и на кровати тело ваше принимает неестественную позу, голова лежит сбоку, как будто она оторвана вашим палачом и положена для приличия рядом с вашим телом; там, где должна лежать ваша правая рука, вы нащупываете свою ногу или - еще хуже - свою левую, тощую ягодицу, но не пугайтесь, наберитесь терпения. Просто лень, прежде чем одарить вас своими прелестями, захочет немного вас помучить, ну прямо как женщина, которую вы добиваетесь...

Но и лень, как и всякая разумная женщина, знает предел - иначе вы можете просто еще больше утомиться. И вот в тот самый момент, когда лень скажет себе: "Хватит жеманничать!" - она и начнет незаметно вас обволакивать, принимая в свои объятия.

Это приятное чувство освобождения вы ощутите сначала на своей правой ноге, которая оказывается чуть длиннее левой. Что-то легкое, трепещущее, как дуновение ветерка, пробежит по вашим суставам и оживит пальцы вашей ноги. Ранее скрюченные, как когти хищной птицы, они начнут выпрямляться, мешая друг другу: толстый - четвертому, четвертый - мизинцу и так далее, и так до тех пор, пока не почувствуют себя они легко и на месте - двигаться не захотят. А вы и не двигайтесь, иначе лень убежит от вас в самом начале...

Пальцы вашей ноги начнут передавать лень дальше - ступне, икре и так далее...

Но что это? В тот самый момент, когда лень незаметно подкралась к вашей ступне, вы вдруг почувствуете боль, как будто полоснули ножом. Вы, конечно, можете вскочить в панике, зажечь лампу и поискать рану или царапину, опустить ногу для облегчения в теплую ванну или посыпать ступню болеутоляющей травкой или черт знаем чем - это ваше законное право! Но лучше вспомните-ка, что вы сделали этой сейчас болящей правой ногой, когда были столь энергичны. Может, кому-нибудь наступили в суе на руку или отдавили хвост безобидной твари - вспомните... Впрочем, и вспоминать не важно, важно, что вы сделали нечто, чего не сделали бы в состоянии великой лени. Так что травка не поможет...

Но вот боль в ноге вскоре проходит, стоит только лени прогнать через болевой участок вашу энергию и пойти дальше к вашей левой ноге.

С левой ногой все проще. Ею вы никого не давили, она только помогала правой, то есть была соучастницей, - а тут не так, как на суде, - отвечает только основной виновник. А соучастник может отделаться лишь порицанием.

Так вот, левая нога, достойная лишь порицания, быстро поддается искушению лени и покоится, вытянувшись рядом с правой, и обе ноги как бы приросли к земле, и снова двигать ими одна лишь мука...

После минутного блаженства, когда лень пробирается, покинув ваши ноги, - выше, в сторону живота, вы вдруг вскрикиваете, как будто вас ужалили в ваше непристойное место на округлении живота и ног. Вы хотите вскочить - но вот оказия до слез смешная! - 5заша ноги приросли к земле, а туловище вместе с головой хочет носиться с проклятиями по комнате, - и получают у вас какие-то странные, никогда ранее вами не пробованные движения, - сидя, посылаете ежесекундно кому-то поклоны, как мусульманин в сторону святой Мекки. Вам, должно, трудно вспомнить, отчего, едва стоило лени пробраться к вашему непристойному месту, у вас начались адские боли. И еще труднее объяснить символ вашей веры, то есть

прочертить мысленную траекторию того места, куда вы усердно посылаете поклоны.

Я лишь могу догадываться. Глядя на соседний дом, я могу увидеть младенца в колыбели и подумать: "Ах вы, такой-сякой, уж не ваш ли он незаконнорожденный сын, которого вы зачали в момент эйфории", - тем более что боль скрутила ваше непристойное место именно в ту самую секунду, когда младенец этот вскрикнул во сне от ужаса.

Но довольно, и эта боль прошла, и теперь ваше непристойное место вполне опять пристойно, оно покоится так безобидно, что и смотреть на него ничуть не зазорно, а даже эстетично, и непристойные места высечены на мраморных скульптурах и нарисованы на холстах христианских мастеров в момент их глубочайшей лени - а это уже скорее факт искусства, чем самой жизни.

Благополучно пройдя в сторону, лень стала прощупывать наш живот, определяя для начала его вес и размеры выпуклости, осторожно прикидывая на глаз ту меру труда, которую лень должна потратить, чтобы умиротворить ваше чрево. И еще для лени важно, с какой стороны браться за столь важное дело. Ведь иначе, если лень сразу, как говорится - одним махом, усыпит ваш живот, вас может стошнить, замучить изжога, потому что в то время, когда вы так стремительно и с такой пользой для жизни тратили энергию, требовалось хорошее питание. И если, скажем, лень пробирается сразу к этому участку вашего живота, в котором преспокойно переваривается кусок чужого, незаконно съеденного хлеба, вас обязательно стошнит.

Поэтому лень сначала выгоняет энергию из вашего позвоночника и ребер, и так легко и ненавязчиво, что вы прирастаете спиной к земле, не чувствуя никакой боли.

А вот с печенкой, селезенкой все сложнее. Их не к чему пристегивать, разве лишь кое-как к позвонку и ребрам, и сколько бы матушка-лень старалась вас не беспокоить, о чем-то не напоминать, вас все равно замучает изжога от чужого куска и - опять до смешного случая! - ваш живот вздуло, вы извиваетесь, как змея, но встать, чтобы броситься на кухню и выпить стакан теплой воды с содой, вы не в силах, ибо приросли спиной к земле. Единственное место, где у вас еще перегоняется кровь, - это голова да верхняя часть живота с печенкой-селезенкой, попробуй-ка добеги без ног и без позвоночника по коридору. Жена, соседи - нет, никак нельзя, никакой потом суд-пересуд не оправдает. Лучше уж лежи в объятиях лени и терпи, пока тошнота сама не пройдет.

Итак, миновав желудок и умиротворив его, лень вкрадчиво пробирается дальше и выше и натывается на сердце. А сердце ваше такое маленькое, зато лень такая большая, что, когда она неосторожно наваливается на ваше сердце, сердце чуть не выскакивает из вашей груди с воплем. И вы хватаетесь за грудь, стараясь поймать сердце на лету... Такая боль вас замучила, что вы не можете толком вспомнить, какой ритм отбивало ваше сердце, когда вы находились в экстазе. Словом, оно не вело себя так, как вело бы, находясь в плену лени. Может, что-то нашептывало вам на ухо, кривляясь, Корча разные рожицы, искушало вас, как тот дьявол, короче, не зря оно пытается выскочить из груди.

А вы дайте сердцу волю, пусть оно покинет вас ненадолго, пойдет пороется в аптечке, глотнет травяную настойку - вы-то сами не в силах сопровождать его - приросли...

Но вот и сердцу легко, и лень поползла дальше - осталась лишь голова. Ах, голова, голова... Впрочем, к чему патетика? Лень этого не любит. Тем более лени надо собраться с силами и хорошенько поразмыслить - голова труднее всего поддается лени,

Мысли все время какие-то бродят, не дают покоя, хвостики, отголоски тех самых мыслей, которые, как свора гончих, верно вели вас к цели. Мысли такие хаотичные, такие бойкие, что лени трудно сразу подступиться. С какой бы стороны головы ни начинала она у вас тут же начинается боль.

Потерпите... Можете для приличия схватиться за голову, но ведь рук-то нет - приросли, - так

что лучше не старайтесь. Терпеливо ждите, страдая, лени вы не помощник, с ума от боли не сойдете, лень щадит всех, вернее, умиротворяет каждого, потерпите, пока она не нащупает самое слабое место вашей головы, ее ахиллесову пята, то есть мозжечок. Лень, пробравшись к этому мозжечку, начинает его нежно поглаживать, а когда усыпит, вскочит на него, как баба с корзинкой, и начнет ловить все вавли мысли, которые пучком идут к этому усыпленному мозжечку. Баба - хватать да и в корзину,

И вы чувствуете, как умиротворяетесь, освобождаясь от мыслей, и становитесь другим человеком, то есть идеальным лентяем, потому что освобожденная голова - всему голова.

О эта лень! Теперь вы можете полностью предаться ее неге. Интересно, на кого вы похожи в позе великого лентяя? Спереди, сзади, сбоку... но стоит взглянуть на вас с высоты (пребывающий в лени очень хорошо просматривается, скажем, с точки зрения паука на потолке), с точки зрения паука, вы очень напоминаете распятого Ису-пророка [Иса - библейский Иисус Христос] с картины в римском храме - так же скошенная набок голова, такие же сросшиеся с крестом ноги... Но не обольщайтесь, ведь я снова рассуждаю об искусстве в жизни Иса вовсе не был великим лентяем...

Итак, вы лежите сейчас и наслаждаетесь великой Лению, и в вашей светлой голове нет места даже короткой мысли: лень-матушка сняла все ваши боли, но не смогла сделать одного - вернуть вам энергию тех, скажем, двух лет, которые взяли напрокат у вашей будущей жизни и истратили за месяц в эйфории, и теперь по базарной книге Природы вместо, скажем, шестидесяти двух лет вам будет отпускатся впредь энергия из расчета только на оставшиеся шестьдесят...

Но разве это так важно, когда вы лежите в объятьях Великой лени?!"

Написав это нечто похожее на бурлеск в восточном обличий и назвав шуточно "хвала лени", Тарази почувствовал умиротворение, ибо что-то пересилил внутри себя, выразившись сполна, что-то психологически застоявшееся и мучившее его в последние дни тоской, сомнениями, страхом перед одиночеством. Он даже вскочил в волнении и зашагал по тесной своей каморке, ощущая приятное во рту, легкое щекотание языка и вкус к жизни. Ему не было теперь противно смотреть на все вокруг, а это, хотя бы на время, примиряло его с собой и внушало веру...

II

Но в тот же день произошло и второе, не менее странное событие, которое, как потом выяснилось, было продолжением первого - исчезновения Бессаза.

К тому времени, когда Тарази закончил свои записки, у торговцев во дворе иссякла фантазия и никто уже более не мог сочинить что-нибудь увлекательное о пропавшем хозяине. Посему страсти сами по себе улеглись, и все торговцы ушли по своим делам.

Тарази бодрым шагом спустился по лестнице, неся свою клетку, и снова оказался лицом к лицу с опечаленным Фаррухом. Слуга вздрогнул, глядя на гостя, удивляясь тому, каким другим - быстрым, решительным, ироничным увидел он его теперь. А ведь час назад, когда Тарази на своей кляче еле въехал во двор, было такое ощущение, что жизнь покидает его окончательно, оставляя лишь черный остов высохшего тела, каждое движение которого, казалось, сопряжено с мукой,

Фаррух - предупредительный и подобострастный - вывел лошадь путешественника из-под навеса и тут же бросился помогать Тарази седлать ее, а сбоку седла привязать и клетку, ибо Тарази решил возить с собой чучело варана, боясь, как бы торговцы не похитили его.

Тарази был поэтом и ученым. И если, самовыражаясь в своих записках и бурлесках, он всякий раз освобождался от черной хандры и неверия, то занятия наукой снова ввергали его в

холод отчаяния и сомнения. Углубляясь в суть, сверля ее до самого дна, обобщая и находя связи там, где, казалось бы, нити не сходятся, он снова поддавался отчаянию и замыкался, уходил в себя, чтобы не видеть людей. Проще сказать: поэзия своей легкостью, простодушием, иронией, своей свободой, загадочностью и иллюзорностью была для него спасительницей, самой жизнью, в то время как наука основательностью, глубиной постижения, трезвостью, холодным расчетом и отсутствием игры - часто приводила Тарази к черте самоубийства.

Но в этой раздвоенности - его суть, сам образ жизни, судьба, и даже злополучный варан, из-за которого он услышал от торговцев столько нелестного, был дорог ему, нужен для опытов.

Варана он отловил в пустыне, и пока блуждал и странствовал, выплачивая во встречных городах большие пошлины за перевозку песчаного крокодила, варан не выдержал и сдох, но и мертвый он был полезен ученому.

- Я заберу с собой клетку. Так что будьте спокойны! - сказал Тарази серьезным и властным тоном, и человек проницательный, не такой суетный притворщик, как Фаррух, мог бы сразу догадаться, что надменность - это лишь его маска, чтобы не выглядеть легкомысленным.

- От души вам признателен, - поклонился Фаррух и подбежал с покрывалом, чтобы помочь Тарази закрыть клетку от любопытных глаз горожан.

Тарази потянул лошадь за собой и, выйдя за ворота, сразу же смешался с толпой, которая неведомой силой втянула его в свою среду и, толкая со всех сторон, увлекала волной помимо его воли куда-то.

Но путешественник все же, выглядывая из-за голов, замечал, что город этот внешне не отличается от десятков других, уже виденных им на плоскости двух соседних пустынь - Кызылкумы и Каракумы, - одно-двухэтажные дома, слепленные из белой глины, башни из красного кирпича - и все это вокруг пятачков пестрых базаров.

Улучив момент, когда волна ослабла, Тарази выскочил в сторону узкой улочки, побродил по ней немного и понял, что даже самый опытный соглядатай, высматривающий, где что плохо лежит или скрыто от посторонних глаз, может запросто заблудиться в этом городе. Ведя за собой лошадь мимо базара, Тарази вдруг вышел к знакомому постоялому двору, сконфуженный, просунул голову в ворота и встретился взглядом с перепуганным насмерть Фаррухом, который почему-то отчаянно замахал руками.

Удивленный этим странным обстоятельством, Тарази потянул лошадь назад-, побродил среди базарной толпы, где всякие плуты, не церемонясь, сбрасывали покрывало с клетки, но, увидев вместо ходового товара чучело крокодила, с проклятиями убежали прочь.

"Надо вернуться к слуге, он-то наверняка знает, как выйти из этой заколдованной улицы", - решил Тарази и снова появился возле постоялого двора.

Но едва голова его показалась в воротах, как Фаррух, седлавший чью-то лошадь, спрятался, и Тарази не успел даже заметить куда: за стог сена или за тюк с шерстью?

И тут на Тарази напию такое шутливо-вздорное настроение, так ему захотелось от души посмеяться над плутоватым слугой, что он, не медля, забежал за угол, а Фаррух, высунувший в это время голову из-за тюков, был немало удивлен, что и гость почему-то прячется от него, и стоял, сконфуженный, не зная, куда теперь деться. Но едва наш путешественник опять показался у ворот, слуга сообразил и метнулся к мешкам с солью.

"Он сейчас весь в заботах о наследстве пропавшего хозяина к боится, что я могу разоблачить его", - усмехнулся Тарази и, привязав лошадь у ворот, решительным шагом направился туда, где скрылся слуга, но ни возле тюков и мешков с солью, ни за стогами сена Фарруха не было.

Боясь, как бы не увели его лошадь, Тарази бросился назад к воротам и тут столкнулся лицом к лицу со слугой, который как ни в чем не бывало на-тягивал веревки, прикрепляя клетку к

седлу.

"Что же вы играете?.." - хотел пожуричь его Тарази, но сдержался, подумав, что глупо пререкаться на улице, на виду у незнакомых людей.

- Объясните, как мне проехать в центр города, к дворцу Денгиз-хаида?

- К центру города? - переспросил Фаррух и с виноватым видом стал прикладывать руки к груди, кланяясь. - Простите, я приезжий... Я никогда не был в центре... Спросите, пожалуйста, у кого-нибудь...

- Как приезжий?! Сколько же вы тут живете? - прищурился от подозрений Тарази.

- Семь лет... Но чтобы не чувствовать себя приезжим, вы должны прожить здесь не меньше двадцати. Таков обычай. Но и после двадцати лет вы все равно будете считаться чужаком, - забормотал Фаррух и, извинившись, побежал во двор прислуживать кому-то.

Поистине глупое положение, из которого наш путешественник сам должен был теперь выпутываться.

И Тарази пошел по левой стороне, где был постоянный двор, внимательно глядя на правую, в надежде увидеть какой-нибудь переулок между заборами, просвет или дыру. Но кончался один дом - и сразу же начинался другой - и все сплошным рядом.

"Может, дома здесь с двумя воротами, как в Кугуктепе? - подумал Тарази. - Одни выходят на эту улицу, другие на соседнюю, параллельную? А что, если я заплачу какому-нибудь домовладельцу и пройду через его двор?"

Тарази постучал в первые попавшиеся ворота, и на стук вышел старик, в напряжении открывший рот, чтобы слушать.

- Простите приезжего... Я подумал, что мы легко договоримся, если я заплачу вам, чтобы пройти через двор ко вторым воротам на другую улицу, от смущения несколько вычурно заговорил Тарази.

- Какие ворота? - переспросил старик и посмотрел назад, на свой голый, без единого деревца двор, как бы ища ворота, о которых говорит Тарази.

Наш путешественник из любопытства тоже заглянул, но вторых ворот не увидел - глухая стена закрывала улицу, куда он желал попасть.

- На ту, соседнюю, - пробормотал Тарази, все еще надеясь, что туда есть какой-нибудь ход.

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - ответил старик. - Кроме этой своей улицы, я не знаю другой...

- Но ведь она должна быть! Или вы хотите сказать, что весь город - это кольцо, по которому я брожу уже битый час.

- Простите, - сказал домовладелец, - но я не в силах отвечать. Видите, в каком я возрасте? Я устаю, когда говорю больше двух-трех слов в день. Приходите завтра, возможно, я сумею ответить еще на несколько вопросов. Но для этого вы должны хорошенько обдумать ваши вопросы, чтобы я мог толково ответить. Иначе вы опять утомите меня...

И старик закрыл ворота перед гостем, и гостю ничего не оставалось делать, как зашагать дальше.

"Наверное, они принимают меня за шпиона соседнего эмира, - в отчаянии подумал Тарази. И решил вернуться обратно на постоянный двор, переночевать, а утром на заре уехать отсюда, чтобы продолжить свои странствия... Уверен, ничего не прибавится нового к моим знаниям местных правителей, если увижу дворец Денгиз-хана. Так что лучше не стоит..." - резонно решил про себя Тарази.

Но едва он побрел, усталый, в сторону своей гостиницы, как на дороге выбежал бойкий такой человек, вертлявый, - одно его бедро было выше другого, - со всего маху бросился он к путешественнику и чуть было не попал под копыта его лошади. В мгновение ока он уже

вытянулся как вкопанный возле самой лошадиной морды, будто и не бежал вовсе, виляя, а всегда стоял здесь, ожидая Тарази. Он заискивающе взял путешественника под локоть и посмотрел ему прямо в глаза, как бы оценивая меру его порядочности.

- Я знаю ваше дело, - сказал он громко и развязно. - Мне показали на вас из толпы на базаре.

- Да, видите ли... - Тарази стал догадываться, с кем имеет дело.

- Разумеется, я провожу вас ко дворцу эмира за плату, - без ненужных формальностей сказал провожатый. - Я на это живу, не имея других доходов.

- Так вы действительно возьметесь? - спросил Тарази, в упор глядя на собеседника и оценивая в свою очередь меру его плутовства.

- Ну, конечно! - вдруг расхохотался провожатый, затем неожиданно стал серьезным. - Вы правильно сделали, что решили сразу направиться в центр. На других улицах нечего смотреть, кроме ворот и заборов, похожих один на другой. - И он опять расхохотался, хотя тут же испугался, как бы путешественник, приняв его за человека легкомысленного, не заплатил мало, потому, закрыв ладонью смеющийся рот, спросил: - Договорились?

- Да, я вам хорошо заплачу.

- Тогда ступайте за мной, - все так же громко сказал провожатый, беря лошадь под уздцы.

Тарази посмотрел вокруг, боясь, как бы посторонние не догадались об их путешествии, - ведь раз он пользовался услугами платного провожатого, значит, делал нечто не вполне законное.

Тарази угрюмо и молча пошел за провожатым, а тот покрикивал на прохожих, расталкивая их, словно все, кроме него, были бездельниками. Так пройдя несколько десятков шагов, он зашел в какие-то ворота. И очутились они в узком переулке, точнее, в коридоре между глухими стенами, покрытыми копотью, - видно, ночные бродяги собираются здесь у костров.

А вскоре стало совершенно темно и коридор перешел в тоннель. Тарази остановился, думая, идти ли ему дальше, но проводник уже исчез из вида, и был слышен только цокот копыт лошади путешественника. Если бы не лошадь, которую вел проводник, Тарази так и не решился бы идти дальше в неизвестном направлении. Он закашлял для храбрости, напоминая о себе проводнику, затем сделал несколько шагов по тоннелю. Полоска света Мелькнула в тоннеле, осветив на мгновение провожатого, и опять стало тихо, будто оба они с лошадью провалились сквозь землю.

"Надо запомнить это место, вдруг придется возвращаться без провожатого", - подумал Тарази и оглянулся, и увидел, что полоска света на потолке медленно угасла - словно отворили наверху окно, а когда проводник и Тарази прошли, снова закрыли его.

"Наверху сидят помощники проводника, - смекнул наш путешественник. - А может, подкупленная им стража..."

И тут Тарази сообразил, что нет ничего диковинного ни в самом тоннеле, ни на улице, откуда он не мог найти выхода, ни в действиях проводника и его помощников наверху, - видно, город стоит над множеством разветвлений гrotов и горожане построили в них тоннели-переходы от улицы к улице, чтобы в день нашествия врага надежнее защититься.

Догадка эта подтвердилась, когда тоннель кончился неожиданно, слышались шум и голоса улицы и Тарази вышел на свет - яркий и режущий глаза.

Он постоял немного на тротуаре, жмурясь, затем, опомнившись, бросился к провожатому. Тот шел вдоль домов, не сбавляя шага и не оглядываясь, словно забыл о Тарази.

Он уже не вилял, этот проводник, шаг его был тверд и ровен, видно, с бедрами у него было все в порядке, просто прикинулся юродивым, чтобы разжалобить Тарази и выманить побольше денег за услугу.

Глядя на богатые дома и степенных прохожих этой улицы, Тарази оценил хитроумное

перевоплощение своего проводника. Здесь, среди людей состоятельных, он хотел выглядеть независимым. У постоянных дворов же, среди всякой сомнительной публики, ему выгоднее было притворяться хромым и вертлявым, чтобы не выделяться.

Но вот прошли они и по этой улице, обогнув ее лишь полукругом. Проводник толкнул ворота и вошел в следующий коридор, и лошадь зацокала по мраморным плитам.

Коридор этот, связывающий одну богатую улицу с другой, имел совсем другой вид. Стены сложены из красного камня и туфа, а на стыках, где коридор поворачивал направо или налево, стояли белые колонны. И было здесь раза в два шире, чем в первом, закопченном коридоре, - лошадь проходила свободно, не задевая клеткой стен. Словом, построено все так, чтобы могли здесь под землей пережить войну от начала до конца с комфортом состоятельные жильцы.

Там, куда Тарази с проводником должны были спуститься в полумраке по ступенькам вниз, неожиданно открылись окна, осветив коридор.

Проводник прошел, глядя себе под ноги, но не переставая кивать благодарно кому-то. Но когда к окнам приблизился Тарази и поднял голову вверх, желая посмотреть, какой вид открывается из них, окна тут же захлопнулись.

Теперь стало ясно Тарази: каждая улица имела свой выход к этим коридорам и тоннелям, но почему, кроме него, ни один человек не пробирался . этим путем к центру?! Наверное, в повседневном быту горожане пользуются другими переходами с улицы на улицу. И только приезжих ведут за плату по этим коридорам, ведут тайно, ради заработка, осмеливаясь показывать чужестранцам свои секреты. "Какой упадок нравов, какой цинизм! Здесь подкуп и мошенничество даже в делах, связанных с защитой города!" - подумал Тарази.

Но вот они снова зашагали по тоннелю, часть которого была освещена улицей. Затем на короткое время наступила полная темнота, но не успел Тарази опомниться, как снова ступил на освещенную часть тоннеля.

Тщетно пытался понять он, откуда идет свет, - ни окна, ни люка, только глухие мраморные стены. И когда Тарази уже махнул рукой, утомившись от напряжения, неожиданно разгадал всю хитрость. Плиты наверху были сложены лесенкой так, чтобы верхняя освещала нижнюю, а нижняя - следующую, но с таким искусством, чтобы рассеянный взгляд не мог этого заметить и чтобы у идущего создалось впечатление, что тоннель больше не связан с улицами, а может вывести неизвестно куда.

"Значит, близко дворец", - подумал Тарази и засуетился, увидев, что снова выпустил провожатого из вида.

Тарази бросился вперед и совсем неожиданно выбежал к маленькой рощице, хотя и не удивился, увидев деревья и зелень после мрака тоннеля, ибо внутренне был уже готов ко всяким неожиданностям. Зато увидел он сквозь деревья продолжение тоннеля и подумал, пробираясь через кустарник, что, видно, в этом месте тоннель обвалился и пустое пространство успело зарости колючими кустами. Он забежал в тоннель, чтобы продолжить путь, но столкнулся с проводником, который стоял в нише и делал вид, что стряхивает с себя пыль.

- Мы пришли, - сказал проводник, потупив взор. - Ступайте по рощице и выйдете к дворцу. Я вас подожду...

- Я недолго, - как бы оправдываясь, сказал наш путешественник, почему-то с опаской поглядывая на деревья.

Он потянул за собой лошадь, но вспомнил и остановился.

- Простите, - сказал Тарази проводнику, сидевшему в нише с расслабленным видом, отдыхая. - Я хотел спросить, но вы все время убегали вперед... Ваш эмир не потребует кары за лицемерие? На него можно смотреть безбоязненно, открыто или это надо делать тайно?

Вместо ответа проводник вдруг вскочил и спрыгнул со своей ниши и прислушался, напрягая

лицо.

- Т-с-с-с! - приложил он палец к губам и смотрел в глубину тоннеля, словно боялся, что может быть пойман кем-то и уличен.

Не желая терять времени даром, Тарази пошел по рощице, думая о том, что он скажет, если за обозрение Денгиз-хана придется платить.

"Я надеюсь, что эмир простит любопытство ученого, гостя из знатного рода..." И так далее...

III

Рощица, сквозь которую осторожно пробирался Тарази, казалась редкой. Вернее, это был парк - кусты вдоль тропинки аккуратно подрезаны, земля вокруг каждого дерева взрыхлена, а сама тропинка посыпана голубым гравием.

Кое-где, направленные в самые противоположные стороны, стояли указатели со стрелками. И когда Тарази пошел по направлению одной из них, самой длинной, то наткнулся на забор, к которому была прислонена деревянная тачка с большим колесом.

"Видимо, эти стрелки указывают рабочим, где лежат их инструменты", подумал наш путешественник и решил просто идти по тропинке наугад, не обращая внимания на указатели.

Рощица была сплошь из шелковицы, и на тропинку падали синие, вперемешку с белыми, ягоды. Тишина - ни гомона птиц, ни шума листвы. И даже ягоды падали беззвучно, словно были ватные. Поразительно.

Было такое время после полудня, когда человеку трудно с точностью сказать, какой теперь час. Тарази взглянул на солнце, которое стояло как бы застрявши в кроне дерева, и вычислил, что сейчас где-то около четырех часов.

Смутное беспокойство охватило его, и Тарази прибавил шаг. И хотя шел он уже довольно долго, рощица все не кончалась.

Сначала она поднималась вверх, когда Тарази вышел из тоннеля, а потом незаметно разрослась в огромный парк, где множество указателей опять показывали в разные стороны. На одном столбе были прикреплены сразу четыре стрелки, и во всей этой путанице мог разобраться только человек сведущий, чужака, вроде Тарази, все это должно было окончательно запутать.

Теперь и заборы появлялись все чаще. Начинаясь неожиданно посредине парка, они так же неожиданно кончались, ничего ни от кого не пряча. В иных местах заборы были низкие - через них можно было свободно перешагнуть, - но где-нибудь дальше продолжение этого забора вдруг поднималось в два, а то и в три человеческих роста.

Тарази остановился возле одного из заборов, не зная, куда дальше идти, - тропинка, по которой он шел доселе, затерялась в кустах терновника.

"Заборы, видимо, венчали парк бывшего монарха. Теперешний эмир расширил парк, но заборы кое-где оставил, подчеркивая этим преемственность власти. Вместе с тем он хочет подчеркнуть, что пошел гораздо дальше своего предшественника в благополучии..." - усмехнулся путешественник. И пока решал он, куда идти, изголодавшаяся лошадь его стала преспокойно пощипывать траву.

Похрустев старыми зубами, лошадь, давно не евшая сочную траву, от удовольствия заржала. Тарази хотел было в сердцах хлестнуть ее плетью, но вовремя подумал, что все равно никто ее не услышит. Ведь на всем долгом пути, пока пробирался сюда, ни разу никого не встретил, кроме невидимок, которые помогали проводнику, освещая тоннель.

Однако там, где, кажется, никто не может появиться, всегда появляется некто, чаще всего какой-нибудь немец при восточном дворе, и вот он показался из-за забора, ступая мягкими,

вкрадчивыми шагами.

Немец (звали его Гольдфингер) оказался худощавым человеком, у которого аристократическая утонченность верхней части лица соседствовала с мужицкой энергией подбородка. Удивленно подняв брови, Гольдфингер смотрел, как лошадь пощипывает траву. Одну руку он заложил за спину, а другой поглаживал ус.

- Кто вы? - спросил он, ужасно коверкая слова, но твердым тоном, что с лихвой искупало недостаток его произношения.

- Видите ли, - смутился Тарази, - я пробираюсь к дворцу эмира... и заблудился.

- Остерегайтесь, курфюрст ужасно не любит, когда чужие лошади поганят его сад, - заявил Гольдфингер.

- Простите, неужели я в его имении? В таком случае я поверну обратно...

Тарази хотел было уже уходить, но немец, по тону которого было видно, что он не хочет так просто отпускать непрошеного гостя, сказал:

- Если вы сможете найти дорогу назад, то тайна вашей лошади останется между нами. Не то курфюрст будет страшно... - пробормотал Гольдфингер, но фразу не закончил, а лишь совершенно некстати вверил загадочное словечко: Ауфбау...

- Но я вернусь по той тропинке, - растерянно пожал плечами Тарази. Гольдфингер не придал, кажется, никакого значения его словам, а только прикусил губу, как бы сожалея о чем-то.

- Кстати, не успеете вы сделать и двух шагов, как курфюрст увидит... Тут действительно из-за забора раздался зов, этакий игривый и сладкий: "Гольдфингер!" - как будто он шел от истомленного любовника.

Человек, чей голос был столь приятен, вскоре и сам показался на тропинке, и по тому, как Гольдфингер подпрыгнул и с готовностью отозвался: "Да, мой курфюрст!" - наш путешественник понял, что перед ним сам Ден-гиз-хан.

Это маленькое, низкорослое существо было олицетворением добродушия и приветливости, совсем не такой свирепый восточный монарх, с которыми Тарази приходилось много раз встречаться. Круглые красные глазки его забегали как солнечные блики по телу гостя, и не успел Тарази опомниться, как был удостоен высшей почести - поцелуя в лоб толстыми, мокрыми губами.

- О мой дорогой друг! - обнял Тарази Денгиз-хан, и легкая шапочка с султаном на его голове перекосилась набок.

Гольдфингер тут же поправил ему шапочку и, как бы ревнуя к гостю, решив умерить пыл эмира, сказал:

- Кажется, сегодня вы никому не назначали аудиенции?

- Это же мой самый лучший друг! - воскликнул Денгиз-хан и подпрыгнул сначала на одной, потом на другой ноге от восторга. - Он приходит ко мне, когда пожелает...

Тарази растерянно смотрел на государя, ведь он знал, что после такого горячего приема обязательно последует возмездие. Как всякий маленький монарх, Денгиз-хан станет действовать хитростью. И путешественник решил поэтому тут же признать свою вину, извиниться, что оказался непрошеным гостем во владениях Денгиз-хана.

- Видите ли, ваша светлость... - начал было Тарази оправдываться. - Я совсем не хотел беспокоить... Виной всему любопытство, которым страдает большинство путешественников...

- А как вы доехали, друг мой? - притворился, что не придал значения его словам, Денгиз-хан. Он взял Тарази под руку и отвел в глубину парка, доверительно наклонив голову в его сторону, словно готовился выслушать нечто очень приятное. - В прошлый раз вы обещали привезти мне личное послание Чингисхана... где бы он признал меня своим старшим братом...

- Да вы, верно... - угрюмо пробормотал Тарази, не зная, как извиниться перед Денгиз-ханом.
- Я готов, ваша светлость, удовлетворить местный закон и заплатить штраф...

- Понимаю, понимаю, - закивал Денгиз-хан. - Сейчас моему младшему брату Чингисхану не до наших дел... пока он полностью не истребит ненавистное племя тангутов... и не сровняет с землей Пекин... Но время быстротечно, пусть он ухватится за мою теплую, нежную руку брата, которую я ему протянул. Иначе я могу обидеться, и в тот момент, когда он протянет свою руку, я спрячу свою за спину...

Гольдфингер, продолжавший, видимо, ревновать, закашлял над самым ухом Тарази, чтобы прервать их интимную беседу, за что тут же получил от Денгиз-хана работу.

- Друг мой Гольдфингер, - любезно молвил Денгиз-хан, - мне хочется дать нашему гостю краткую аудиенцию.

- Слушаюсь, - с мрачным видом поклонился Гольдфингер и сразу же ушел за забор, куда указывала стрелка.

- Гольдфингер - мой гость, - пояснил хан, - иногда он останавливается у меня месяц-другой, а потом следует дальше по своим торговым делам. Сделав паузу и беспокойно оглядываясь по сторонам, словно боясь, что их могут подслушать, Денгиз-хан вдруг спросил: - Скажите, а война уже близко?

- С кем? - не сразу понял Тарази.

Денгиз-хан сделал обиженную мину и печально молвил:

- Вы знаете, я самый несчастный правитель на свете. Потому что мне достался суеверный, вздорный народец... Вот свежий пример: сегодня на пустыре увидели черепаху... очень большую черепаху, невероятных размеров. И все сразу же заговорили о войне. И нашлись даже такие, кто уверяет, что эту черепаху как предупреждение, как дурную примету прислал... кто бы вы думали? Мой младший брат Чингисхан... С другого конца света, из Пекина... Вот над каким народом господь поставил меня... - Денгиз-хан прищурился, посмотрел на Тарази, ожидая, что он на это скажет.

- Право, не знаю, ваша светлость... Но смею вас заверить, что сейчас вашему городу грозит не Чингисхан, а песок... Четыре года назад я проезжал мимо вашего города, правда не въезжая в него... и теперь... я заметил, что пустыня еще больше приблизилась к городским стенам. И мне кажется, надо срочно посеять вокруг двумя, тремя кольцами саксаул. Иначе все поглотит... - Но не успел наш путешественник договорить, как услышал громыхание, а потом увидел, как Гольдфингер торопливо везет что-то в тачке. Он испытующе смотрел то на эмира, то на Тарази, и видно было, что он беспокоится, думая, не пропустил ли что-нибудь важное из их беседы.

Гольдфингер остановил тачку и стал вынимать оттуда нечто довольно громоздкое и запутанное, а когда развернул на траве, Тарази увидел, что привез он качели.

Обмотав себя вокруг талии веревкой, Гольдфингер ловко вскарабкался сначала на одну шелковицу, потом на другую, укрепляя веревку и натягивая качели. Легкие, отделанные шелком и бахромой, они сразу же стали раскачиваться от ветерка.

Эмир же, чтобы не отвлекать своими разговорами ревнивца Гольдфингера, осматривал в это время лошадь Тарази. Поглаживал нежно хвост, тыкал пальцем в бок животного, опускался на корточки, чтобы пощупать копыта, и при этом, довольный, чмокал, а Тарази, напряженный, держал лошадь и боялся, как бы Денгиз-хан не спросил, что там в клетке под покрывалом.

- Прошу, мой курфюрст! - сказал Гольдфингер, закончив с качелями. Эмир с радостным возгласом засеменил и ловко сел на качели. Покачиваясь, он закрыл глаза от удовольствия и запел неожиданно:

Спите, дети-шалуны, вон Гольдфингер к вам идет.

Ах, мечты, ах, мечты...

Всем, кто плохо жил на свете, наказание он найдет.

Ах, мечты, мечты, мечтанья... Кто шалил - от наказания

Не уйдет, не уйдет...

- Bravo! - захолопал Гольдфингер, еле заметно усмехаясь в ус. - Ну, как вы себя чувствуете, мой курфюрст?

- Я умиротворен! Этот сад, эти качели и вы, друзьям мои... Я так одинок. Но зачем роптать?! "Спите, дети-шалуны, вон идет Гольдфингер..." Сколько раз благодаря этим качелям мы избежали неприятностей, - сказал Денгиз-хан, сладко покачиваясь.

- Много раз, мой курфюрст, - с готовностью ответил Гольдфингер, словно ждал похвалы.

- Вот сегодня, например, - продолжал Денгиз-хан раскачиваться, - когда мне сказали, что у нас появилось это чудовище... Оно еще и поныне там, на пустыре, но я спокоен. Хотя народ упрямо твердит о каких-то дурных приметах...

Гольдфингер взял конец веревки и стал помогать эмиру раскачиваться.

Тарази помешкал, но тоже взял другой конец, ибо вся атмосфера, в которой развлекался эмир, располагала к дружелюбию.

- А сколько вы заплатили тому человеку, который провел вас через тоннель? - не открывая глаз, вдруг спросил Денгиз-хан. И добавил доверительно: - Я построил эти тоннели на случай войны. И растратил всю казну. Но пока войны нет, я подумал: тоннели могут пополнять казну за счет путешественников, желающих меня лицезреть. Если еще один год Чингисхан не нападет на нас, тоннели себя полностью окупят.

- Видите, - засмутился Тарази, - мы договорились, что он выведет меня обратно в город...

- Заплатите ему хорошо, - просто попросил эмир, - ибо я обложил проводников самыми большими налогами. Им остаются буквально гроши. А они, как правило, все с семьями.

- Разумеется, - поспешно ответил Тарази.

- Когда я был моложе, - разоткровенничался Денгиз-хан, - и мог лучше развлекать таких путешественников, как вы, - ну, например, сам вместо кучера катал их по парку на фаэтоне, - то брал, естественно, в два раза больше. Но теперь... Мой друг Гольдфингер прекрасно помнит те времена...

Эмир умолк, остановил качели и сошел. Ни слова не сказав на прощание Тарази, он стал удаляться и скрылся за забором. Только раз он обратился к Гольдфингеру, который вел его, взяв под локоть: - Не забудьте о возмездии, Гольдфингер.

- Нет, мой курфюрст. Мы поручим ему увести от нас эту чудовищную черепаху, - послышался леденящий голос Гольдфингера.

- Да, он ведь ученый и как раз ловит черепах. Только сегодня, пусть сегодня же уводит... Чтобы успокоился народ. Ты ведь знаешь, мой друг Гольдфингер, что в истории был случай, когда народ поднял бунт из-за обыкновенного скорпиона. И заодно в ярости придушил и своего преданного правителя...

IV

Чудовищная черепаха, о которой сказал Денгиз-хан, часом назад была обнаружена на окраине города, недалеко от постоянного двора, где остановился наш путешественник.

Размеры и вид пресмыкающегося так возбудили суеверие горожан, что все решили единодушно: не избежать теперь городу какой-нибудь кары - засухи, чумы или войны.

Тарази же, естественно, был в полном неведении. И когда услышал из ус эмира о какой-то черепахе, то понял это не буквально, не как поручение увезти куда-нибудь подальше чудовище. Подумал, что надо пройти через какой-то ритуал, чтобы искупить свою вину за лицезрение

Денгиз-хана.

"Наверное, здесь и до сих пор черепаха почитается прародительницей рода, - подумал удрученный Тарази, оглядываясь по сторонам и ища лошадь. Может быть, толпа заставит меня пролезть под панцирь черепахи и ползти по улице. Что ж, я готов. Конечно же за удовольствие видеть монарха, каким бы жапким и комичным он ни выглядел, надо платить, и не только деньгами..."

Пока Денгиз-хан развлекал гостя, лошадь, пощипывая траву, ушла довольно далеко. Тарази пошел за ней, думая увидеть где-нибудь за деревьями дворец Денгиз-хана.

Он медлил с уходом, поднимался на пни, на низенькие заборы, обозревая все вокруг, но нигде не видел ничего, кроме заборов, каких-то ворот, стоящих сами по себе, без стен, обросших вьюнами и лианами.

"Интересно, - думал Тарази, - откуда это эмир узнал, что я ловлю черепах? Ну, разумеется, не успел я еще подъехать к города, как шпионы уже обо всем ему донесли. Вот почему и проводник не боялся показывать мне потайные тоннели, понятно..."

Тарази поймал лошадь у какого-то забора, бросил в глубину парка последний взгляд и стал вспоминать, в какой стороне спуск в тоннель. Так и не вспомнив, он подумал, что совершенно бессмысленно идти наугад - . можно опять столкнуться лицом к лицу с Гольдфингером - ревнивцем и плутом.

- Господин проводник! - крикнул Тарази. И услышал где-то поблизости шепот, который вначале не разобрал.

- Ёроіііу, не кричите! - чуть громче сказал голос. - Обогните забор и заходите прямо в тоннель. Мне не разрешено показываться в парке.

Тарази потянул лошадь и сразу же за забором увидел тоннель. Но не тот, откуда он попал в рощицу, а другой, вход в который был слегка прикрыт диким виноградником.

Едва Тарази спустился в тоннель, как провожатый встретил его и взял лошадь под уздцы. И, ни слова не говоря, с видом совершенно бесстрастным, пошел вперед.

Тарази облегченно вздохнул и, почувствовав прилив сил, решил почему-то посмеяться над этой глупой ситуацией - ведь ему, человеку крайне занятому, было жаль столь бессмысленно потраченных часов.

- Почему вам не разрешено появляться в парке перед взором его величества? Ведь, получая плату от таких простаков, как я, вы большую часть отдаете эмиру. Значит, все вы - одна шайка! - крикнул Тарази.

- Прошу вас, не кричите! - на сей раз довольно твердо и решительно повторил проводник.

- Отчего же не кричать?! Мне осточертели шепот, эти улыбки, эта светская дребедень, эти качели и этот Гольдфингер - низкий, испорченный субъект, прихлебатель вашего хана.

Проводник долго молчал, и молчание его начинало казаться зловещим.

Тарази вдруг подумал, что зря он затеял весь этот спор и что плут проводник может в отместку завести его куда-нибудь в темное место и ограбить.

- Я не знаю, о чем вы говорите, о каких это качелях. Я ведь и хана нашего ни разу в глаза не видел, - услышал он голос проводника.

- Как не видели? - удивившись, побежал вперед Тарази, желая поговорить с проводником доверительно. - Человек, который так часто бывает в его саду... Нет, не верю.

- Мне не разрешено с вами разговаривать, - вздохнул проводник, и было видно, что он сам тяготится молчанием. - Вы уедете, а мне тут жить...

- Да ведь нас никто не слышит! - промолвил Тарази, но тут же вспомнил о тех, кто освещал им дорогу в тоннеле.

Ему даже стало немного не по себе - ведь обо всем, что он говорил сейчас нелестного о

Денгиз-хане и Гольдфингере, могут донести эмиру, и, хотя он гражданин другого ханства и не должен подчиняться местным законам и обычаям, кто знает, на что способен Денгиз-хан - мстительный и хитрый.

"Хотя, - успокаивал себя Тарази, - правитель совсем потерял самолюбие. Ведь он не ленится раскачиваться на качелях, показывать гостям за плату свое ничтожество. Так что Денгиз-хан безболезненно проглотит все мои резкие выражения".

- А почему вы не побоялись показать мне тайну военного тоннеля? спросил он о том, что его давно интересовало.

- Еще не успели вы войти в наш город, как мы знали, кто вы, - коротко молвил проводник, как бы оставаясь недовольным допросом. - Мало ли таких, неприкаянных, бродят по свету...

"Ну, разумеется, знали", - печально улыбнулся Тарази и тут же вспомнил о загадочной черепахе, о которой говорил Денгиз-хан. "Стало быть, зная, что я изучаю редких черепах, они решили..." Но о чем они могли решить, Тарази так и не догадался и шел и думал об этом, пока вдруг не услышал крик проводника и шлепанье босых ног по плитам тоннеля.

Едва проводник свернул направо, как столкнулся с человеком, который тут же бросился бежать обратно. Маленький, бритоголовый, в длинном белом одеянии, похожем на ночной халат, он вздрагивал от криков проводника, который с проклятиями побежал вдогонку, разматывая на ходу веревку.

Бритоголовый путался в своем нелепом одеянии, спотыкался после каждого шага, и Тарази не выдержал, крикнул:

- Что вы не поделили?!

Бритоголовый на мгновение прижался к влажной стене и бросил взгляд на Тарази, желая понять, может ли он защитить его от насильника. Но, видимо не совсем уверенный в этом, собрал остатки сил, чтобы продолжить бег.

Но в тот момент, когда проводник уже настиг его и поднял веревку для удара, перед самым носом беглеца, загнанного в тупик, неожиданно открылось окно в тоннеле.

Беглец зажмурился от яркого света и пошатнулся. Но распростер руки И бросился на свет, хотя и знал, что те, кто открыли окно, не его сообщники, а проводника. Видно, из двух зол он выбирал меньшее. И только он подался всем телом к окну, как две пары рук вцепились ему в плечи и потянули наверх.

Но проводник все же успел хлестнуть его веревкой по голым пяткам, прежде чем окно снова закрылось.

Довольный собой, проводник остановился и стал отряхивать одежду, да так усердно, будто вся она была в пыли. Отряхивать себя без надобности было, видимо, его дурной привычкой, и это почему-то совсем разозлило Тарази.

- Да как вы смели совершить над человеком такое надругательство! закричал наш путешественник. - В каком-нибудь цивилизованном римском обществе вас бы удостоили всеобщим презрением! - Понятно, что о цивилизованном обществе Тарази сказал в гневе и для красного словца, забыв о том, как в римском соборе, куда он зашел, чтобы посмотреть на фрески, мастера, работавшие на лесах, вылили на его зеленую чалму мусульманина ведро с помоями.

Проводник отступил горделиво на шаг, ибо считал своей обязанностью придерживаться дистанции между собой и Тарази, и ответил:

- А что сделали бы вы, если бы кто-то пытался нарушить законы территории, которая подвластна вам?

- А кто дал вам эту власть? - усмехнулся Тарази.

- Ремесло проводника дано мне по наследству. Сейчас я обучаю этому сложному делу сына,

а он должен будет потом обучить своего. Право это скреплено печатью самого Денгиз-хана! - важно подчеркнул проводник, но затем глаза его беспокойно забегали по лицу Тарази. - Или вы убеждены, что все это скоро кончится?

- Не знаю, - сердито прервал его Тарази. - Не берусь судить...

- Тогда поторапливайтесь, - ускорил шаг проводник, - скоро вы уже увидите свою черепаху.

V

И вот опять услышал о черепахе Тарази. Озадаченный, он остановился, но проводник все удалялся... Путешественник заторопился, сделал шаг, второй, и тоннель неожиданно осветился, будто срезанный шумом и криками. Свернув направо, Тарази вышел на большой пустырь, покрытый солью, и зажмурился от режущего глаза света - здесь-то и гудела, волновалась толпа.

Часть горожан, повернувшись к тоннелю спиной, показывала куда-то пальцами, другие же в упор смотрели на Тарази, хотя, приглядевшись, путешественник заметил, что взгляды их блуждали, глазки бегали поверх его головы, будто шел позади Тарази еще кто-то, намного выше его ростом. Тарази невольно оглянулся, но увидел проводника. Тот стоял в стороне и по привычке отряхивал с одежды невидимую пыльную пудру.

Тарази съежился, ожидая ужасного... заставят его, человека, не склонного к легкомысленному веселью, исполнить танец, будут хлопать и улюлюкать, толкать его по кругу, чтобы забегал вес быстрее, все проворнее в бесовской пляске и потерял ощущение, лишился бы чувств и скорчился на земле в припадке, в беспамятстве... Хотя странно, не видит он ни одной черепашьей маски, закрывающей смеющуюся рожицу, бубнов и барабанов, отбивающих ритмы тамтама. И смотрели на Тарази не дерзко и вызывающе, желая забавы, а с мольбой, ожидая защиты. И покорно опускали головы дальние, стоящие же рядом - улыбались...

- Так чего от меня хотят эти господа?! - обратился было Тарази к проводнику, но с удивлением увидел, как тот доверительно шепчется с Фарру-хом из постоянного двора и слуга с сожалением покачивает головой.

- В конце концов, я свободный человек... ничего предосудительного не сделал... - взбодрился наш путешественник. - И кроме того... - Он хотел добавить, что только что был в гостях у Денгиз-хана и, следовательно, находится под защитой их государя...

- Видите ли, мавлоно [Мавлоно - учитель, почтительное обращение к ученому человеку]... простите, хан, - забормотал Фаррух, подбегая к нему и путаясь от смущения. - У нас появилось некое чудовище... существо... - но тут же умолк, испугавшись собственных слов и опасаясь, что чудовище услышит его. Он даже закрыл лицо дорожным мешком Тарази.

Эта дерзость Фарруха больше всего задела Тарази, он не выдержал и закричал:

- Кто вам разрешил брать мои вещи?! Вам не терпится поскорее выпроводить меня из своего клоповника?!

Фаррух, не ожидавший такого выпада, попятился назад и бросился в толпу, чтобы спрятаться, ибо был так напуган, так ошеломлен, бедный и впечатлительный, что лицо его перекосилось, будто получил он оплеуху.

И в это время раздался другой, уже панический крик, и затопали, побежали... Передние в толпе теснили задних, задние, стоявшие недалеко от Тарази, улыбаясь ему и кланяясь, бросились бежать с пустыря. Но бежали не бестолково, а так, будто заранее начертили в своем воображении невидимые тропинки, и засемили по ним, чтобы не дай бог не сбить с ног нашего путешественника..

Вот и последний проскакал мимо Тарази, а он, оставшись в одиночестве, только теперь заметил, что стоит на возвышенности и отсюда хорошо просматриваются крыши домов и круги

улиц, тех, что повыше.

Толпа уже бежала по этим улицам, и впереди всех довольно толстый субъект в красном - один из тех ленивых, насмешливых горожан, которые в минуту опасности верховодят остальными, делаясь такими прыткими и проворными, что и не угнаться за ним; прыткий то снимал, то снова надевал на бритую голову шапочку с султаном.

Вот толстяк на мгновение Исчез из вида, затем снова появился, но уже на другом круге квартала, и, следя за его бегом, Тарази подумал о том, как все просто оказывается на этих улицах, нет туманящих загадок и пугающих тайн.

"Ведь с султанчиком ни разу не спускался в тоннель, а вел за собой всех по знакомым ему переходам", - заключил наш путешественник и, увлеченный этой картиной, забыл о своей лошади с клеткой на боку и о проводнике, а когда спохватился - увидел, что проводника нет на пустыре, видно, бедолага, сбежал со всеми, зато лошадь мирно, не пуганная никем, щипала сухую белую траву, торчащую из соляных пятен.

"Пронесло... - облегченно вздохнул Тарази. - Хотя поведение толпы и непонятно, унижения я, кажется, избежал... И могу сейчас же уезжать, не медля..." И заторопился к своей лошади, пройдя по дну высохшей речки и опять поднимаясь на возвышенность; тут он невольно остановился: пустырь с горками соли и ямками с зеленой стоячей водой был усыпан камнями, палками и железными прутьями, короткими, как ножи, будто здесь дрались, целясь друг в друга острым и круглым, а то и просто булыжником... размах настоящего побоища.

И еще валялись под ногами клочья сетей, обрывки веревок, даже куски мешковины, такое ощущение, будто толпа хотела кого-то загнать в сети, а существо это - чудовище или человек - рвало и металось, металось и рвало, не желая лезть в капкан.

"Уж не черепаха ли это?" - мелькнуло у Тарази, едва вспомнил он слова Фарруха и странное поведение толпы, мигом исчезнувшей с пустыря.

Любопытный, как и все путешественники, Тарази побежал по пустырю, забыв о всякой опасности. Приседал возле каждого встречного холмика, осматривал его со всех сторон, втыкал трость в мутную яму, энергично покручивая ею в заплесневелой воде и чихая от болотных запахов, вскакивал, бросался к кучке хлама, чтобы разбросать ее по сторонам. И вот нашел наконец, задержался у ямы, изумленный и растерянный, ибо то, что он разглядел в грязной воде, было не что иное, как чудовище.., существо, от страха прижавшееся ко дну.

- Боже! - вскрикнул Тарази, увидев черепаху, дородную, королевскую черепаху размером с человека среднего роста.

Впрочем, стоило ему внимательно приглядеться, как суеверный страх сразу прошел, ибо великан среди черепах, зарытый в грязь, производил жалкое впечатление - купол его панциря поднимался и снова опускался в болото, и было видно, что он с трудом дышит в мертвой воде, боясь выдать себя.

Похоже, что черепаха топала по пустырю, нелепо расставляя толстые лапы, и вот тут-то горожане заметили ее, стали кидать камни и палки. Бросались на нее с сетями и железными когтями, загнали черепаху в яму, а она высовывала голову, шевеля черным языком перед носом какого-нибудь смельчака, фыркала, стонала, чтобы напугать его.

Но по всему было видно, что кто-то ловкий сумел набросить на нее сеть, чтобы вытащить из болота. Глухая, как и все черепахи, она не слышала, что подкрались к ней сзади, но с какой яростью она рвала сеть когтями и сильным хвостом...

Сейчас она лежала в неудобной позе, подмяв под себя лапу и пытаясь все время выпрямить ее. Наверное, она сделала резкое движение, и это увлекло ее из толщи вонючей мути, да с таким фырканием и чмоканьем, что толпа, стоящая в напряжении, бросилась прочь, оставив Тарази наедине с чудовищем.

Впрочем, кто знает этих людей? Может, они не убежали бы, а продолжали кричать и бросать в ее сторону камни, если бы не проводник, который привел сюда Тарази.

"Их держало здесь чувство долга, - усмехнулся про себя Тарази. - Они послали сказать Денгиз-хану и ждали его высочайшего повеления. Но когда узнали, что эмир поручил это дело мне, сразу же потеряли интерес к черепахе и побежали, делая вид, что напутаны..."

Тарази осмотрел черепаху со всех сторон, не находя в ней ничего ужасного и отталкивающего,

- Если это кара Денгиз-хана, я принимаю ее с благодарностью, - забыв о всякой осторожности, вслух сказал наш путешественник. - Как будто эмир знал, что к всегда мечтал найти в пустыне черепаху таких размеров...

Толкнув в Черепаху тростью, Тарази подумал о своем ученике, молодом человеке со странным, необычным именем - Армон [Армон - не достигший цели, неудовлетворенный (тюрк)], и живо вообразил, в какой тот придет восторг от находки.

Армон, как и Тарази, в последнее время увлекся тестудологией [Тестудология - производное от латинского *testudines* - черепаха - наука, занимавшая промежуточное положение между биологией и зоологией. - Примеч. автора]. Каких только черепах не изучили они вместе - и скрытношейных, каймановых, и грифовых, иловых, мускусных, и горбатых, кожистых, змеешейных. Но разве могла сравниться с ними и по повадкам, и по одному лишь размеру миолания - длина ее была почти пять локтей - редкая порода черепахи, пойманная Армоном.

- Ну-ка, дружище, - сказал Тарази, настраиваясь на шуточный лад, - не пора ли вылезать из этой клоаки? - И легко так подтолкнул черепаху, помогая ей освободить ногу.

Фыркая, черепаха слегка наклонилась, обнажив свой гладкий, покрытый еле заметным пушком, сальный, сытый живот, и вытянула лапу.

Затем и голову подняла, стряхивая с нее грязь, и с тоской глянула на Тарази прищуренными глазами, желая запомнить своего доброддея. Но, вид-но, не до конца разглядев его, снова уставилась на Тарази тусклым, неживым глазом, заставив нашего путешественника съежиться от неприятного ощущения.

- Ну, довольно разглядывать, - поторопил ее Тарази. - Пока не стемнело, мы должны уехать. - Вторую половину фразы сказал он громко, чтобы и горожане услышали, ибо был он уверен, что, спрятавшись где-нибудь поблизости в гроте, они наблюдают за каждым его движением.

Но странно, черепаха медлила, нюхала воду и снова, в который раз, близорукими глазами всматривалась в Тарази. И так продолжалось бы бесконечно, если бы Тарази в сердцах не прикрикнул на нее, не выругал, не обозвал "ползучей костяной чашкой, полной потрохов".

Черепаха опасливо высунула голову из панциря и огляделась, желая убедиться, что ничто ей не угрожает, затем с трудом поднялась на лапы и вылезла, посапывая, из болота.

- Вижу, тебя так напугали! - воскликнул Тарази и посмотрел по сторонам. - Господин Фаррух!

В ответ послышался шепот, бормотанье, будто советовались, принимая трудное решение.

- Выходите же наконец! - в нетерпении позвал Тарази. - Мне надо расплатиться за ночлег... я уезжаю... - И посмотрел, желая проследить, откуда появится Фаррух, но так и не смог увидеть, ибо слуга уже шел к нему, неизвестно зачем прихватив ведро. Был он мертвецки бледен и не спускал глаз с черепахи, словно ждал нападения.

Остановившись шагах в десяти от Тарази, Фаррух поставил ведро на землю, давая понять, что он и шага больше не сделает, даже под угрозой смерти.

Тарази глянул на его деланно-стыдливую позу, в которой было столько притворства, и не сдержался, съязвил:

- А ведь могли для храбрости прийти с друзьями, которые притаились в гроте...

Фаррух, вместо ответа, вдруг отбежал еще на несколько шагов и стал там, опустив бегающие глазки. Не Фаррух со своим притворством удивил Тарази, а черепаха, которая, едва увидев слугу, тут же в страхе зарылась опять в яме.

Тарази стоял в растерянности: что могло ее так напугать? Ведь не лошадь же, спокойно поедающая травку на краю пустыря.

"Может, бросили в нее камень из грота?" - подумал Тарази, не находя другого объяснения, и крикнул:

- Эй вы, смельчаки в гроте! Если будете мне мешать, я оставлю вам в подарок черепаху и уеду!

Шептали на сей раз растерянными голосами, думали, видимо, как объяснить Тарази, что, наоборот, все они с трепетом ждут, когда же наконец увезет он черепаху, с благоговением молятся за него.

- Вылезай! - Тарази в сердцах ударил черепаху тростью по панцирю, и раздался такой звук, будто была черепаха полая изнутри, без тела.

Бедняга нехотя высунула голову из воды, но, увидев Фарруха, снова зарылась в грязь.

В недоумении Тарази смотрел на Фарруха, хотя несчастный слуга боялся поднять глаза и стоял по-прежнему в покорной позе, опустив голову. Тарази же припоминал жесты Фарруха, его манеру говорить и думал: нет ли между Фаррухом и черепахой какой-то связи? Ведь не зря же появление слуги привело ее в такое смятение. Наш тестудолог верил в такие скрытые, интуитивные связи и знал, что в одном роду вместе с человеком может появиться и неудачный его слепок в облике черепахи или варана.

- Что напугало тебя в этом человеке? - склонился Тарази над черепахой. - Ведь он только и способен притворяться, чтобы вызвать жалость...

Черепаха еще глубже прижалась животом ко дну, и Тарази знаком велел Фарруху убираться вон, что слуга с удовольствием и сделал.

Черепаха фыркнула, вылезая из воды, и отряхнулась, - видно, ей самой уже не терпелось выйти поскорее на сушу. Купол ее панциря, изогнутый книзу, на округлении живота, светло-коричневый, с глубокими черными бороздками, был похож на перламутровые чашки. Чешуйчатые, толстые лапы она могла защитить, только подобрав под себя, голову, как и все ее сородичи, прятала, втянув в панцирь, - словом, ничего в ней необычного, разве что только длина... Хотя Тарази тут же вспомнил о том, что писал ему Ар-мон: какие-то странники рассказывали молодому тестудологу, что на острове была поймана слоновая черепаха. По описанию Армона, была очень похожа на ту, что смотрела сейчас, не мигая, на Тарази.

Но ведь не могла же слоновая черепаха проползти так далеко, от острова - через море - в пустыню? А впрочем, кто знает? И здесь некогда было море с островами, плескалась вода, собирая мокрый песок на берегу, и, может, черепаха эта одна из тех, что не ушли отсюда, а научились жить на суше?

- Ну, пора, пора! - вдруг спохватился и заторопился наш путешественник - и добавил, уверенный, что Фаррух его слышит: - На постоянный двор мы не вернемся. В Оруз, к Армону! А ночь мы проведем в Муз-тепе [Муз-тепе соляной холм], греясь в теплых соляных парах...

Тарази свистнул, лошадь в ответ заржала и прискакала к хозяину, дорожный мешок которого был незаметно прикрашен Фаррухом к седлу.

В путь! Но не успел Тарази вскочить на лошадь, как услышал крик.

"Что за черт?" - с неприязнью подумал он, видя, как через весь пустырь бежит к нему, выкрикивая что-то, мужчина в ватнике, размахивая свирепю плетью.

Тарази, не вынимая ноги со стремени, ждал и удивился тому, что черепаха, так панически бежавшая от Фарруха, даже не глянула в сторону незнакомца.

Бежавший, средних лет мужчина, весь потный, со взъерошенной бородой, остановился как вкопанный у самой морды лошади, лошадь невольно обнюхала его и брезгливо отвела ноздри. Мужчина же от волнения долго не мог начать, хотя и открывал рот и очень старался.

- Я - Кумыш, клянусь всеми святыми! - выговорил он наконец с акцентом горца. - Вы, я вижу, уезжаете, а кто мне вернет долг?

Что-то трогательное было в этом человеке, должно быть, то, что он слишком сильно переживал, боясь оказаться ложно понятым.

- Вы, верно, обознались? - улыбнулся Тарази и предупредительно наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

- Это же Али-Ташбаккол! [Ташбаккол - лавочник, мелкий торговец] закричал Кумыш, показывая плетью в сторону черепахи, мирно стоящей рядом с лошадьёю. - Мне сказали, что теперь он ваш раб... слуга. - Кумыш запнулся, не находя точного сравнения, ибо даже он, ослепленный яростью, понимал, что называть черепаху слугой не совсем убедительно. - Словом, он теперь ваша собственность, и будьте добры, верните мой долг... Я всем объяснял, когда толпа пыталась его поймать, но меня прогнали, - говорил он торопливо, желая скорее высказаться, пока его снова не прогнали, - Он у нас в деревне, в лавке, всех обвешивал, обкрадывал, безбожник, и мы проклинали его... Не было семьи, где бы не желали, чтобы аллах покарал его... А он мне задолжал десять монет золотом... Я уезжал в горы к брату, а когда вернулся, мне говорят: радуйся, господь услышал нас и превратил Ташбаккола в черепаху. И я вижу - он и впрямь ташбокка [Ташбокка- черепаха, производное от: ташбаккол]...

Тарази продолжал с улыбкой смотреть на Кумыша, не зная, как ему возразить.

Кумыш помолчал, подождал, но, видя, что Тарази ничем не убедишь, в сердцах ударил себя в грудь:

- Да как же вы... правоверный мусульманин... и не верите? - И еще ударил себя по лбу - жест, которым горцы клянутся в честности. - Вы посмотрите, на что похож ее панцирь?! На чашу весов, которыми плут обмеривал честных людей! А повадки? Подлые, трусливые, так и норовит спрятать голову от стыда... Верните мне долг, умоляю! - Кумыш вдруг упал на колени, протягивая руки в мольбе. - Я столько дней искал его, мошенника! [Автор использовал здесь мотивы восточной притчи о превращении плутоватого торговца в черепаху. - Примеч. автора]

Продолжая бить себя в грудь, по лбу, в живот, Кумыш краем глаза с любопытством поглядывал на черепаху, ожидая, что она чем-нибудь выдаст себя. Но черепаха бродила вокруг лошади, тянулась к ее хвосту, опускала морду, чтобы обнюхать ее следы, будто искала что-то.

Тарази пожал плечами, больше ему ничего не оставалось делать, как крепко натянуть поводья, зная, что сейчас освободят его от назойливого горца.

И вправду, едва Кумыш вскочил, чтобы броситься за путешественником, как открылась плита тоннеля - и четыре пары рук, высунувшись из грота, потянули за собой кричащего, проклинаящего свою судьбу Кумыша.

Тарази повернулся в седле и увидел, как черепаха безропотно пошла за ним. Но шла осторожно - мягкие, вкрадчивые шаги ее не оставляли на мокрой земле следов.

Тарази хотел было крикнуть Фарруху, сказать на прощание всем, кто следил за ним, что-нибудь язвительное и путаное, чтобы ломали они потом свои головы, пытаясь найти смысл в услышанном, но не стал, махнул рукой.

И снова в путь... странствия. За пустырем начиналась дорога, одна из бесчисленных дорог в пустыне, на которую Тарази ступил без грусти и сожаления, ибо уделом его была кочевая жизнь, которую он сам себе выбрал.

Черепаха, покорно топающая сзади, остановилась на краю пустыря, чтобы в последний раз глянуть на город, с которым, видимо, еще что-то связывало...

Страдальческая морда ее на миг как бы посветлела. Но впереди была длинная дорога, полная неизвестности. Это испугало ее, и, в отчаянии щипнув какую-то жесткую траву, она пошла, пожевывая и нелепо расставляя лапы.

Отъехав на большое расстояние, Тарази вдруг опять вспомнил Фарру-ха, подумал, что так и не расплатился с ним за ночлег. Но, открыв дорожный мешок, обнаружил, что честным слугой было взято из его кошелька ровно столько, сколько полагалось за хорошую комнату и корм для лошади...

VI

"Жаль, я забыл сказать ему о главном, - подумал наш путешественник о Фаррухе. - Не намекнул плуту, что теперь он займет место хозяина на постоялом дворе. Ведь у пропавшего Бессаза не осталось наследников. Интересно, как бы вел себя Фаррух? Бормотал бы что-нибудь невнятное, притворно всплакнул бы, уверяя, что ничего ему не нужно из чужого добра, лишь бы его почтенный хозяин вернулся живым-невредимым..."

Затем Тарази пристально посмотрел, как плетется за его лошадью черепаха, и подумал о другом:

"Но какая же все-таки связь между этим толстоногим страдальцем и

Фаррухом - вот загадка! Отчего черепаха была в ужасе, едва увидела слугу постоялого двора? Уверен, что до этого они ми разу не сталкивались... Но может, связь родственная? Ведь возможно: природа тянула цепочку рода, которую завершает Фаррух, а в каком-нибудь седьмом поколении как неудачный слепок появилась черепаха, троюродный дядя того же Фарруха. Хотя если они родились из одного древа, то должны были чувствовать друг к Другу влечение? Черепаха бросилась бы к Фарруху искать защиты от озверевшей толпы... Часто животные бродят в поисках людей своего рода, а те, не зная об этом, в тоске молятся изображениям животных или танцуют до припадка, закрыв лица масками из черепаших панцирей..."

Тарази ждал, пока черепаха выйдет из-за холмика, затем сделал круг, осматривая ее со всех сторон и не переставая удивляться своей находке...

Это действительно везение - крупное, видно по всем признакам - умное, как слон, но не изученное еще тестудологией животное, - такой подарок природа преподносит ученым раз в сто лет, неизвестно только, для разгадки тайн или просто в насмешку за тщетность и суетность их помыслов?

Но как бы там ни было, наш путешественник, не лишенный тщеславия, уже слышал голоса своих коллег-ученых, которые назовут потом животное его именем - черепаха Тарази.

Но где они, эти отважные коллеги-ученые? Только Тарази и его ученик Армон из Оруха увлечены тестудологией, все же остальные - от Дамаска до Бухары - колдуют в дыму и чаду, пытаясь превратить железо в блестящий, увлекающий, смертельно благородный металл. Тарази, больше чем кто-либо, отдал алхимии, зато раньше всех понял, что занятие это бесплодное, спорил с коллегами во дворе эмира бухарского, пытался доказать, но за то, что сеял смуту в умах ученых и сомнения в душах казнохранителей, был изгнан из родного города на десять лет, чтобы мог он вернуться уже умудренным, верующим, не знающим сомнения.

Впрочем, алхимия - идея превращения металлов - и озарила его вдруг, научила тестудологии - превращению жалких, неразумных животных в приличных людей, которых можно обучить торговле, военному делу, переписыванию бумаг и каллиграфии, на худой конец.

Десять лет он скитался... В Дамаске его приняли за соглядатая и продали греку-лавочнику. Дочь грека Зорбы влюбилась в молчаливого аскета, и это спасло его - грек однажды утром широко распахнул двери лавки и пинком в зад прогнал Тарази прочь... В римском соборе, как

мы уже говорили, он обозревал картины с распятым пророком Исой, и его облили сверху помоями кара, чтобы мусульманин не входил больше в христианский храм.

Долго он прожил возле ашрама [Ашрам - храм, обитель] и вел беседы с отшельником. Тарази увлекся учением об аватарах, и они говорили с отшельником о разных случаях перевоплощения в зависимости от поступков и деяний человека в предыдущих рождениях. Саму идею перевоплощения Тарази толковал как закон жизни, форму изменения, приемлемую для всех живых существ, будь то человек или животное, то есть в голове его зрела всеобщая формула, которую он как ученый хотел применить в своих исканиях.

Отшельник же эту самую идею толковал уже как человек богобоязненный, кроткий, не помышляющий дерзнуть на широкие обобщения, а тем более строить из случаев перевоплощения всеобщий закон жизни. Он говорил лишь об аватарах одного божества - Вишну, рассказывая о его возрождениях на земле и появлении среди людей в виде животных - рыбы, черепахи, вепря, льва и человека, карлика Вамаиа, Кришны, который был одновременно и пастухом, и принцем, и воином, царевича Рамы, брахмана Па-рашурама, всадника на белом коне - Калки и, наконец, мудреца-вероучителя Будды...

Тарази старался втолковать отшельнику, что поскольку божество меняет свою форму, перевоплощаясь, то человеку, изучившему этот порядок перевоплощений и вычислившему математическую формулу, можно будет вмешиваться в божественное ремесло и превращать, скажем, вепря в человека по своему желанию и, наоборот, различными опытами и хирургическими вмешательствами - в животное...

Отшельник, уже давно подозревавший Тарззи в богохульстве, но всегда говоривший с ним сдержанно, дружелюбно, ничем не выражая своего раздражения, вдруг махнул в сторону Тарази в досаде рукой и, повернувшись, пошел в глубь ашрама. И как был удивлен Тарази и тронут, когда на следующий день отшельник нашел его возле базара, упал на колени и потянулся к его сандалиям, чтобы поцеловать на них пыль. Жестом этим он как бы умолял Тарази простить его за раздражительность и нетерпеливость, которые помешали ему в спокойном и дружелюбном тоне закончить их вчерашнюю беседу. "Мне, грешному, еще долго придется учиться сдерживать свои пороки", - добавил отшельник печально.

В Самарканде у него был брат, служивший в дворцовой гвардии хана сипахсаларом [Сипахсалар - высший воинский чин], человек обеспеченный, испытывавший к Тарази сложные чувства, - он и жалел Тарази, называя его юродивым, неудачником, и стыдился на людях за него, любил отшучиваться: "Наша покойная матушка рассказывала, что, когда мой братец появлялся на свет, он не увидел сторону Мекки и отвесил поклон язычникам..." И когда Тарази, остановившись у него ненадолго, рассказывал о своих индийских приключениях, брат все время прерывал его, говоря: "Ну довольно, образумься ты наконец. Ты еще не так стар, за сорокапятiletнего любая богатая вдовушка пойдет. Поживи хоть немного. Ну чего ты маешься? Чего ищешь? Что тебя режет пополам, что ты мечешься между верой и неверием?.."

И сестра, к которой он приехал тайком в Бухару - одинокая, хотя и живущая в достатке старая дева, - о том же. Смотрит на брата, как он ест, как сидит во дворе, глядя на куст олеандра в палисаднике, и вздыхает, не знает, о чем с ним говорить, чувствует, что он так далек от нее, от этой жизни вокруг, но думает сестра все о том же - остепенился бы, седой уже весь, спрятал бы гордыню и пошел бы на поклон к эмиру Бухары, чтобы тот простил и разрешил жить в родном городе. Через каких-то влиятельных знакомых добилась она приема к эмиру. И пока Тарази сидел в приемном зале, среди просителей, не зная, о чем он будет говорить с эмиром, от всей этой чинности, парадности, от всей этой атмосферы негласного соперничества кого раньше пригласят на аудиенцию, тот, значит, большего стоит! - он вновь наполнялся иронией, мысли его как будто загорались от парадоксальных догадок и прозрений, от пронизательного взгляда

на сидящих в зале и ожидавших каждый своего - повышения в чине, в жалованье, графства, бегства, - и вся эта мишура не стоила того, чтобы отдавать за нее хотя бы час своей свободы, добровольного изгнания, этого мерного покачивания в седле по пустынной дороге.

Тарази вскочил и, не дождавшись аудиенции, выбежал прочь из зала мимо изумленных сановников, которые и раньше с подозрением поглядывали на него, и, пока шел из дворца к дому сестры, чувствовал такой подъем духа, такое вдохновение. И оно должно было спасти его от унижения, чувства ущербности. Вот почему то, что он стал сочинять, едва заперся в комнате, несет в себе налет меланхолии, смешанный со спасительной иронией, - это особенно стилистически точно передает персидский язык, на котором и был написан очередной бурлеск "На приеме у господина".

Все мы как бы просители в коридоре господина. С надеждой поглядываем на дверь и думаем, не продешевим ли, когда войдем гуда с ходатайством. Действительно, занял ты очередь, чтобы просить, скажем, маленький дом с палисадником, а когда проберешься наконец к столоничальнику, то тот, выслушав твою просьбу и просмотрев список оставшегося не раздаренного еще добра, скажет: мол, все дома уже заняты на земле, но, чтобы не обидеть тебя, предложит взамен лекарство от облысения.

Тут ты, естественно, замешкаешься, чтобы обдумать, что выгоднее на сегодняшний день по базарным ценам - дом или это средство для волос, а так как господь не любит тратить на прием одного посетителя больше, чем положено, времени, го, будучи отцом строгим и дерзким, тут же выставит тебя за дверь, сконфуженного, да так ловко, что даже не прищепит в проеме своей патриаршей бороды.

Я тоже в этом коридоре, но всегда только делаю вид, что стою в очереди. На самом же деле слоняюсь взад-вперед, то прилягу незаметно отдохнуть под лавкой, то спрячусь в темноте в нише стены, чтобы побыть в одиночестве, то, видя, что кто-то из просителей упал в беспомощности от духоты, исчезаю, бормоча, что бегу в аптеку, - и все потому, что у меня нет никакой просьбы к господу.

Все другие перешептываются, сообщая обдумывая какие-то дерзкие планы, говорят вкрадчиво и доверительно, поддерживая друг друга за локти или поправляя друг другу эполеты или мишуру мундиров, тут уже носятся такие маклеры - энергичные иудеи с бакенбардами, предлагая за умеренную плату сочинить краткий, но очень убедительный вариант просительной бумаги, все в суете, надеясь, что господь на дряхлости лет так наивен, что его легко можно обвести вокруг пальца.

И только я один как бы вне игры, притворяюсь, что-то шепчу заговорщическое, прижавшись щекой к чьей-нибудь теплой щеке, а потом, утомившись и так ничего и не узнав полезного, снова незаметно отхожу в сторону, - но едва тот, кто ведет список просителей, начинает свою очередную переключку, я снова тут как тут со всеми.

Да, я до неприличия робок, и это главная причина моего столь опрометчивого поведения. Действительно, почему бы, например, мне не узнать хотя бы элементарные вещи, так сказать, самые простые ходы ритуала? Ведь разве не важно для пользы дела предстать перед господом таким образцовым просителем, тихим и кротким, как будто ты просишь не что-нибудь свое, законное, а вовсе не заслуженное тобой, как в долг за будущее усердие? Тогда тебе обязательно нужно узнать еще здесь, в коридоре, какого, например, радиуса поклон ты должен отвесить столоничальнику, продолжительный, до самых носков его сапог, вполне раболепный, или же поклон легкий, уважительный, - ведь может оказаться, что господь не любит, чтобы ты слишком явственно показывал ему свое нутро и отвечивал такой поклон, как, скажем, неуклюжий слон перед дрессировщиком, - тогда все пропало, легкий пинок в зад - и ты опять за холодной дверью.

А сама церемония подачи прошения - разве это маловажная деталь? Тут, в коридоре, например, я заметил, что ты правой рукой что-то даешь, а левой берешь, - как будто то, что ты берешь, менее важно, чем то, что ты даешь. А вдруг там, за дверью, все наоборот - ты должен левой рукой протянуть господу просительную бумагу, а правую держать наготове, чтобы получить долгожданное. Но кто знает, как отреагирует на это сам господь, может, он как раз таки, увидя твою левую протянутую руку, посчитает, что ты не слишком кроток, а дерзок, просто хам.

Словом, все запутано и таинственно там, за дверью, а тут, в коридоре, честно говоря, никто ничего толком не знает, потому что я не встречал еще ни одного, кому бы уже удалось побывать на приеме у господина. Ведь очередь длинная, и те, кто уже побывали, не успели еще вернуться и пройти мимо нас к выходу, а коридор так плотен, что даже если они будут возвращаться нормальным человеческим шагом, то все равно надо прождать еще долго, чтобы спросить у них: "Ну, что? Как он? В хорошем ли расположении духа? А главное, что там еще осталось у него в реквизите ценного?" Счастливицы, побывавшие у бога, они как свет тех далеких звезд, которые уже в пути, но которые достигнут нас лишь через многие годы...

Как видите, и жизнь в коридоре так же запутанна и так тягостна своей неизвестностью, что лучше всего лишь притворяться просителем и аккуратно являться на переключку.

И я притворялся очень долго и очень умело, но бог свидетель - господина не проведешь! Щедрость его оказалась столь безграничной, а око его таким зорким, что он не дал мне уклониться, и я, хотя и не попал к нему на прием, все же получил его Подарок, в виде эликсира, освобождающего дух, то есть просто-напросто одну из его многочисленных болезней, которая на языке обывателей коридора называется меланхолией.

Но тут, в коридоре, я услышал и утешительное, - оказывается, господь одаривает болезнью-духа тех, к кому он особенно благосклонен и хочет приблизить к себе, сделав как бы секретарем при столе.

Но чем я заслужил его особую милость? За что? Я ведь не мученик, не святой, душа моя полна скверны, а тут такая божеская благодать!

Не ошибка ли это? Не присвоил ли я Подарок того, кому он по заслугам предназначался?! И самое ужасное - не раскроется ли когда-нибудь этот обман, эта ошибка судьбы и не схватят ли меня за руку как вора, чтобы отобрать Подарок назад да еще опозорить на глазах всего общества?

Я готов был тут же вернуть Подарок обратно и снова, плутовато усмехаясь в усы, слоняться взад-вперед по коридору, делая вид, что состою на учете, и с невинным лицом тут же являться при первой переключке, но господь, очевидно, не любит, когда ему возвращают его Подарок...

И тогда я решил примириться с его Подарком, сделать вид, что вполне заслужил его особую милость. В самом деле - тот, кто урвал у господина то, чего он недостоин, скажем, власти или особых благ или любовниц, - ведь они умеют делать хорошую мину, почему бы и мне не попробовать? Тем более я ничего не просил у господина и всегда уклонялся от просьб, чтобы его не утомлять своей персоной, - а в коридоре я просто потому, что другого места нет, где бы мог толкаться проситель.

И я принял божий дар - иного выхода у меня не было. Ведь этот подарок господина - как будто и не Подарок вовсе, другие, я уверен, возвратятся к нам после приема, скажем, с сундуком на спине или с любовницей на руках, несут и незачатых детей бесплодные женщины, а старцы три аршина земли в мешке за сторбленными спинами - все это, как принято говорить в коридоре, - материя, вещи на ощупь и на вес, на цвет и на вкус, а твой Подарок бесплотный, эфир - можно сказать, как спал ты под лавкой просителей, так и остался без кровати...

В первое время, получив Подарок, я действительно все чаще и чаще уползал под лавку,

потому что такая хандра стала одолевать, что тягостно рукой шевельнуть, не то чтобы вскочить по первому зову того, кто занес мое имя в список очереди. Слышу, что меня окликают грозно, но встать не могу равнодушные, а когда меня все же находили под лавкой и выволакивали, чтобы я встал перед гневным оком катиба [Катиб - писец, секретарь (араб.)] с бакенбардами, - тот меня - раз! раз! - перчаткой по щеке за непослушание. А я стою и покачиваюсь, и хандра, вселившаяся в меня, не дает мне возможности ответить по достоинству обидчику. А когда белая перчатка секретаря чернеет от моей грязной физиономии и когда он с брезгливостью прерывает свое истязание, я снова, облизывая раны, уползаю в свою обитель под лавкой, и снова непонятно - сплю ли я, бодрствую ли, в кошмаре или наяву...

Так продолжалось изо дня в день - поздно утром едва просыпаюсь весь в поту, слышу, опять кличут для проверки, и снова не могу срочно предстать перед поганой мордой катиба, а когда наконец выползаю, доставляя много хлопот другим просителям, - кое-кому отдавляю ноги, кое у кого запутываюсь в шароварах или в халате - и снова, как плата за неповоротливость, брань и удары ведущего список к господу.

Вначале я отделяюсь просто выговорами, то есть мое имя каждый раз отодвигают все назад и назад, ближе к хвосту очереди, а потом и вовсе плохо - узнаю, что писец просто взял и вычеркнул мое имя из списка просителей к великому удовольствию собрания всего коридора, которое, видно, и подсказало ему этот хитроумный ход.

И странное дело - меня тут же охватил дикий ужас. Ведь раньше я, находясь в списке просителей, чувствовал себя прямо или косвенно в обществе коридорников, с народом, хотя, как известно, я лишь прикидывался просителем. А тут всех теперь окликают и все общество перед секретарем навтыяжку, а тебя нет, тебя не называют, ты безымянный, то есть без рода и племени, чужак.

И как теперь мне быть, раз я вне общества, но в коридоре, а выхода из него я не знаю - тогда, стало быть, общество вправе поступить со мной как с посторонним, чужаком, которого надо гнать в три шеи и, загнав в тупик с пеной у рта, уничтожить.

В ужасе бросаюсь я к ногам катиба и прошу его сжалиться и снова внести меня в список, согласен даже на какой-нибудь дополнительный, хоть на фиктивный для отвода глаз. Бью себя в грудь и предлагаю мошеннику взятку, а он, против обыкновения, вдруг взял и стал в позу, то есть отказался от взятки, да еще топнул ногой у моего жалкого, распластанного тела и чуть не повел меня к судье, да, видно, сам плут был нечист совестью, побаивался сверлящего ока Закона - махнул рукой и не повел.

Подумал я в страхе, что вот теперь-то за меня, как за чужака, возьмется наконец толпа и устроит самосуд, но гляжу - публика, утомившись от криков, разом притихла, как только секретарь сжалился надо мной, и все снова зашептались о главном - о путях к господу.

Заметался я и прямо врезался в темную нишу в стене и там сник, притих в ожидании очередной вспышки гнева общества. Прошло довольно много времени в муках страха и подозрений, я даже боялся шевельнуться в нише, не решался выглянуть, лишь чьи-то стоны, бормотания и вкрадчивый шепот напоминали о том, что я есть в коридоре.

И тут случилось великое освобождение - Подарок господина сработал! Как будто что-то щелкнуло в моей голове, как бы открылся замок, и дух мой как ядро вылетел из ниши, а слабые контуры тела моего брэнного, как облачко дыма, еле поспевали за ним. Сам же я так и остался стоять в нише с разинутым ртом, как посторонний наблюдатель, - и теперь мое прежнее "Я" состояло как бы из двух "Я". "Я" - главного, витающего над коридором освобожденного духа с энергичным именем Я-Это-Да, и прежнего моего тела, притворяющегося просителем с таким вялым именем Я-Так-Себе, по-прежнему в страхе приросшего в нише.

Представить себе не можете, какое ликование охватило этого зрителя в темной нише, когда

Я-Это-Да, как отважный рыцарь, первым делом напал на катиба и стал толкать его в бок, щекотать, дергать его за рыжую бороду, а потом вырвал из его рук список просителей и полетел над головами изумленных коридорных с криком и улюлюканьем.

А секретарь, бледный от ужаса, стал подпрыгивать, этакий толстенький человечек, и хватать своими короткими ручонками список, как свою улетевшую душу. И как он звал себе на помощь всю остальную публику, и как она валом валила, мешая друг другу.

А когда все утомились и поняли, что произошло, бросились они ловить писца с бакенбардами, потому что он, безбожник, оказывается, за взятку обещал лучшее место в списке, ближе к двери господа.

Бедный писец наконец был схвачен, и его повели к судье. А Я-Это-Да, чтобы и судье дело напутать, взял и переменял местами имена просителей в списке, и когда судья стал вызывать их в качестве свидетелей и пострадавших, то вместо одного к нему с готовностью являлся другой, вместо старика - ребенок и так далее.

Растерянный судья постановил вначале судить Я-Это-Да, главного виновника происшедшего, и послал уже на поиски стражу, но где уж там, беднягам!

Я-Это-Да витал уже в других, неведомых страже, закоулках коридора и прилетел к тем, кто, как и он сам, был вне списка, то есть к обществу прокаженных.

Существа без эмира и без катиба сидели особняком и тоже на что-то надеялись, хотя их, выроdkов, никакой господин или эмир, сколько бы он ни ходатайствовал даже перед самим господом, все равно не смог бы внести в список общества.

Я-Это-Да очень обрадовался, встретив прокаженных, потому что давно желал властвовать и быть чьим-нибудь эмиром, - а тут такая возможность!

Я-Это-Да был настолько проницателен, в нем так была развита интуиция, что он мог безошибочно, чутьем знать - где выход из коридора и где та дверь, за которой сидит господь, потому что сам господь теперь уже велел ему знать все это, сделав своим секретарем.

И тогда Я-Это-Да решил воспользоваться всеобщим ералашем в коридоре и повести кратчайшим путем, вне всякой очереди, этих прокаженных к господу. Называя Я-Это-Да своим эмиром, прокаженные бросились за ним, и когда приблизились к господу, то оказалось, что здесь, у его дверей, все, против ожидания, замерло без движения.

Сидящие в коридоре просители уже не помнят, кто зашел к господу на прием, спорят, что женщина, но не уверены, была ли она старой или молодой, некоторые утверждают, что была она актрисой, другие - черной колдуньей.

В споре этом и коротают просители время, многие здесь, у дверей, состарились, а один самый терпеливый проситель как пришел сюда, так и сел, прислонившись к столбу, и врос в него - тело ушло в дерево и торчит только голова, которая время от времени Поворачивается, чтобы кивком согласиться с какой-нибудь из спорящих сторон. Впрочем, делает он это чисто машинально, на тот случай, если вдруг секретарь позовет на переключку, а тогда он поймет, что проситель еще жив и просит не вычеркивать его из списка на прием.

Приросший к своей нише в стене Я-Так-Себе видел, как мой дух Я-Это-Да - направился, на правах секретаря, прямо к двери, ведя за собой прокаженных, перешагнул через нескольких просителей, мирно лежавших у порога, и толкнул дверь, чтобы поторопить господа.

Но дверь не поддавалась, а только угрожающе заскрипела. Тогда Я-Это-Да налег как дверь неким силуэтом своего тела, легким, как фалды фрака, но все не впрок.

- Помогите же мне! - позвал Я-Это-Да на помощь прокаженных, но те почему-то сделали вид, что не слышали зова, отвернулись.

- Так-то вы помогаете своему эмиру! - закричал Я-Это-Да и силой злости распахнул наконец дверь.

Коридор сразу же наполнился воем и леденящим дыханием ветра, и все увидели вместо кабинета господина - огромное поле, покрытое снегом, и две маленькие фигурки вдали, видимо самого господина и той женщины, хотя утверждать это никто не осмелился.

Прокаженные сразу же продрогли и закашляли, стали ворчать и кутать детей, а старик, вросший в столб, вдобавок ко всему еще и ослеп от избытка света, идущего с ледяной долины.

И тут Я-Так-Себе, спрятавшись в нише, увидел, как прокаженные в один голос закричали на своего эмира, стали осуждать его и требовать, чтобы он закрыл дверь. Я-Это-Да приналег, но порыв ветра сорвал дверь с петель и унес в поле.

Тогда все прокаженные стали топтать ногами и требовать, чтобы Я-Это-Да закрыл дыру своим телом и вернул им опять тепло и привычное состояние.

Но как быть? Ведь Я-Это-Да без тела, Я-Это-Да и рад был бы закрыть леденящую дыру, чтобы общество успокоилось. И тогда Я-Так-Себе решил поменяться с ним местами, потому что тело мое ведь должно же понести кару за освобожденный дух.

Я-Так-Себе мигом сорвался из ниши и заслонил проем двери своим телом, в котором еще теплилась надежда. А когда Я-Так-Себе, вышедший из тепла ниши, закоченел и труп мой прочно вошел в проем, прокаженные просители занялись новым спором. Одни говорили, что две маленькие фигурки, которые им удалось разглядеть в снежной долине, - это гиены, идущие в их сторону, другие, наоборот, утверждали, что звери удаляются от них.

А освобожденный господом дух - Я-Это-Да, чуть продрогший, летел уже обратно в сторону ниши, чтобы снова притвориться просителем.

И здесь, в очереди, уже все успокоились, полностью отдавшись в руки новому администратору со списком. И один очень умный проситель, софист по всей видимости, говорил другому, тоже вполне интеллигентному, конец мысли: "...болезнь, которая преодолевает препятствия, как отважный всадник, бесстрашно скачущий с утеса на утес, - такая болезнь бесконечно дороже для жизни, чем здоровье, которое лениво тащится по прямой дороге, как усталый пешеход..."

От слов его стало так тепло, что Я-Это-Да тут же подсел где-то сбоку к этому умному просителю, чтобы согреть руки, а потом, при первой же пере-ч кличке, снова вскочить и крикнуть: "Это я, господи!..."

Такое легкомысленное и оскорбительное для его величества бегство из приемной вызвало столько кривотолков и разных подозрений в городе. И Тарази, живя в доме у убитой от позора и страха сестры, чувствовал за собой слезку. Соглядатаи выкрали и передали в руки городского судьи, имама Хальхали, эти записки. Имам, естественно, истолковал их не только как порочащие власть эмира, но и отвергающие саму веру, богохульные, за что Тарази могли казнить отсечением головы на виду у всего города.

Особенно поразил Хальхали образ огромного поля, покрытого снегом, и две маленькие фигурки вдали, видимо самого господина и женщины...

"Господь... и женщина... блудница! Пусть мне язык отрежут, я не могу это выговорить!" - кричал Хальхали.

И несчастная сестра, подкупленные ею люди помогли Тарази тайком уехать из Бухары, на сей раз, кажется, навсегда...

И снова скитания по пустыне, животные, которых он отлавливал, и остановки в Орузе, где Тарази вместе с Армоном занимались опытами, правда до сих пор безуспешными...

VII

Итак, таразийская черепаха! Пока ученые спорят, не решаясь назвать так редкое животное,

сделаем это мы с вами, читатель, из почтения к нашему путешественнику...

А лошадь Тарази шла мерным шагом, чувствуя, как и хозяин, что придется переночевать здесь, под открытым небом, ибо не добраться им до темноты к Муз-тепе.

Темнота в песках наступает неожиданно, будто из светлой части дня, споткнувшись о порог, переходишь в темную. Вот и сейчас, едва обогнули они бархан - и день оборвался, остался позади, в трех шагах.

Тарази спешил - за барханом дорога кончилась, дальше можно ехать все время прямо, и соль такыров будет высекает искры из-под копыт лошади, искры затрепчат, чтобы взлететь вместе с пылью, но угаснут, без дыма, и, прежде чем шелкнуть в последний раз, поплывут перед глазами легким туманом и кого угодно собьют с пути...

Тарази осмотрел бархан, пытаясь найти удобное место и устроиться на ночлег, прислушался. Бархан еле слышно шипел, из его тупой, уже срезанной верхушки тихой струйкой полз песок, и Тарази решил обойти его, чтобы вернуться к тому месту, где остался день.

Он торопился, даже побежал, проваливаясь в песке, чтобы поймать день, но, обогнув бархан, увидел, что и сюда уже пришла ночь, - полоска дневного света, промелькнув, ушла в заросли саксаула, саксаул покачнулся, втягивая в себя тепло, затем выпрямился и остался стоять там, окаменевший.

Эта сторона бархана была твердой и ребристой - с верхушки вдоль ребер тянулись глубокие борозды. В самой большой из них можно было устроиться на ночлег и лошадь с черепахой спрятать от прохлады.

Черепаха оказалась на удивление догадливой. Пока путешественник отвязывал клетку с чучелом варана, она без приказания поднялась по гребню бархана и улеглась там, шумно вздохнув, в борозду - и притихла.

Но снизу все равно была видна лишь ее морда, - высунувшись, черепаха тайком наблюдала за Тарази, и, как только наш путешественник поднял голову, черепаха тут же втянула в панцирь морду, словно стыдясь своего любопытства.

"Она хорошо видит в темноте, - отметил про себя Тарази. - Умница, полезла на бархан... все понимает..."

В борозду, размытую ливнем, Тарази потянул лошадь, но она упрячилась, не шла, не желая, видимо, проводить ночь рядом с черепахой, пахнувшей болотной гнилью. Вытянув морду, черепаха видела, как Тарази, недовольный, ворчал на лошадь и как замахнулся на нее плетью.

Понимая, что хозяин мучается со своей строптивой лошадей, черепаха тяжело поползла вверх, чтобы спрятаться подальше на дне ручья. Неуклюжая, она все время проваливалась в песок, но упрямо ползла без звука, - словом, вела себя так, чтобы ничем не вызывать недовольство путешественника.

Тарази тоже наконец устроился, и так, чтобы видеть дорогу, на случай, если вдруг появятся конокрады, которых в этих краях уйма.

Ночь была тихая, звездная, и, как только человек, лошадь и черепаха притихли, засвистели суслики - маленькие и похотливые, - созывая друг друга на любовные утехы. Они торопились, прыгали, обнимаясь передними короткими лапами, ибо ночь здесь коротка - уже летит издали, щекоча ноздри, прохлада, два-три вдоха - и на песок ляжет роса.

Уже зашуршали в песках вараны, отслеживающие сусликов. Черная тень застыла возле маленькой норы, варан покрутил шеей, словно проверял силу своих мускулов, и застыл. Так он будет стоять теперь, без движения, часами, вытянув шею, приносиваясь, прислушиваясь, до тех пор, пока суслик, опьянев от любви, не отойдет от норы, чтобы повить на мерцающую звезду в небе.

Тарази привычным слухом различал все звуки в песках и не мог никак заснуть, думая о том,

куда ему теперь ехать. Вопрос этот мучил его всякий раз, когда, одинокий, уставал он от путешествий и хотелось ему человеческого общения.

"Еду в Оруз, - решил наконец Тарази. - Армон с помощью влиятельного отца решил смилостивить эмира, чтобы дал он нам возможность свободно заниматься делом... Говорят, правитель Оруза поссорился с нашим ханом и покровительствует всем скитальцам из Бухары..."

Невеселые его мысли вдруг были прерваны треском и отчаянным воплем. Тарази, нервно помаргивая, всмотрелся вокруг и увидел освещенного лунным светом суслика, который лежал и дергался в предсмертных судорогах.

Видно, варан терпеливо выждал тот час, когда жертва его, опьянев от любовного танца, потеряла путь к норе, не смогла найти собственный след, и вот, едва суслик выполз, облизываясь, из зарослей, оставив в сладостном оцепенении самку, варан коротким ударом хвоста, лишь одним точным ударом, рассек ему спину... И, высунув тонкий и скользкий, как хвост змеи, язык, быстро облизывал серое тело суслика, не давая ему остыть, чтобы почувствовать вкус теплой, настоянной на пустынных травах крови.

И черепаха видела все это - вздох, тяжелый, отчаянный, выдал ее. Но, поймав на себе удивленный взгляд Тарази, она отвернула морду, делая вид, что кровавое пиршество варана вовсе не пугает ее, а вздохнула она просто от дурных сновидений.

Умение притворяться показалось Тарази необычным для столь однозначного, медлительного существа, и путешественник сразу забыл о варане, думая о том, что еще ни разу не встречал он такую черепаху, хотя и изучил за свой век великое их множество.

Все, доселе пойманные им, были неповоротливыми, тугодумными, отрешенными даже от того, что касалось их самих. Эта же была умна, как малайская, - во время опытов малайская с завязанными глазами пробралась среди сложных и запутанных ходов к цели - к чашке с водой, чувствуя ее своим особым нюхом.

Смертельный вздох послышался в песках - не свист, не крик суслика, лежащего на спине и лапками хватающего воздух. Вздох без единого звука, нечто вроде тока, поразившего все вокруг. И пробежал он по пустыне в тот самый миг, когда суслик, изогнувшись в последний раз, уткнулся головой в хвост и застыл без движения в такой позе.

Смерть в пустыне рождает ветер. Ветер подул, взрябив и подняв песок, покачнулись травы, и потрескались соляные такыры. Верхушки барханов осыпались, и струйки песка потянулись вниз, обнажая норы, из них, недоумевая, высовывали свои морды, вараны, суслики и песчаные лисицы, в недовольстве зажмурились от света звезд.

Вздох смерти - сигнал, посланный повсюду, - настиг одних зверей на охоте, других еще спящими в своих норах. Тех, кто охотится днем, заставил вздрогнуть и прислушаться, а старый, ослепший коршун, привыкший уже спать с закрытыми глазами, разжал веки, но ничего не увидел и лишь в злости поскреб клювом камни, усталые ветками арчи в расселине скалы.

Тарази с бесстрашием натуралиста смотрел, как варан, не торопясь, облизал живот суслика, а потом поднял морду, чтобы посмотреть, не потревожит ли его кто-нибудь перед трапезой. И, не увидев ничего тревожащего, надкусил кожу на животе суслика, воткнул туда язык, ставший вдруг прямым и крепким, и осторожно, растягивая удовольствие, покопался во внутренностях зверька. И только после этой, похожей на ритуал, возни вытянул кусок мяса и проглотил.

Затем со свистом втянул в себя слюну и постоял немного на растопыренных лапах, прислушиваясь к звукам, а может, все еще наслаждаясь лакомым куском; только хвост его вилял, как у благодарной собаки.

Но уже с того момента, когда суслик вздохнул в последний раз, по всей пустыне - на дне ее высохших рек, в зарослях саксаула, у барханов, среди желтых, ржавых камней осыпавшихся гор, - повсюду началось пиршество, устроенное щедрой природой.

Какая-нибудь черепаха, не насытившаяся днем и страдающая бессонницей, тоже наклонилась над своей жертвой - песчаной крысой. И шакал уже скрипел зубами над телом старого, изгнанного из стада сайгака. И может, сигнал смерти подал этот шакал, а вовсе не варан, за которым наблюдал Тарази.

А может, эта легкая пыльная буря, принесшая тоску и ожесточение, поднялась в тот самый миг, когда удав раскрыл пасть перед пахнувшей кореньями и терпкими листьями одуванчика мордой зайца? Приглашение к пиршеству вовсе не обязательно должно прозвучать возле бархана, где прилег на отдых наш путешественник. Похоже, что трубный зов передают друг другу по кругу звезды, а сюда в пустыню доходит лишь слабый звук, который все слышат одновременно.

Тарази забылся, прислушиваясь к звукам, и чуть не вскрикнул от неожиданности, когда увидел рядом с собой черепаху, нечаянно задевшую его неуклюжей лапой.

Черепаха тут же виновато зарылась мордой в песок, хотя и дрожала вся от страха, - видно, приползла к хозяину искать защиты.

"Да, необычная это черепаха! - еще раз заключил Тарази. - Из породы, что не душит змей, не глотает крыс, питается лишь травой и листьями, и сам вид крови приводит ее в ужас".

Но ведь все животные, как бы они ни выглядели и где бы ни жили, отличаясь друг от друга повадками, все равно жертву выбирают по одному правилу. Крокодилы, ящеры, вараны, которых описал Тарази, кровожадны. И среди черепах не встречал он травоядных, точнее, полностью травоядных. А эта, что притаилась у ног Тарази, все время вытягивает шею, бросая пугливые взгляды в сторону варана, и как бы просит хозяина извинить ее за трусость. И не только страх уловил Тарази в ее глазах, но и презрение, будто желала показать она, что осуждает дикие повадки песчаного крокодила.

- Да ты, братец, святой! - шутливым тоном сказал Тарази и хлопнул черепаху по панцирю. Затем нащупал в темноте ее лапу, чтобы сосчитать наросты и узнать по их кольцам, сколько же пленнице лет.

Перламутровые кольца, толстые на самом верху и все уменьшающиеся книзу, прощупывались легко - черепаха терпеливо ждала, вытянув лапу.

Тарази насчитал семь колец, шесть замкнутых, полных, а седьмое только еще округлялось и было мягким на ощупь, без перламутровой чешуи, - словом, черепахе было неполных двадцать семь лет.

"Господин В расцвете сил", - ухмыльнулся Тарази и пожалел, что не очень-то удачный панциронос попался ему. Хотя черепаха не прожила и трети положенного ей срока, но была уже с устоявшимися привычками, своим, пусть малым, звериным разумением, а это, как известно, сильно затрудняло будущие опыты.

Зато выигрывала она в другом - была хитра, склонна к лести и заигрыванию, да еще травоядной, способная возбудить фантазию любого тестудо-лога.

Укладываясь спать, наш путешественник заметил, что и варан уже справился с пищей и ходил теперь, обнюхивая место пиршества, и разгребал хвостом песок, чтобы замести следы...

VIII

Ночь в пустыне внезапна, словно выходит она из зарослей, день же, напротив, долго не решается спуститься с верхушки барханов, потягивается, шурша в песке, вздыхает порывами ветра, отряхивается, перекатывая полынь, затем долго облизывает темную росу, перебегая от куста к кусту, прячась там и корча разные презабавные рожи.

День возвращается не спеша, чтобы хищники закончили свое пиршество. Какой-нибудь

ленивый варан, проглотив последний кусок, вылезает из зарослей, зацепив хвостом куст, и видит Тарази - там, где открылось пространство, озирается с тоской вокруг день.

Тени животных, что бродят, разыскивая свои норы, и оказываются ночными сумерками, - стоит им спрятаться, как ночь тут же сменяется днем.

Давно уже заметил наш путешественник, что, не будь этих теней, в пустыне был бы вечный день, утомительный, не несущий успокоения и прохлады.

Пустыня живет только ночью. Днем же все мертво, пресно, нет ощущения времени, пространства. Чувствуешь себя как бы вынутым из жизни, хрустящий песок под ногами лишь намекает на то, что все здесь остановилось. Но Тарази боится ехать и ночью - кажется ему, что он кого-то будит, кому-то мешает, И все вокруг сопротивляется его передвижению, даже след, что оставляет на песке лошадь, едва Тарази обернется, тут же засыпается. И перекасти-поле, эта дневная трава, и она словно стыдится того, что шевелится ночью. Стоит посмотреть на нее, чтобы утешиться и найти себе союзника в одиночестве, как трава заляжет, притаившись за каким-нибудь бугром, ждет, пока путешественник не поедет дальше. А потом, воровато оглядываясь, катится по пути, о котором и сама ничего не знает...

Тарази неохотно едет днем по пустыне, хотя только в это время суток и можно передвигаться по ней в безопасности, - ведь ночь полностью отдана зверям. Ночью лошадь храпит, наступая на хвосты варанов, проваливается в норы, и суслики хватают ее за ноги. Лошадь боится, хотя и знает, что в темноте в пустыне легче найти дорогу. Днем же только кажется, что едешь по верному пути, и если все-таки приезжаешь к нужному месту, понимаешь, что привела тебя туда лишь случайность.

Но уже утро, пора ехать дальше. Тарази протер глаза и понял, что проспал, - лучи солнца, обогнув бархан, падали ему на ноги. Полежи он еще немного, проснулся бы с опухшим лицом - щеки отекали бы, отяжелел подбородок. Утреннее солнце, падая на лицо спящего, искажает его, и часто, когда Тарази просыпается, лошадь, не узнав своего хозяина, шарахается испуганно в сторону.

Услышав шум и возню, Тарази вскочил и увидел, как топает черепаха вокруг бархана, а лошадь в злости пытается лягнуть ее. Тарази замахал плетью, но лошадь не остановилась, черепаха же провалилась в песок так глубоко, что уже не могла вылезти, и поворачивала к Тарази морду, прося его защиты, и отмахивалась хвостом от назойливой лошади.

Тарази сполз по склону бархана, поднял плеть, но лошадь все же лягнула черепаху, хотя та и успела спрятать морду.

Лошадь с забавно горделивым видом затопала вниз, но Тарази в сердцах выругал ее, обзвав "чучелом, обтянутым собачьей шкурой".

- Черт бы вас побрал! - еще раз закричал Тарази. - Не хватает мне еще ваших идиотских выходов!

Черепаха стряхнула с морды песок и попыталась подняться на лапы, но не смогла, и снова провалилась, и лежала так, глупо озираясь по сторонам,

В том месте, где они спали с черепахой, Тарази заметил следы лошади. Приревновала черепаху к хозяину и крепко лягнула ее - ведь обычно она сама ложилась рядом с Тарази, чтобы согреть его дыханием и защитить от блуждающих барханов.

Живо вообразив, как была удивлена лошадь и как вытянула она в обиду морду и надула бока, Тарази рассмеялся. Черепаха удивленно глянула на него, и черные, сухие складки на ее физиономии разгладились, большая пасть, уходящая углами к подбородку, растянулась в отталкивающей гримасе.

Тарази поморщился и пошел седлать лошадь, и черепаха прижалась мордой к его руке, будто благодарила за заступничество.

- Ты, я вижу, льстец, каких мало! - пробормотал растроганный Тарази, потрепав ее чешуйчатый хвост. - Вы точно близнецы с Фаррухом...

Путешественник подправил седло, подтянул клетку, и лошадь, готовая снова идти по пескам, стояла чуть прищурившись от солнца. Горделивого нрава, она молча переносила и брань, и удары плети и преданно делила с хозяином одиночество и кочевую жизнь, и за эту безропотность, участливость Тарази и любил ее.

Тарази вскочил на лошадь и знаком велел черепахе следовать за ней.

Уже исчезли последние тени у кустов и барханов и солнце повисло над всем пространством, навевая тоску. Белые холмики, насыпанные ветром за ночь, не успели еще затвердеть от соли, и солнце просвечивало их насквозь, от верхушки до основания.

Вот и коршун опустился на холмик, и сразу же от света, стелющегося по песку, вокруг птицы задрожало, лучи закружились, наматываясь кольцами, и было такое ощущение, будто хищник сидит внутри светового шара, а шар покачивается в тумане, словно плывет по воде...

И только под копытами лошади, чуть выше соляной земли, стелились еще сумерки. Лучи солнца, едва заблестев в кристалликах соли, сразу же отлетали обратно, потрескивая и загораясь искорками всех цветов радуги. И если сейчас какой-нибудь конокрад-разбойник крался бы за нашим путешественником, он увидел бы удивительную картину: лошадь не шла медленным шагом, а парила чуть выше земли, боясь обжечься искрой.

Но никто, кроме двух сусликов, не провожал нашего путешественника. Поднявшись на задние лапы, а передние сложив важно на вздутых животах, они обозревали местность, думая о тщетности бытия. Оба зверька узнали Тарази, уже проежавшего взад-вперед по этим пескам, как заблудший, и, может быть, именно это еще больше настраивает их на меланхолический лад.

Но как бы ни скучна была эта местность и тосклива, Тарази подмечал свои маленькие прелести в неприхотливой жизни песков.

Сейчас ему не терпелось скорее добраться к Орузу, чтобы вместе с Ар-моном изучить диковинную черепаху, которая плелась сзади с неизменной страдальческой миной на морде.

В пустыне Тарази острее ощущал одиночество, и не потому, что рядом с ним никого не было. Это пространство, где движение - лишь мираж, иллюзия, рождало в его душе беспокойство.

Ведь когда все стоит и молча созерцает с видом правого, а ты двигаешься, часто мудрствовал наш путешественник, то движение кажется противоестественным. Потому Тарази в нетерпении поторапливает лошадь, хотя торопиться вроде бы-некуда, никто его не ждет. Да и лошадь, увидев впереди бархан или заросли, спешит, чтобы отдохнуть в прохладе, будто чувствует, что за ними наблюдают.

Вот и теперь, едва поднявшись из лощины, Тарази заметил бархан, вдруг пославший в их сторону какой-то неестественный матовый свет.

Лошадь захрапела, и отвела морду в сторону, и замедлила шаг.

Но путешественник все хлестал ее, все принуждал, пока лошадь опасно не приблизилась к бархану. Тарази, удивленный и сконфуженный, прыгнул на землю, поняв вдруг странное поведение лошади.

Да, это был тот самый бархан, на гребне которого они переночевали, знакомые очертания склонов, те же линии борозд и даже отпечатки копыт лошади, не успевшие еще уйти в песок.

И только верхушка бархана, чуть взрыхленная и осыпавшаяся, была как бы уликой, доказательством того, что холмик окольными путями двигался за путешественником. И пока Тарази стоял в лощине, бархан успел обогнать их и остановиться, как ни в чем не бывало, поперек пути.

В своих скитаниях Тарази уже много раз встречал такие черные барханы они следуют и за одиночками, и за караванами, чтобы сбить их с дороги. Ползут незаметно днем, прячась и дожидаясь темноты. Притаившись за холмами или зарослями, следят. Ждут, пока люди, обессиленные, не заснут на песке, и вот тогда начинаются их опасные игры: подкрадываются и останавливаются, осыпаясь и ограждая со всех сторон путь людям. Меняют свою форму до неузнаваемости, чтобы сбить с толку путешественников, - вытягиваются, как столбы, или, наоборот, стелются низенькими грядами. Ветер поправляет их очертания, лощина, куда они спускаются, прячет их.

Случается и так, что черные барханы снова возникают перед изумленным путешественником в таких очертаниях, в каких он видел их, скажем, вчера. И кажется тогда путешественнику, будто все время он шел по заколдованному кругу и вернулся к тому месту, где переночевал.

Лошадь в беспокойстве пританцовывала возле бархана, а на морде черепахи был такой неопиcуемый ужас, что даже наш бесстрастный путешественник, знавший повадки черных барханов, разволновался.

Бархан будет появляться теперь то справа, то слева - и так на всем их пути. К нему может приползти другой бархан, и тогда они вместе будут преследовать человека на лошади и черепаху до тех пор, пока не повеет свежестью оазиса, и тогда барханы молча повернут в сторону, чтобы идти за другими странниками...

В прошлый раз, по пути в Оруз, видел Тарази на песке труп лошади, еще не растасканный коршунами и шакалами. Остановившись неподалеку, он с любопытством стал смотреть, как пополз к трупу черный бархан, доселе преследующий путешественника. И полностью накрыл павшую лошадь, втягивая ее в себя струйками песка, как щупальцами.

Но вот бархан встрепенулся, словно боясь потерять из виду Тарази, и пополз к зарослям, где спрятался путешественник, а на том месте, где лежал труп, остались одни лишь обглоданные кости.

Если черный бархан накрывает заодно и норы варанов и сусликов, то те не выбегают в панике, не бросаются прочь на волю, знают, что бархан будет деликатно ждать, пока зверьки не попируют досыта.

Есть еще белые барханы, но они ленивы, ползут медленно, нехотя, все время меняя свои очертания. Ветер собирает их возле камня или куста, и они растут, пока куст не сделается их крепким позвоночником.

Кажется, что, найдя наконец опору, они будут стоять вечно в одном месте. Но нет же; подул легкий ветер, и белый бархан снова осыпается, струйками стекая вниз, затем ползет, чтобы найти другой куст и опять вытягуться, - так весь свой долгий век, всегда переменчивый, капризный, занятый одним и тем же скучным делом. Оттого они и холодные, неудобные, роса долго не высыхает на их склонах. Заметил Тарази, что и звери в них селятся с неохотой, и птица, едва сядет, сразу брезгливо отряхивает лапки и улетает искать черный бархан, всегда теплый, светящийся изнутри, ибо пустыня собирает их из праха усопших, складывая медленно песчинку к песчинке сотню лет...

Тарази взобрался на лошадь и стал объезжать бархан. Черепаха пошла за ним, часто оглядываясь: кажется, и она поняла тайну черного бархана, и по ее довольной морде, на которой разгладились угрюмые складки, было видно, что тайна эта обогатила ее чем-то неведомым, сокровенным...

IX

Армон, одетый во все пестрое молодой человек, нетерпеливо ерзал на лошади, стоящей неподвижно на холмике за крепостной стеной, но, едва увидев Тарази на дороге, поскакал вниз, спешившись шагах в десяти. Подбегая к Тарази, он длинно и витиевато приветствовал его и помог учителю сойти с лошади.

Несмотря на некоторую экстравагантность во внешнем виде, Армон был серьезным, добрым малым и обожал своего учителя.

Тарази знал и о его слабостях, но прощал ему многое за преданность. И едва он обнял своего ученика, как напряжение отпустило его и Тарази почувствовал слабость в ногах. Улыбнувшись, он легким жестом показал на черепаху.

Черепаха съежилась и пригнулась к земле.

Армон, с первого взгляда не обратив на черепаху особого внимания, принялся громко и торопливо рассказывать о чем-то Тарази, но тот не слушал, боясь, как бы с ним не случился нервный припадок от смены напряжения. Верным признаком надвигающегося нездоровья была тошнота, которую Тарази пытался подавить частым покашливанием.

- Да, я был долго, - невпопад отвечал он Армону, во всех подробностях рассказывающему о том, как три дня ждал он приезда учителя, ночуя здесь же за городом.

- Бон в том шалаше, - показал Армон на темную постройку возле холма, да так подчеркнуто, будто Тарази мог ему не поверить. - Забавный случай... Трое суток караулил вас и некий Асадулла из ордена Ясавийя... Хотел прямо здесь, перед воротами города, устроить с вами нечто вроде диспута... Он якобы нашел в ваших записках "Хвала Лени" и "На приеме у господ" такие противоречия... И, сведя эти противоречия воедино, желает извлечь пользу... Так сказать, обогатить учение самого Ясави... [Ахмед Ясави - тюркский поэт-мистик]

- Пользу? - совладал с собой и усмехнулся Тарази. - Что ж, вольному воля... А противоречия... Кого раздрает любовь и ненависть, сострадание и злость, озарение и полная беспомощность перед жизнью... - Тарази не договорил, ибо, взяв высокую вдохновенную ноту, утомился, и в сердцах махнул рукой.

Да и Армон уже жалел, что затеял этот разговор с замкнутым, неразговорчивым учителем, - лучше бы сразу поехали в город, где для Тарази было приготовлено жилье.

- Тварь загадочная, но трусливая, - кивнул Тарази в сторону черепахи, заметив, как в беспокойстве оглядывается она по сторонам. - Набросьте-ка ей на шею веревку, зеваки в городе могут напугать ее...

- А что, если я перекину ее на спину лошади и повезу с собой? спросил Армон, но не успел приблизиться к черепахе, как та уже бросилась к шалашу. Ленивая, шедшая доселе с утомленным видом, она на удивление сделалась такой проворной, что догнать ее можно было разве что на лошади.

- Армон! - неожиданно осенило Тарази. - Не бегите, пусть она прячется в шалаше, мы же пойдем в город. Нужна ей будет защита - сама найдет нас. Ну, а если нет... что ж, подарим ей свободу. - Тарази хотел еще что-то сказать, уверенный в том, что черепаха его слышит и понимает: ведь многое в ней говорило в пользу этой догадки и надо было ее проверить.

- Пожалуй... - Армон махнул рукой вслед резвой черепахе. - А к шалашу я приставлю охранника. - И направился в сторону Тарази, который уже сидел на лошади и пристально следил за каждым движением черепахи. - Вы правы, забавное существо, - шепнул Армон. - Подобной резвости я не видел у особей с панцирями...

- Вы не поверите, когда я расскажу о своих наблюдениях, - загадочно произнес Тарази. - Повозитесь с седлом своей лошади - словом, помедлите, и вы увидите: черепаха вернется к нам с виноватым видом.

Армон стал придирчиво осматривать то одну, то другую ногу лошади, чтобы проверить,

надежно ли подкованы копыта, не забывая, однако, краем глаза поглядывать на черепаху.

А та, видимо чувствуя игру, остановилась недалеко от шалаша, потопталась на месте, обнюхивая траву. Будто испытывая терпение хозяина, вытягивала шею и вертела мордой, как бы отгоняя назойливых насекомых, словом, оттягивала время...

Тарази не выдержал, топнул ногой и крикнул Армону:

- Позовите-ка сюда вашего стражника!

- Аби-та-а-ай! - приложив ладони ко рту, протяжно позвал Армон, и в тот же миг поднялся из ямы, звеня доспехами, здорового вида малый, добродушие которого отражалось даже на сонном лице.

Чувствуя себя страшно виноватым за то, что проспал момент встречи Тарази, он бросился впопыхах к путешественнику, желая приветствовать его длинной, заранее разученной фразой, но Тарази холодным тоном несколько умерил его пыл.

- Ступайте к шалашу. И никого не впускайте к тому чудовищу! - показал он плетью на черепаху.

- Слушаю и повинуюсь! - резким движением вынув саблю из-за пояса, он прижал ее к груди и побежал к шалашу.

Черепаха, испугавшись его бравого вида, не выдержала и в страхе засеменила обратно в сторону Тарази.

Абитай же сконфуженно остановился, не зная, преследовать ли ему черепаху... Он был уже наслышан о колдовских занятиях Тарази и посему с почтением относился не только к ученому, но и к его собственности пан-циреносному страшилищу.

- Ну вот, - повернулся Тарази к Армону, облегченно вздохнув, - тетерь забирайте ее к себе на лошадь. Страх перед стражником отрезвил ее...

А черепаха уже стояла недалеко от Армона, покорно опустив морду к земле - в своей всегдашней притворной позе.

Армон с некоторой опаской обхватил ее туловище, но поднять не смог вес же весила она не меньше восьми пудов. Абитай поспешил на помощь, но, чтобы не пугать черепаху свирепым видом, снял и швырнул на песок шлем, а следом и саблю.

Они оба вцепились ей в лапы, и Абитай шептал что-то ласковое зверю на ухо, суетился и страшно переживал, боясь причинить ему хоть малейшую боль.

Наконец черепаха была поднята на спину лошади, но та не выдержала и опустила шею от тяжести - пришлось снять седло, чтобы пристроить черепаху поперек туловища скакуна.

Она была еле жива, черепаха, лапы ее не гнулись от напряжения, но на спине лошади она зашевелилась, чтобы лечь поудобнее.

- Ну и хорошо, - довольный проговорил Тарази и первым тронулся к воротам города.

Все поспешили за ним; Абитай держал лошадь под уздцы и все время оглядывался, боясь, как бы черепаха не скатилась и не шлепнулась на землю.

Армон обогнал Тарази, чтобы ввести гостя в город. Тарази же сидел на лошади ровно, с достоинством и вовсе не был похож на усталого, равнодушного человека, каким его встретил Армон.

Ему неожиданно сделалось хорошо, нашему путешественнику, наверное оттого, что рядом был близкий человек, а впереди уже мерещилась прохлада дома. Можно хотя бы ненадолго отдохнуть от бродячей жизни и опять почувствовать вкус к поискам, догадкам, всему, что возвышало его в собственных глазах и наполняло жизнью.

Привратник поспешно отступил назад, пропуская Тарази на окраинную улицу, - видно, он уже заранее был предупрежден о приезде ученого гостя.

Но, увидев черепаху чудовищных размеров, привратник сделал невольный защитный жест,

будто страшись нападения, хотел воскликнуть, но поспешно отвернулся, чтобы не выдать своего изумления.

Но чтобы не показаться полностью безучастным, привратник пролепетал, обращаясь к Армону:

- Рад, что вы дождались дорогого гостя. - Хотел было еще что-то добавить, подбегая к Тарази, сказать, что собственными глазами видел, как целых три дня жили в шалаше и мокли под дождем встретившие его достойные люди, но робость помешала ему обратиться к человеку, по рассказам Абитая, знавшему Коран наизусть, трактаты Аристотеля, Галена, Ион Си-ны, нескончаемое "Шах-Намэ" святого Фирдоуси и всего блаженного Ясави...

Абитай, который все эти дни коротал за беседой с привратником и почти подружился с ним, рассказывая еще и о своих любовных похождениях, большей частью вымышленных, вдруг сделался важным и, проходя мимо приятеля, ничего не ответил, а лишь пару раз махнул саблей над головой.

Так прошли они сначала по безлюдной площади и вышли на улицу, где прохожие жались к стенам низеньких домов, уступая дорогу. Торговцы с шумом опускали ставни на дверях своих лавок и не знали, ошеломленные, выбежать ли им на улицу или же спрятаться подальше в чуланах.

Необычная процессия-тянулась в следующей последовательности: впереди, с отрешенным видом, подражая своему бесстрастному учителю, шагал Армон сын влиятельного судьи, следом, чуть не наступая ему на пятки, брела лошадь, на которой восседал прямой и стройный, аскетического вида Тарази, а чуть поодаль от них - Абитай с саблей, тянущий лошадь, на спине которой неизвестно как держался еле живой свирепый зверь.

Взоры всех, естественно, были обращены к черепахе, и публика готова была восклицать, изумляться, громко обсуждать увиденное, но с трудом сдерживала свои эмоции, делая спокойные, даже равнодушные лица, - ведь задним умом понимала она, что не зря выловлено это чудовище ученым, о чудачествах которого были наслышаны, хотя, по правде сказать, остерегались они больше всего гнева сына судьи, умеющего при случае, не церемонясь, отчитать любого, невзирая на возраст и положение.

Чтобы не давать повода для кривотолков лавочникам, Армон ни разу не глянул в сторону зевак, шел и рассказывал Тарази о чем-то доверительно да с такой интонацией, что наш тестудолог не выдержал и так расхохотался, что чуть не вывалился из седла.

Разговаривая непринужденно, шли они довольно долго, не заметив, что прямая улица подняла их на холм, где стоял белый с колоннами дом, построенный в александрийском стиле и вовсе непохожий на здешние, мусульманские глинобитки.

Тарази настороженно глянул на дом, думая, что сейчас будет непременно опрошен каким-нибудь дотошным чиновником, работающим здесь, придется долго объяснять, а потом уйти с тяжелым сердцем, сознавая, что не был понят, хотя и старался говорить просто, даже доверительно. Но, к счастью, никто не вышел из дома, и они прошли мимо его железной ограды и снова очутились на улице, полной народа.

Тарази успел заметить, что расположением своим очень отличается Оруз от города, где была поймана черепаха. Не было в Орузе ни кольцевых улиц, ни гротов, а сам он стоял весь на холмах, которые не видны рассеянному взгляду, - тоже хитрость, чтобы ввести в заблуждение неприятеля.

На самом верху холма улицу обязательно венчал какой-нибудь богатый дом. И, пройдя мимо него, можно было незаметно спуститься к подножию следующего холма и снова подняться наверх...

Рискованно отгадывать строительную тайну Оруза, чужаков в нее не посвящают, а если и

посвящают, то, как и в вотчине Денгиз-хана, чужак должен понести за это кару.

Занятый этими презабавными мыслями, наш тестудолог и не заметил, что улица осталась позади, а сами они вышли на пустырь перед большим домом на холме.

- Приехали, учитель! - воскликнул с облегчением Армон.

- Разве? - очнулся Тарази и остановился, всматриваясь в дом и не узнавая его.

Армон увидел его чуть растерянный взгляд - взгляд человека, который пытается привыкнуть к новому месту, надеясь, что здесь ему будет не хуже, чем в прежних чужих домах, и удивленно спросил:

- Не узнали, учитель?! Вы ведь уже здесь жили... четыре года назад... - Правда? - переспросил Тарази. - Да, да, припоминаю... - Хотя был готов спорить, что впервые видит этот дом, ибо была у него странная особенность памяти - напрочь забывать жилье, где когда-либо останавливался, все его внешние черты и внутреннее устройство.

Это было в характере странника, переспавшего на множествах кроватей, каждая из которых казалась ему одинаково жесткой, с запахами чужих людей. Помнил он лишь в сложной смеси красок, запахов, линий отчий дом в Бухаре, и часто сердце его сжималось в тоске даже от пустяка - голубого кувшина с маслом в нише двора или луча света, пробегающего по потолку, чтобы догнать и опалить усики пауку, - все, что осталось с детских лет.

Но Армон не ошибался - Тарази останавливался уже раз в этом доме на обратном пути из монгольских степей, куда он прошагал, принятый в компанию бухарскими купцами. И надо же было так совпасть, прямо с пыльных верблюдов - на великое пиршество племен, говорящих краткими, словно обкатывая их на языке, шелкающими фразами. И, слушая, как они говорят, пьют и как, хмельные, вскакивают, расстегивая ворот рубашки, будто им тесно уже в этих необозримых просторах, будто задыхаются они, желая глотнуть свежего воздуха других плоскостей земли, и, видя, как только что избранный ими властелин Темучин, которого нарекли они Чингисханом, понимающе усмехается в свои рыжие усы, Тарази подумал: в этой далекой от Бухары степи накапливается исподволь столько силы, что не пройдет и пяти - десяти лет, как она начнет выплескиваться через край, чтобы затопить другие страны...

Купцы, обласканные Чингисханом, привезли Тарази в Оруз, сами же продолжили путь по знакомой дороге в Бухару, не подозревая, конечно, что их чудаковатый попутчик, раздавший всем нищим свои подарки, сядет тут же писать военный трактат "О защите крепостей от диких кочевников" на тюркском языке, который Тарази ценил за краткость и точность выражения.

В этом трактате, как и в любом сочинении, ему приходилось то примирять свои непримиримые противоречия, то снова раздваиваться, чтобы выразиться сполна, то есть воображать себя и кочевником, пытающимся взять городскую крепость, что было нетрудно сделать при его образе жизни изгнанника, странника, и горожанином, защитником крепости, что также было легко представить, благодаря ностальгии по отчужденному дому.

"Самое трудное для врага - осадить крепости, - писал он. - При первом приступе кочевники могут потерять до трети своих воинов, если крепость надежно защищена, а горожане отважны и не поддаются панике.

Кочевники, лишившись части войска, могут пойти на хитрость: отойти далеко от города, притворившись, будто они ушли насовсем. Горожане не должны поддаваться чрезмерному ликование и веселью, чтобы не ослабить свою волю, а послать лазутчиков, а те установят, насколько далеко отошли кочевники.

Кочевники упрямы: они никогда не отказываются от поставленной цели. Могут уйти сейчас, а вернуться через два года, когда ворота города будут открыты.

Кроме крепкой стены, подобно китайской, которую мне приходилось видеть, желательно прорыть от крепости далеко за город к селам подземные проходы, чтобы часть горожан могла

тайком пройти по ним и неожиданно ударить кочевников с тыла. Таким образом, они будут взяты в клещи и биты как спереди, так и сзади..." - и еще многое, очень длинный трактат - здесь и рассуждения о добродетелях полководцев, об орудиях, разрушающих крепости, и о том, как обезвредить их, о дисциплине воинов, о том, как военачальники должны внушать им веру в победу, о наказаниях за дезертирство, мародерство и грабеж собственного населения, о провианте для армии, но главное, на что обращал внимание автор трактата, - это удивительная способность кочевников сталкивать между собой бывших союзников, плести хитроумные интриги натравливать родного сына на отца, старшего брата - хана одной области - на младшего - властелина другой мусульманской области - и умело пользоваться раздорами родственников, чтобы потом обезглавить и младшего брата, и старшего...

Медленно выводя черные знаки тушью, Тарази много дней потом размножал трактат, чтобы послать правителям всех областей - от Турана до Ирака и от Джейхуна до Евфрата. И только от одного из них - владетеля Майафарикина Малика Гази - пришел ответ, на полях рукописи Тарази было написано: "Бред одержимого" - на меланхолическом языке фарси...

Х

Дом, на который с удивлением поглядывал Тарази, был деревянный, двухэтажный и весь поскрипывал от ветхости. Овальной формы с четырьмя или пятью маленькими окнами; первый этаж намного ниже второго, который своей тяжестью загнал часть дома в землю.

Впрочем, окон в доме могло быть и больше, ибо все стены были закрыты вьющимися снаружи растениями. Красноватые, похожие на пустынный мох, растения выползли из всех щелей и дыр, тянулись из земли наверх или, наоборот, сползали с крыш вниз и были так густо и замысловато переплетены, словно ткали их гигантские проворные пауки.

- В дом не проникает ни один посторонний звук, - ожидая похвалы, сказал Армон, все еще удивляясь забывчивости учителя. - Идеальное место для уединения...

- Спасибо, - воскликнул Тарази, - действительно удачно!..

Ворота, к которым они подошли, также были обвиты растениями, издающими какой-то горьковато-приторный, мускусный запах. Абитай, ворча, принялся с ходу рубить их саблей.

- Вот наказание! Кто поверит, что только вчера вечером я очистил вход... За ночь они снова сползли, - оправдывался Абитай, швыряя ногой в сторону толстые, истекающие соком стебли.

Но когда ловким ударом была срублена последняя ветка, ворота сами медленно распахнулись от сквозняка.

Неожиданно оказалось внутри дома светло, словно он насквозь просвечивался солнечными лучами, и свежо - ни запаха пыли и гнили, старых нежилых помещений.

Просторная передняя, с середины которой шла лестница на второй этаж, разделялась на два коридора с множеством дверей, а в конце коридоры переходили в полутемный зал, откуда поднималась другая, более узкая, лестница.

Тарази, осматривая все, полушутливо заметил:

- Тут сама мысль может убежать из комнаты и потеряться бесследно, запутавшись в растениях. Попробуй потом верни эту сокровенную, раз в жизни посещающую...

Не с меньшим любопытством озиралась по сторонам и черепаха. И Тарази вдруг почувствовал неприязнь к ее физиономии, страстно захотелось ему не видеть ее рядом с собой, хотя бы ненадолго отдохнуть от спутницы.

- Пожалуйста, отведите ее в комнату, - попросил он Абитая. - Рядом с моей...

Абитай широким жестом пригласил черепаху наверх, на ходу подыскивая нужный ключ в связке.

Черепаха с готовностью пошла за ним, нелепо взбираясь по лестнице, видно, и ей осточертело людское общество.

Тарази и Армон наблюдали за каждым ее шагом, и черепаха, чувствуя их взгляды, ежилась.

- И для меня она загадка, - деловым тоном сказал Армон, но тут же спохватился: - Простите, учитель, вам надо отдохнуть с дороги. А я сразу о деле... Я ведь так соскучился, так ждал вас и готов день и ночь слушать...

- Да, в ней много странного, - чтобы не смущать Армона, поддержал нехотя разговор Тарази. - Бойтся крови. Вы бы видели, как она дрожала ночью от страха, в трех шагах от нас варан поедал суслика... А как она хитра, как любит притворяться, льстить! Да, загадка, загадка...

Но Абитай уже быстрыми шагами, возбужденный, спускался обратно. Он успел переодеться во все белое - рубашку и длинные штаны, но шлем почему-то не снял, и, от каждого его прыжка по лестнице шлем поворачивался на его бритой голове вправо, влево...

- Что-то случилось? - встревожился Армон.

- Ничего, хозяин, ничего, - забормотал Абитай, но не выдержал и хохотнул. - Вы бы видели, хозяин, как она пьет воду. Высовывает язык, черный, страшный... медленно опускает в таз, как будто там кипяток, и глупо так, с досадой уставится на меня, потому что бедняге в рот ни капли... как говорится, по усам течет, а в рот не попадает, - рассказывал Абитай восторженно, с какой-то детской непосредственностью.

- Черепахи могут долго жить без воды и пищи, - внушительно объяснил слуге Армон и повернулся к Тарази: - А не послать ли Абитай на базар за яйцами и змеями?

- Пожалуй... - уклончиво ответил Тарази. Он все еще никак не мог сосредоточиться, был в том обычном для себя состоянии отрешенности, замкнутости в новой обстановке.

- Каких яиц, хозяин? - с готовностью отозвался Абитай, довольный тем, что ему придется кормить черепаху и опять подглядывать в ее поведении что-нибудь забавное.

- Голубиных... перепелиных.

- Слушаю и повинуюсь! - Абитай бросился наружу, а тестудологи поднялись в комнату, приготовленную для Тарази, и, проходя мимо двери, за которой находилась черепаха, слышали легкое посапывание.

Тарази тихо приоткрыл дверь: черепаха лежала на мягком войлоке, так заботливо постеленном для нее Абитаем, и спала, уткнувшись мордой в прохладную стену. Таз, о котором смеялся рассказывал Абитай, был пуст. Ни капли воды, - значит, черепаха как-то приловчилась, чтобы утолить жажду.

- Не будем тревожить, - шепнул Тарази так, словно речь шла о заболевшем человеке.

Как и в прошлый приезд, Тарази поселился в скромно обставленной, с голыми стенами комнате - так ему было уютнее, - и этой своей неприхотливостью он также мало походил на типичного восточного человека, любящего окружать себя всем мягким, ярким, душистым (ведь даже в сторожке Абитай под лестницей висели на стенах три красных ковра). Из маленького окна и сюда, в комнату Тарази, протянулся мох, длинный стебель которого уже стелился по полу.

Армон все время чувствовал, что Тарази чем-то взволнован, нервничает, хотя и старается не подавать виду. Сделав несколько шагов по комнате, Тарази вдруг остановился и чуть растерянно посмотрел ученику в лицо.

- А что, если она не будет есть ни яиц, ни змей?

- Вы хотите сказать, не из породы ли она травоядных? Это немыслимо... - не зная, что ответить на прямой вопрос, пожал плечами Армон.

- Может быть, - снова как-то неопределенно сказал Тарази, затем попытался улыбнуться, чтобы разрядить тягостную обстановку. - Можно и я немного вздремну? Вид сладко спящей

черепахи умиротворил меня...

- Отдыхайте, пожалуйста. А я пока сбегая домой и предупрежу отца о вашем приезде...

Тарази невольно поморщился, вспомнив о судьбе. Почтенный считал, что своими сомнительными занятиями Тарази дурно влияет на его сына и портит все его будущее, отвращая от карьеры военного.

- Как здоровье вашего уважаемого родителя? - поинтересовался Тарази.

Армон в ответ тряхнул упрямо головой, но, перед тем как выйти из комнаты, сказал весело:

- Он, кажется, уже привыкает к моим бессмысленным занятиям. Проговорил он это и умолк, удивленный: Тарази уже лежал на кровати и спал, свернувшись в трогательной, беззащитной позе...

XI

Прогуливаясь вокруг дома, наши тестудологи приблизились к саду, куда вела маленькая калитка.

Дом и окружающий его сад были собственностью судьбы, но когда Армон всерьез занялся тестудологией и напрочь отверг военную карьеру, отец поспешил подарить непутевому сыну этот ветхий дом, чтобы лишить Армона другого наследства. На этом настояли и два его старших сына, чтобы досадить младшему, строптивому.

Но Армон продолжал жить с отцом и только изредка, когда Тарази приезжал в Оруз, перебирался в дом на холме. Без должного ухода сад совсем запустел, зарос дикой травой и кустарником. И деревья, питающиеся теперь ядовитыми соками трав, переродились и плодоносили дикими, несъедобными яблоками.

В саду гулял сейчас и Абитай с черепахой. Тарази и Армон услышали шум и топот, проходя вдоль ограды, и увидели, как Абитай кормит черепаху.

С корзиной в руках, он бегал по поляне, а черепаха пыталась скрыться в зарослях от змеи, которую слуга бросил к ее морде. И бедный Абитай никак не мог понять, отчего это черепаха, вместо того чтобы, растоптав змею, полакомиться ею с удовольствием, в ужасе убегает...

Абитай остановился и стал что-то объяснять черепахе, затем, схватив змею, снова бросился догонять толстоногую через заросли. Человек исполнительный, Абитай был очень сконфужен - ведь ему было велено хорошенько накормить черепаху...

Абитай сел на пень и устало пробормотал:

- Я бы сам задушил змею и положил тебе в пасть, но что ты, черт побери, за зверь, который любит дохлятину без запаха живой крови?!

Он хотел еще что-то сказать, с обидой и состраданием, но черепаха только глубже зарылась в зарослях, - кажется, сама мысль о дохлой змее привела ее в ужас.

- Да пойми ты! - терпеливо втолковывал черепахе Абитай. - Это не какая-нибудь дрянь - гюрза или очковая. Это вкусный уж, сам выловил в пруду, и если бы я, не приведи господи, был черепахой, устроил бы такое пиршество на зависть хозяевам...

Черепаха слушала его не шевелясь, только виден был кончик ее хвоста из зарослей да задние лапы. Как и Абитай, она позволила себе передышку, готовая, однако, в любую минуту продолжить бегство.

Абитай тревожно посмотрел по сторонам - словно почувствовал, что тестудологи слушают его, и сказал, теперь уже желая оправдаться перед ними:

- И яйца не ест, вот наказание! Крупные, голубиные. Я поставил перед ней на подносе десятка два яиц, а она морду брезгливо воротит. Так она нас вскоре разорит, сейчас, в смутное время, все дорожает и дорожает... Теперь я, кажется, начинаю понимать, отчего господин судья

был против занятий своего сына. Дело это, кроме убытка и нервотрепки, ничего не приносит... Ни радости, ни денег, как занятие кафира [Кафир - неверный, немусульманин] в самаркандском базаре.

- Перестань, Абитай, нечего причитать, - строго прервал его Армон, появляясь перед ним вместе с Тарази.

Абитай вскочил, выронил корзину. С лукаво-ошарашенным видом смотрел он на тестудологов, ожидая порицания, но готовый какой-нибудь шуткой или даже грубой выходкой развеселить Армона и оправдаться.

Но тестудологов интересовало сейчас не поведение Абитая, они смотрели на черепаху, хвост которой вилял в зарослях.

Армон глянул на Тарази и понял, что догадка, мучившая его, прояснилась через пронзительную мысль, через озарение и всецело овладела им.

И казалось, мысль эта не радует, а скорее страшит. Может быть, поэтому Армон вдруг вспомнил, как Тарази сказал ему однажды - спокойно, без рисовки, даже с ноткой фатальности, что все дело его жизни может оказаться одной большой, трагической ошибкой, которой нет оправдания. Будет горько, смертельно обидно, но не страшно. И это мужество перед лицом судьбы и помогает ему верить и жить...

- Ну что же, - решительно сказал Тарази, но больше не произнес ни слова, неопределенно махнув рукой, и пошел по сухим, прошлогодним листьям к зарослям, и черепаха вздрагивала от каждого его шага. - Вы уже вдоволь нагулялись, - сказал Тарази, остановившись в трех шагах от нее, и обратился к Абитаю: - Ступайте в дом...

Черепаха задом выползла из своего убежища и с горделивым независимым видом поплелась за Тарази. Видно было, что только ему она доверяла, но не льстила, не просила защиты, как раньше, не желая, видимо, при чужих показывать свои дурные наклонности.

Когда зашли в дом, Тарази молча пошел к себе в комнату и закрыл дверь - не хотел никого видеть.

Черепаха тоже легла в своем углу. А Армон велел Абитаю сидеть возле порога на страже...

ХII

Вскоре тестудологи застали Абитая за еще более странным занятием. С саблей за поясом и в шлеме, он сидел у порога и корчил разные рожи, хохотал, а черепаха металась из угла в угол по комнате, ударяясь со всего маху панцирем о стены, да в таком отчаянии, что казалось, дыру сейчас пробьет, чтобы сбежать на волю.

Но затем Абитай, будто сжалившись, снимал шлем и, подперев кулаком подбородок, невинно смотрел на плутовку, как бы укоряя себя за дерзость. И черепаха, видя это, прижималась к стене, тяжело дыша, но ожидая в любой момент очередной выходки стражника.

Абитай же отвешивал поклоны мошеннице и, дернув на прощание жертву за хвост, уходил за дверь, делая вид, что оставляет ее в покое.

Черепаха поудобнее растягивалась на соломе, притворялась спящей. Но страж снова надевал на голову шлем и, приставив саблю к виску, с грозным видом открывал дверь, будто поклялся не давать плутовке отдыха.

Бедная черепаха вновь трепетала от страха и, если бы не прочные стены, пробила бы их панцирем...

Тарази долго наблюдал за всей этой чертовщиной, прежде чем обратиться к Армону:

- Отчего это вид шлема и сабли приводит ее в такой ужас? Может, наша гостья чувствует за собой вину и боится расплаты?

- Абитай! - крикнул Армон, и страж тут же выбежал к ним в коридор. Что за дурацкие выходки? И этот шлем?..

- Но ведь я так... без злого умысла, - оправдываясь, Абитай опустил голову, и шлем со звоном упал к его ногам. - Ведь вы разрешили носить его...

- Да, разрешил, когда мы встречали учителя. Тебе очень хотелось показаться бравым, хотя ты нелеп в этом котелке...

Черепаха прислушивалась к их разговору, уткнув морду в солому и притворяясь равнодушной к происходящему. И лишь Тарази догадывался, как благодарна она за то, что избавляют ее от издевательств Абитаея.

- Иди! - прогнал его Армон.

- Слушаю и повинуюсь! - прокричал Абитай и еще хотел что-то добавить себе в оправдание, но Тарази уже не слушал, о чем они говорят с Ар-моном. Он чувствовал: сжимается в тревоге сердце перед тем, как ощутит он приступ полного бессилия и отрешенности. Даже мелькнуло у Тарази странное: будь он сейчас в одиночестве в этом пустом доме, наверняка не смог бы уснуть под одной крышей с черепахой.

Он был раздражен, нервозен, ибо понимал, как был не прав в своих прежних предположениях. Его мучила теперь новая догадка, и сама мысль, что догадка эта может подтвердиться, приводила его в уныние и растерянность.

Но как только Армон повернулся к нему, Тарази овладел собой и сказал просто:

- Я думаю: тут все наоборот. - Он пристально посмотрел на черепаху, будто она мешала их разговору, и та отвернулась, царапнула ногтями стену, пробуя ее прочность. - Мы искали нити, связывающие животных с людьми, чтобы попытаться как-то менять натуры животных, а столкнулись с совершенно противоположным. Похоже, что этот танасух [Танасух - переселение душ, превращение (араб.)]... - Тарази умолк, видимо не желая раскрывать тайну перед Абитаем и черепахой, и зашептал на ухо Армону, объясняя ему нечто такое, отчего Армон побледнел и растерялся.

Вид ученика был таким, будто он разучился соображать, и Тарази для пущей убедительности закивал, настаивая на своем.

Армон попятился назад, не спуская глаз с черепахи, но Тарази предупредительно взял его под руку, сделал знак Абитаю, чтобы тот не отходил от дверей ни на шаг.

- Можете надеть свой шлем, если вам так безопаснее, - добавил он иронично.

Абитай, суетясь, бросился исполнять приказание. Просунув в дверь комнаты саблю, он энергично помахал ею, и тестудологи, удаляясь по коридору, снова услышали шум, топот и удары панциря о стены - так бесновалась черепаха, когда к ней снова приставили стражника. После каждого ее удара Армон морщился и вздрагивал.

- Ничего, - сказал Тарази спокойно, - такая встряска ей только на пользу...

- Мне кажется, это Он! - шепнул Армон, почему-то испугавшись собственных слов, прижался к стене и прикусил от досады кончик усов.

- Дай бог, - пробормотал Тарази и добавил: - С особой женского пола всегда больше хлопот... Пусть Абитай не отходит от дверей. Кто знает, не выкинет ли гостя какой-нибудь отчаянный номер, боясь разоблачений...

Армон вернулся к двери и стал что-то втолковывать Абитаю, вначале вкрадчиво шепча на ухо, затем неторопливо размахивая руками. Наконец Абитай, кажется, понял, закивал, а когда Армон отошел от него, страж все продолжал кивать произвольно, будто случился с ним нервный тик.

А Тарази уже сидел в своей комнате, мрачный, как обычно. Армон, прислонившись к двери, смотрел на него, понимая его страхи и сомнения. Ему же, молодому и горячему, не терпелось

уже сегодня же начать опыты, не думая о риске, о разочарованиях и ошибках.

Наконец Тарази поднял голову и сказал:

- Мы начнем... Но прежде я нарисую схему крови, опишу состав ее и равные дозы. Малейшая ошибка, и сосуды, через которые будет пропущена чистая кровь, не выдержат, и тогда с ней случится непоправимое апоплексический удар... Кровь попрошу доставлять в строжайшей тайне, через доверенных врачей...

- Все будет в тайне! - воскликнул Армон и сделал нетерпеливое движение к выходу, но Тарази задержал его:

- Пойдите... Вот что еще: опыт, даже самый удачный, не пройдет для нее бесследно... Это такое борение внутри, такая встряска, столько нитей будет разорвано, столько нервов погублено... Словом, когда гостя наша предстанет перед нами в человеческом облике, она постареет на десять лет... Если же опыт не удастся и она вернется в свое теперешнее состояние - снова минус десять лет жизни... Вот так... чтобы приобрести - надо терять. А когда теряешь приобретенное - платишь двойной платой... звонкой монетой... чередой лет... Я вот думаю: имеем ли мы моральное право? Бессловесная тварь - не может сказать нам ни "да" ни "нет". Твори! Пробуй! Издержки спишутся... Отнять у существа, пусть даже чудовищного, десять лет жизни... - Тарази не договорил - помешал шум и топот в коридоре. Обозленный, он остановился посередине комнаты - малейший шорох раздражал его сейчас.

Армон выбежал, желая узнать, в чем дело. Оказывается, едва Абитай отошел от двери, черепаха тут же выскочила в коридор и попрыгала по лестнице к воротам дома. Абитай бросился было за ней с проклятиями, но неожиданно сел на лестнице и смотрел, ухмыляясь, как черепаха с разбега ударила панцирем по воротам. Но створки лишь скрипнули и не открылись черепаха, не понимая ничего, в изумлении уставилась на них.

Абитай продолжал хихикать, но, увидев Армона, вскочил и не без удовольствия пояснил:

- Сегодня я проспал, хозяин. И не срубил ветки за воротами. А они, поглядите-ка, зверя нашего не выпустили наружу... Хвала тебе, господи...

Часть вторая

I

И вот спустя полгода, через сумрак сомнений, ошупью преодолевая саму толщу застывшего времени, наступило наконец то утро, когда Тарази и

Армон, в сопровождении Абитая, подошли к желтой двери, куда они ранее входили свободно, без предупреждения, и постучали.

После долгого молчания послышалась за дверью возня, вздох и скрип, но приглашения не последовало. Тарази, спокойный, ждал, Армон же был бледен и нетерпелив, а Абитай нервно пританцовывал, покручивая ус,

Тарази вторично постучал, но уже требовательнее, после чего глухой голос сказал:

- Что ж... входите... пожалуйста.

Тарази толкнул дверь, и она едва не ударила черепаху, которая отбежала и, тяжело дыша, с трудом уселась в кресло. Что-то, однако, задержало Тарази возле порога, он попытался улыбнуться, но вместо этого устало и иронично спросил:

- Как вы себя чувствуете?

Черепаха сползла с кресла, словно упала: отвернулась к стене и замахала руками - мало того, что она предстала перед ними в таком срамном виде, еще пытались заставить ее отвечать на вопросы.

- Хорошо, - недовольным тоном вымолвила черепаха.

Абитай, с изумлением глядевший на нее, вдруг не выдержал и, вскрикнув, побежал по коридору к лестнице. Беднягу не посвящали в опыты по вливанию и кровопусканию, и он, человек суеверный, чуть было не потерял дар речи.

Черепаху смутили крики Абитая, и она невольно коснулась лапой подбородка, ошупывая морду так, как делают это люди, стыдящиеся своего уродства.

Но то, чем она трогала морду, уже нельзя было назвать лапой. Оно походило на руку, хотя и не совсем человеческой формы - пальцы, ладонь и кисть до самого плеча еще покрывала черная, вся в чешуе кожа, зато панцирь, сам отвалившись, валялся в углу комнаты, обнажив смуглую кожу на спине черепахи.

Если не считать еще и возвращенного человеческого голоса, все в черепахе было как прежде. Хвост мешал ей сидеть, упершись о толстые, слоновьи лапы, да и сама морда осталась без изменений.

Но и то, чего добились наши тестудологи, было обнадеживающим - ведь прошли только первые полгода лечения, впереди были вторые - решающие...

Тарази, так долго и упорно разглядывавший черепаху, довольный, потер руки.

Армон же все не приходил в себя - ужас первых минут мешал ему поверить, что опыт удался.

- Как сделать, чтобы вам было удобно сидеть в кресле? - спросил Тарази, подходя к черепахе. Та, из почтения, неуклюже поднялась и стала, сложив руки на животе. - Разрешите, я осмотрю ваш хвост...

Черепаха нехотя наклонилась, и Тарази пощупал ее хвост. Потрогал хвост с опаской и Армон.

- Ну, как? - спросил его Тарази.

- Мышцы хвоста как будто смягчились, - почему-то смутился Армон.

- Мне тоже так показалось,.. Можно безболезненно привязать хвост к спине.

- Нет, нет, мне он не мешает, - почему-то заупрямилась черепаха - ей было обидно, что не

только Тарази, но Армон подергал ее за хвост.

- Прошу делать, как вам велят! - сказал ей властно Тарззи. - Ваше имя, кстати?

- Бессаз, - назвалась черепаха и вся съежилась, будто выдала важную тайну, подумала и хотела прибавить к своему имени уважительный титул "хан", но сдержалась, поняв, насколько сейчас, при теперешнем ее облике, это прозвучало бы неуместно.

- А, Бессаз, - легко и непринужденно сказал Тарази, как старому знакомому, будто знал заранее, что черепаху именно так зовут, и был доволен, что под обликом этого страшилища с человеческими руками и чуть глуховатым, с хрипотцой голосом скрывается особа мужского пола.

Тарази прошелся по комнате, возбужденно жестикулируя, А ведь как он боялся, что вдруг увидит после опытов особу прекрасного пола, сбросившую панцирь. Капризную, издерганную, неподвластную логике - она будет хитрить, вести по ложному пути - так и не услышишь нужных признаний. Это была чисто психологическая боязнь, ибо Тарази плохо знал женщин.

- Впрочем, - закончил свою мысль вслух Тарази, - мы так и думали, что вы мужчина...

- Да, я слышал, о чем вы спорили, но не мог вмешаться, ибо лишился вместе со всем... имуществом, положением в обществе, своим нормальным обликом, наконец, и дара речи, - ответила черепаха с досадой.

И когда она говорила, Тарази заметил еще одно в ней изменение - форма ее рта, безгубая, с одной лишь кривой полоской, уже чем-то напоминала рот человека, то есть была более подвижной. И если она даже не произносила ни звука, а просто шевелила губами, то по их движению можно было понять, что же она хочет - просит или порицает...

Увлеченный осмотром, Тарази нечаянно задел ногой панцирь, и он, уже засохший и изменивший форму без тепла туловища, отторгнутый от кровеносных сосудов, глухо, как деревянный, ударился об стену.

- Вынесите свой домик в коридор, - исполненный иронично-озорного настроения, показал он Бессазу на панцирь, желая заодно посмотреть, как он ходит. Видя, что черепаха поднялась с недовольной миной, добавил: - Вам надо больше двигаться. Распрощайтесь теперь со своей азиатской ленью... - И тут же продолжил настойчиво, язвительно прищурившись: - Или вы не азиат? Может, немец? Благородный римлянин? Эфиоп?

Черепаха, ни слова не ответив, нагнулась и подняла без труда панцирь, осматривая его некоторое время с нескрываемой грустью на морде, - ведь что ни говори, он был частью ее самой и надежно защитил от удара лошади, а еще раньше от града камней горожан.

Едва она потопала к выходу, стало видно, что двигаться ей неловко, ибо нижняя часть туловища нашей получерепахи-получеловека была тяжелее верхней, а легкая теперь спина без панциря то и дело гнулась к земле и раскачивалась вместе с маленькой мордой, словно отвешивала поклоны.

Когда она с трудом переступила порог и вынесла панцирь в коридор, к ней бросился неизвестно откуда появившийся Абитай. Видно, он стоял за дверью и все слышал - и теперь, оправившись от страха и изумления, проникся к Бессазу жалостью.

- Я помогу вам, - волнуясь, проговорил Абитай и дрожащими руками взял панцирь за край. Он не спускал глаз с черепахи и, видно, очень хотел услышать что-нибудь от нее в ответ. Он уже даже готов был просить у нее прощения за столь вызывающее поведение - ведь он мучил беднягу, пугал саблей. Но черепаха молча и горделиво сделала еще шаг и так поклонилась, что невольно задела мордой плечо Абитая. - Ничего, ничего, - пробормотал смущенный Абитай, извиняя черепаху за столь неуклюжий выпад, и пошел боком, вдоль стены, помогая ей.

Всю жизнь чувствуя себя ущемленным на господской службе, Абитай вдруг проникся к черепахе - существу столь же несчастному - братским состраданием.

Наши тестудологи наблюдали за всей этой трогательной картиной, понимая, что Абитай, одинокий и чужой в их ученом обществе, наконец нашел себе собеседника и приятеля, несмотря на весь его нелепый вид.

- Отнесите, пожалуйста, в мою комнату, - крикнул им Тарази, но те, кажется, не слышали, ибо Абитай что-то доверительно шептал черепахе, был сама деликатность и очень боялся хоть чем-нибудь обидеть приятеля...

II

- Когда вы впервые заметили в своем теле изменения, Бессаз? - сухо спросил Тарази.

Армон, возбужденный, сидел с ним рядом. Абитая же, проявившего столь неожиданную сентиментальность к говорящей черепахе, тестудологи отправили в город за покупками.

Вопрос этот повторялся уже несколько раз, вчера, сегодня утром, но черепаха упрямылась, не желая рассказывать.

Посаженная в кресло, она бормотала что-то непонятное, говорила, что не помнит, вытирала поминутно пот, выступавший на ее сконфуженной морде, вскакивала с места, ощупывала недовольно хвост, делая вид, что хвост мешает ей сидеть и сосредоточиться.

Спокойный и даже равнодушный Тарази вдруг вышел из себя и, топнув ногой, в сердцах выругался, называя черепаху "колбасой, начиненной винегретом, который не переварит ни один здоровый желудок".

- Черт бы вас побрал! - добавил он к своему красочному сравнению. Все это нам нужно не ради бабского любопытства! Когда мы узнаем, как вы из порядочного человека превратились в столь поганую колбасу, нам будет легче снова сделать из вас прежнего Бессаза... полного сил, любимца женщин, лакомым кусочком жизни... Или вы не хотите... женщин... и думаете навсегда оставаться животным?

Эти доводы, кажется, подействовали на черепаху, и она пробормотала:

- Не знаю... бывают обстоятельства, когда лучше оставаться животным...

- Вот! Вот! И вы, дружок, философ... Так какие же это обстоятельства?!

Но черепаха снова упорно замолчала, будто не желая вообще открывать пасть.

И Тарази решил прибегнуть к крайней мере, которую он долго скрывал, надеясь на миролюбивый исход.

- Будете молчать - выставлю вас за ворота в таком виде, - пригрозил он. - И пусть в городе узнают о говорящей черепахе. Вы понимаете, чем вам это грозит?!

Последний довод, кажется, подействовал на черепаху, и она призадумалась. Затем встала и поправила пояс, которым хвост ее был привязан к спине, чтобы удобно было сидеть.

Тарази добавил для пушей убедительности:

- Поверьте, мы не станем вас наказывать, даже если узнаем, что вы совершили чудовищное преступление... Вы уже наказаны... И еще... если мы не сможем продолжать лечение, вы снова потеряете речь и покроетесь новым панцирем. Мы пропустили через ваши сосуды лишь треть крови из того количества, которое нужно для полного избавления. И чистая кровь будет разбавлена и испорчена той дурной животной кровью, которая течет в ваших жилах...

- В таком случае... - пробормотала черепаха, ерзая в кресле и вздыхая, - я расскажу все как было... Но прошу - не говорите со мной повелительным тоном. Я ничего не боюсь. В первые дни мне было ужасно тяжело, теперь я свыкся. И не боюсь ни вас, Тарази-хан, ни вашего стражника, ибо сказал себе "будь что будет". - И только после этого краткого предупреждения Бессаз начал: - Впервые я заметил, что тело мое меняется год назад, - сначала стала твердеть спина и расти хвост...

Тарази почему-то был уверен, что вспоминать об этом она будет спокойно, как о чем-то далеком, остывшем, и очень удивился, когда черепаха, рассказывая, машинально пощупала спину, но, убедившись, что теперь она гладкая, попыталась через силу улыбнуться.

Не в силах собраться с мыслями, чтобы рассказывать дальше, она посмотрела на слушателей, ожидая, что, может быть, они помогут ей встречными вопросами.

Но Тарази молчал, бесстрастно глядя ей в глаза.

Подражая во всем учителю, и Армон делал вид, что и он не проявляет особого интереса к рассказу, поэтому черепаха успокоилась, решив, что раз тестудологи не поторапливают ее, не подозревают в обмане и подвохе, то сам факт случившегося с ней танасуха считают чем-то нормальным, часто встречающимся в жизни явлением, - а это как бы защищало черепаху и давало ей надежду на то, что не будет она отдана в руки правосудия.

..Детские и юношеские годы нашего героя не были особенно ничем примечательны, и Тарази обратил внимание лишь на болезненность Бессаза, перенесшего в те годы и малярию, и желтуху, и корь, к тому же часто страдавшего приступами суставных болей. Он слушал, временами расслабляясь и скучая, затем, как бы очнувшись, останавливался на какой-нибудь мелочи и просил повторить, к примеру, он подробно расспросил о болях в суставах, которые, начавшись в ногах, со временем беспокоили уже и в позвоночнике...

- И что же лекари? - поинтересовался Тарази.

- Одни говорили, что это собирается соль в костях, другие советовали прикладывать к больным местам толченые орехи с ртутью... - ответил Бессаз, досадливо заметив, что, задав вопрос, Тарази потерял к нему интерес и сидел, развалившись в кресле, будто дремал.

Но вот рассказ стал мало-помалу привлекать внимание Тарази, и он особенно сделался внимательным после того, как Бессаз сказал, что в двадцать пять лет был с опозданием отдан на учебу в мазхаб [Мазхаб - школа мусульманского права], но ленился, валял дурака, и отец, человек практичный, решил: пусть он поработает помощником городского судьи без того, чтобы забивать свою голову наукой.

Отец Бессаза содержал большой постоянный двор в очень доходном месте, у базара, так что все эти годы Бессаз провел беспечно, охотился с друзьями, волочился за женщинами, ибо профессия отца - торговля - не привлекала его. Отец не очень настаивал, не нажимал, жалея сына, частенько лежащего больным. Только любил он повторять тоном обреченным, горьким:

- В кого ты уродился таким наивным? Да и болезнь смягчила твой нрав, сделала добрым. Боюсь, после моей смерти ты промотаешь все мое состояние и пойдешь с посохом по миру...

Девятилетним мальчиком Бессаз впервые влюбился в особу семнадцати лет, которая была дочерью его дяди, но не помнит уже, хороша ли она была собой. Помнит только, что, едва видел ее, не мог слова вымолвить от смущения, убежал в свою комнату и ночами плакал и все воображал, как она, жалеючи, гладит его и целует...

Говорящая черепаха опустила морду, нервно теребя сухую, обвисшую шею. Затем вскочила и с криком: "Нет, не могу!" - потопала, царапая пол ногтями и раскачиваясь, как змея, из стороны в сторону. Но, видя, как Тарази упрямо стоит на своем, требуя дальнейших рассказов, снова села, чтобы продолжить.

Так вот, двадцатипятилетнему сыну отец купил место помощника судьи, желая, видимо, держать в своих руках и закон, и богатство, нажитое нечестно, - всю полноту жизни.

Благо, у Бессаза всегда был интерес к судейству - так что пошел он на эту должность с охотой, а вскоре ему поручили и первое самостоятельное дело.

Из одной деревушки в пустыне пришла весть об убийстве, и Бессаз отправился туда на лошади, ехал с самыми благородными намерениями, в хорошем расположении духа, уверенный, что накажет виновных.

Правда, немного смущало его то, что никакими подробностями об убийстве он не располагал, знал лишь из письма старосты, что труп обнаружен в расселине холма, уже весь высохший, хотя и не разложившийся.

Деревня, куда Бессаз с трудом добрался лишь к вечеру, тянулась у подножия большого холма, и староста, человек весьма приветливый, хотя и малоразговорчивый, вышел встречать Бессаза и повел к себе домой, чтобы гость мог отдохнуть с дороги.

Но Бессазу не терпелось сразу же подняться на холм, чтобы осмотреть труп, хотя староста уговаривал его подождать до утра, жалуясь на жителей Деревни - мошенников, само место, где они обитали, холм, он назвал "проклятым дар аль-харбом" [Дар аль-харб - место, населенное немусульманами (араб.)].

- Я уже тридцать лет обращаю их к истинной вере, чтобы оздоровить их души, но пока тщетно! - вздохнул староста, который, оказывается, в одном лице совмещал здесь столь различные должности - духовного наставника имама-даи [Имам-даи - священник-миссионер], сборщика податей, начальника тюрьмы, владел к тому же небольшой кожевенной мастерской и всерьез подумывал заняться еще вывозом и продажей соли. - Я не вынесу позора, если они, воспользовавшись темнотой, ограбят вас на холме. Поверьте, от тех, кто дик и поклоняется огню, можно ожидать всего. Так что лучше отдохните с дороги, - говорил он вроде бы прося, заискивающе, хотя в нотках его прорывались упрямство и настойчивость.

- Отчего же вы возитесь с ними так долго? - спросил Бессаз важно, как бы укоряя.

- Э, не те нынче времена, молодой человек, - тусклые, старческие глаза его неожиданно заблестели злыми огоньками. - Раньше, во времена первых имамов, мы могли их насильно заставить поверить в аллаха, но теперь... Теперь надо спасти их души молитвами, обращениями, зовом, ибо оказалось, что почти все, кто был обращен в святую веру под страхом смерти, все же тайно, в глубине души, поклонялись дьявольским ансабам [Ансаб - идол, кумир]. А нам ведь нужны не тела их бранные, а души бессмертные. Вот и приходится ежечасно звать к их чувству и разуму... Нужно терпение...

После ужина Бессаз и староста все же вышли из дома, чтобы осмотреть деревню. Была она застроена беспорядочно - ни улиц, ни лестниц, ведущих на холм. Угол одного дома упирался в ворота другого, так что стоило кому-то открыть ворота, как они ударялись о стены соседнего дома. Жители же пользуются крышами домов как мостовыми улиц, - так обычно застраиваются деревни на холмистой местности.

С наступлением темноты жители уже скрылись в домах, только двое мужчин ходили, как призраки, по крышам, ведя корову и овцу. Никто, кажется, не проявлял интереса к приезду Бессаза, не было суеты, сборищ, кривотолков, обычных в таких глухих уголках после приезда судьи.

Несколько озадаченный, даже обиженный невниманием к своей персоне, Бессаз хотел спросить старосту и уже повернулся к нему, но передумал: не хотелось ничем пока делиться со старостой, ни о чем его расспрашивать - кто знает, что у старика на уме и не желает ли он как-то повлиять на беспристрастное расследование?

- Вижу, что здесь живут одни лишь пастухи, - сказал Бессаз, чтобы прервать неловкое молчание, - оно наступило после того, как староста уловил сомнение Бессаза, который хотел спросить о важном, но промолчал.

- Да, некоторые держат скот, но многие имеют доход от соли. Холм этот почти сплошь из соли, лишь сверху покрыт тонким слоем песка. Говорят, что здесь некогда было море и огромная глыба соли, оторванная от какой-то дальней горы, приплыла сюда, а когда вода ушла - осталась и превратилась в этот холм... но я, признаться, в это мало верю, - поддерживая Бессаза под руку и помогая ему подняться на крышу дома - начало здешней улицы, торопливо и

подобострастно говорил староста, хотя эта страстность и не могла скрыть некоторого официального и казенного тона его выражений.

Но едва они пошли дальше, как услышали крики, идущие из дома, по плоской крыше которого шли. Должно быть, внутри дома говорили об обычных житейских вещах и неторопливо, но здесь, на высоте, как заметил Бессаз, голоса эти отчего-то усиливались до криков. Говорили: "Слышите, вот судья идет над нами. Видно по шагам - человек он не толстый, как наш староста". "Да, шаги вкрадчивые, осторожный и хитрый человек, и походка у него не прямая, а чуть кособокая. С позвоночником у бедняги неладно..." - "А староста, он весь сжался, нервничает, замышляет что-то хитроумное..."

Бессаз остановился, удивленный, - озадачило его больше всего то, как они могли увидеть, что ходит он боком? - посмотрел по сторонам, желая увидеть хотя бы одного из здешних жителей на крыше. Но вокруг ни души, только бледный, смахивающий пот с лица староста...

Староста опять взял гостя под руку и умоляющим голосом попросил вернуться обратно.

- Один только дьявол знает, что они могут натворить, - добавил он для убедительности.

Бессазу же было интересно идти дальше - и выше: а вдруг кто-нибудь скажет и такое, что пригодится ему для следствия.

Но староста с каждым шагом нервничал все сильнее, и быть настойчивым сейчас Бессазу ни к чему, можно вызвать недовольство человека, который по роду службы обязан помогать ему.

Они спустились вниз, к площади, прошли ее и вернулись в дом старосты. И Бессаз, переступая через порог, подумал, что ему придется провести тоскливый вечер в обществе этого старика, хитрого, льстивого, всю жизнь прожившего в глуши, который, естественно, ни о чем не будет говорить, а только жаловаться на своих прихожан, на их дикие нравы, неповиновение обычная тема тех, кто беседует с приезжим из столицы.

Но скучная, досадливая мина на лице Бессаза тут же исчезла, едва он заплел в дом и увидел молодую женщину, которая, как выяснилось, была единственной и горячо любимой дочерью старосты.

Майра - так звали женщину - показалась миловидной и привлекательной и Бессаз сказал с легкой беззаботностью, обращаясь к отцу:

- Ах, вы прятали такое сокровище, думая, что я - горожанин - человек испорченного вкуса...

Староста засмутился, не зная, что сказать, зато Майра, тоном спокойным и бесстрастным, ответила за отца:

- Я была в доме у роженицы. Но услышала, что вы прогуливаетесь с отцом, и поспешила познакомиться с гостем...

- Так вы принимали роды? - воскликнул Бессаз, кокетливо подняв брови.

Увлеченная своим рассказом, говорящая черепаха задергала тем местом, где у нее были некогда брови, но вышла такая гримаса на ее морде, что Даже сдержанный Тарази скривился...

- Да, и вылечиваю от многих болезней, - ответила Майра.

- Колдунья! - засмеялся Бессаз, но тут же сделался серьезным и уставился на старосту со скучающим видом, ибо тот, стоя у стены, хмурился и недовольно покашливал, словно предупреждал Майру о чем-то.

Майра также была сдержанна и равнодушна, но за всем этим, как потом выяснилось, скрывалась страстная натура.

- Но об этом после, господа! - воскликнула черепаха, подняв лапу и двигая ею по воздуху, ибо в лапах ее от долгого, неудобного сидения заломило. - Вы, конечно, понимаете, что всю ночь я не спал, думая о том, с чего завтра начать осмотр холма, где был труп. Поведение старосты начинало казаться мне подозрительным, ибо он делался то страшно разговорчивым, то вдруг мрачнел и замыкался в себе, если я болтал с его дочерью. Время от времени он

прислушивался, словно ждал, что вот сейчас за окнами громко заговорят. Но были тишина, ибо, как и во всех деревнях, люди здесь ложились спать рано. Я же проболтал с Майрой почти до самого утра. Потом спохватился, ибо мне стало жалко старика, который сидел с нами молча и не уходил к себе в спальню. Я встал, извинился и пошел за старостой в отведенную для меня комнату. Увидев, что я иду и продолжаю думать о его дочери, машинально поглаживая ус, он вдруг тоже довольно комично погладил свои пышные седые усы - и захохотал. Презабавный он был человек, мой будущий тесть!..

III

Сегодня завтрак черепахи в компании Абитая явно затянулся. Атмосфере дружелюбия, в которой они сидели, мог позавидовать любой: Абитай орудовал ножом, расчищая от жил кусок баранины для черепахи, а та, развалившись в кресле, держала у рта рюмку с вином. В бессмысленных глазах ее теперь сиял блеск и сытое довольство, а пояс, которым был привязан к спине хвост, ослаблен для того, чтобы могла она до отвала набить свой желудок, так что кончик хвоста, изогнувшись, весело вилял.

Разрезав баранину, Абитай преподнес ее на тарелке черепахе, затем они подняли свои рюмки и выпили, подмигнув друг другу подбадривающе.

То твердое, что было у черепахи губами, с трудом удерживало край рюмки, но она старалась скрыть от собутыльника свою неловкость, чтобы чувствовалось равенство между ними. Но, судя по тому, как Абитай подобострастно служил ей, было заметно, что черепаха добилась в его глазах даже некоторого превосходства.

Шумные и хмельные, они продолжали беседу, и, как только говорящая черепаха поставила на стол рюмку, Абитай замахал руками:

- Хотя я ужасно не люблю толстушек, но условие есть условие. Я проник в сад, а там две служанки. Как посмотрел я на них, тонких, изящных, и размеры моей госпожи еще больше ужаснули меня! А эти дьяволы хохочут за забором, корчат рожи, словом, ждут, чем кончится... Ну, а кончилось тем, чмокнул губами Абитай, снова наполняя рюмки, - что вдовушка моя, как она ни жеманничала и корчила из себя воспитанную передо мной, слугой... - Абитай неожиданно закрыл ладонью рот, чтобы подавить смех, и затрясся всем телом от избытка веселья.

- А я так не смог бы, - после паузы сказала черепаха и, поманив пальцем к себе Абитая, шепнула ему что-то на ухо, после чего сразу раздался опять хохот.

Абитай не выдержал и в сердцах обнял черепаху за шею, потерев пальцами складки ее кожи.

- Вижу, вы неплохо развлекаетесь, - сказал Армон, открыв дверь и пропуская вперед Тарази.

Абитай вскочил, растерянный, но потом опять сел, приняв независимо-надменный вид, - это он перед черепахой не хотел показаться жалким и напуганным.

- Что-то у меня с аппетитом неладно, - пробормотал он, бросив на Армона косой взгляд.

- И вино не помогло? - наклонился над ним и язвительно шепнул Армон.

- На что вы намекаете? - вскочил и замахал руками Абитай, но Армон спокойно указал ему на дверь.

Абитай неожиданно размяк весь, испуганно захлопал глазами, видимо вообразив себе всю будущую кару за столь опрометчивое поведение, и, кланяясь ежесекундно, попятился к двери...

- Так всегда: позволишь слуге сидеть в обнимку с самим судьей, кивнул Армон в сторону черепахи, снова устроившейся в кресле в углу, - как он уже воображает себя адвокатом.

Абитай, как всегда подслушивающий их разговор, быстро просунул голову в проем двери и

забормотал:

- Клянусь, хозяин, клянусь... - и снова исчез, и было слышно, как он убегает по коридору.

Тарази, все это время сидевший с меланхолическим видом, будто вся эта суэта несколько не касается его, сделал знак черепахе.

- Рассказывать? - весело тряхнула мордой хмельная черепаха.

- Да, и без лишних напоминаний! - прикрикнул на нее Армон. - К нашему приходу вы должны быть всегда готовы... Итак, вы остановились на том, что провели ночь в болтовне с прелестной дочерью старосты...

Готовность черепахи рассказывать можно было объяснить лишь ее добродушным настроением. С улыбкой на поганой физиономии она начала. И тестудологи узнали, что едва рассвело, как Бессаз был уже на ногах, хотя староста все еще спал, и Бессаз долго думал, будить ли его, но решил один отправиться на холм.

Часто оглядываясь, чтобы убедиться, не идет ли за ним кто, Бессаз перешел площадь, отделявшую одиноко стоящий дом старосты от остальной деревни, и стал быстро подниматься на холм.

Наверх вели сначала несколько ступенек, под которыми Бессаз заметил дверь первого дома на склоне, затем тянулись крыши, связанные между собой деревянными мостиками.

Всего десяток шагов сделал Бессаз по крышам и снова услышал голоса, идущие снизу. Он представил себе, как идет над головами жителей деревни, потому, от неожиданности растерявшись, остановился. И сразу же услышал женский голос, как и вчера, сообщающий о каждом его движении: "Остановился. Сегодня почему-то идет один..." - "Будь уверена, скоро староста догонит его..."

Бессаз снова подумал, что крыши - прекрасное место для сбора нужных ему сведений, и очень пожалел, что не пошел со старостой, чтобы узнать, что жители деревни скажут сегодня о его настроении.

"Видно, судья наш не спал всю ночь, - услышан Бессаз, - идя дальше. Шаги его тяжелые, усталые. И ходит он не как все, боком, словно боится, что могут неожиданно выстрелить ему в грудь". - "У бедняги что-то неладно с позвоночником, болезнь его точит-подтачивает", - ответил ей другой женский голос, видно колдуньи, прорицательницы. Голос мужчины, покашливающий, поддержал разговор: "А вы не слышали, какие были шаги у Майры, когда она недавно пробежала наверх? Прямо заплелись... Видно, проболтала с ним до утра, не выпалась..."

А потом, до самого последнего дома, уже никто не говорил под крышами: наверное, ушли пасти скот. А Бессаз шел и думал, отчего это Майра бросилась чуть свет на холм? И как она вышла из дома незаметно?

Деревня тянулась до середины холма, дальше тропинка вела по голой, без травинки, местности. Староста объяснил, что холм этот - глыба соли, прибитая некогда сюда морем, но, чтобы убедиться в этом, Бессаз ткнул трость в землю и почувствовал сразу, как она уперлась во что-то твердое.

Тропинка тянулась вверх кругами, так что Бессаз мог обозреть и противоположную сторону холма, и так добрался он наконец к вершине. Впрочем, приглядевшись, Бессаз понял, что место, где он остановился, мало напоминает вершину, ибо, едва он обогнул ту сторону холма, откуда обозревалась деревня, тропинка оборвалась - и он очутился на краю обрыва.

Яркий свет ослепил Бессаза, и какое-то время он ничего не видел - холм треснул, склон его обвалился к подножию, и свет обнажившейся соли резал глаза.

- Метрах в десяти, в соляной стене я и увидел этот труп, господа. Говорящая черепаха умолкла, сделала движение к столу, желая взять недопитую рюмку, но, увидев строгий взгляд

Тарази, не решилась, а только вытерла лоб, ибо после хмеля черепаха чувствовала себя подавленной.

И уже другим, упавшим голосом она продолжала рассказ, и тестудологи узнали, что труп, который увидел Бессаз, был совершенно белый, облепленный вместо савана толстым слоем соли. Видно, был он спрятан давно и обнажился, когда треснул холм, хотя самым удивительным было не это.

Над трупом, прикованным к скале цепями, по площадке бегал человек с длинным шестом. Он усердно размахивал им, и Бессаз долго не мог понять, кого он отгоняет, пока с верхушки холма вдруг не ринулся вниз орел и, нацелившись на труп, не вырвал на лету у несчастного кусок печени и полетел дальше, унося добычу.

Человек замахнулся было палкой, но орел ловко вывернулся, словно заранее изучил каждое движение сторожа.

- Проклятая воровка! - закричал человек, но, увидев Бессаза, принял важный вид, как человек, находящийся при исполнении служебных обязанностей.

- Вы чем это заняты, любезный? - строго спросил Бессаз и добавил: - Я судья и прошу объяснений!

- Знаю, что вы судья, - нисколько не смутившись, ответил человек.

Я же, как видите, приставлен старостой отгонять назойливого орла, дабы он полностью не унес по кускам всю печень до окончания расследования. Хотя, - философски заключил он, - несчастному все равно - с печенью он или без оной...

- Как мне к вам подняться? - спросил Бессаз, не желая звать его к себе вниз, чтобы не отрывать от такого важного дела.

- Отодвиньте чуть вправо глыбу, что стоит позади вас, и откроется тропинка ко мне...

Бессаз толкнул в сторону соляную глыбу и, пройдя через узкий проход, который открылся перед ним, оказался рядом со сторожем.

- Кроме вас и старосты, никто не знает, как ко мне подняться, первое, что сказал ему наверху сторож - человек лет тридцати, с хитроватым лицом, припудренным соляной мукой. - Эти мушрики [Мушрик - многобожник, идолопоклонник (араб.)] из деревни (выражение "мушрики" он произнес с удивительно знакомой интонацией старосты) давно поднялись бы ко мне, если бы знали тропинку. И унесли бы мертвеца, опустив веревки. Только отсюда и можно зацепить его.

- Зачем он им? - подозрительно глянул на него Бессаз.

- Как зачем? - воскликнул сторож, словно уличил Бессаза в наивности, что, естественно, не делало чести судье. - Видите, какими он цепями прикован к скале? Было уже несколько нападений на меня... Наш староста взывал к их совести, напоминая о каре божьей, но все тщетно! И только когда плуты почувствовали силу моей палки у себя на спине - отстали... А цепи им нужны, чтобы привязывать псов в хлевах, - пояснил сторож, все еще видя на лице Бессаза недоумение.

- Нет, наверное, есть другая причина, - сказал Бессаз, подходя к краю стены, чтобы лучше видеть прикованного. - Не хочет ли кто-нибудь из этих мушриков скрыть следы своего преступления? - предположил Бессаз, но сразу умолк, не желая делиться со сторожем своими предположениями, тем более что человек этот может быть заодно со злоумышленниками и, помогая ему для видимости, постарается все запутать.

По всем внешним признакам было видно, что несчастный закован давно и замурован в скале еще до того, как она обнажилась. Соль же сохранила труп от разложения, словно убийство произошло только вчера.

Приказав сторожу не отвлекать его разговорами, Бессаз продолжил свои расследования.

Хотя соляной панцирь на теле прикованного и мешал сделать сколько-нибудь верные выводы, но по общим контурам было заметно, что умерщвленный столь зверски - мужчина крепкого телосложения, высокого роста. Местами соль не запудрила черные волосы на голове и кончик бороды. Белые цепи вырисовывались на прижатых друг к другу ногах, на поясе, в распростертых руках и вокруг шеи, а затылок, приросший к скале, держал голову прямо, не позволяя ей наклониться набок.

В правой руке прикованного Бессаз заметил нечто узкое и длинное, но разобрать в деталях не смог, хотя и долго всматривался.

Осмотр неожиданно был прерван криками сторожа, который энергично звал Бессаза назад. Бессаз не успел сообразить, в чем дело, ибо крылья орла уже зашуршали над его головой, а еще через мгновение хищник оторвал кусок печени прикованного и унес на верхушку холма.

- Чей это орел? - Бессаз строго посмотрел на птицу, жалея, что не имеет при себе копья, метким ударом которого можно было сразить его.

- Ничейный, - пожал плечами сторож и тоже глянул на птицу, - та, не торопясь, со вкусом, поедала краденое.

- Но ведь должен же быть у него хозяин, - настаивал на своем Бессаз. Есть среди ваших односельчан охотники?

- Два или три человека. Но они охотятся с кречетами... Поверьте мне, мавлоно, тварь эта ничья... божья птица...

"Может быть, преступник убил несчастного ударом ножа? - подумал Бессаз. - И теперь, чтобы замести следы, посылает своего орла выклевывать печень?"

- Какой же вы, черт побери, сторож?! - закричал он в досаде. - Если еще хоть раз орел клюнет его в печень, я прикажу вас уволить! Поймите, мне надо как следует осмотреть печень прикованного для важных улик!

- Может, мы поднимем его наверх, чтобы сохранить ему печень? - робко молвил сторож.

- Дельная мысль... Но как? О" ведь наполовину ушел в скалу! Боюсь, у трупа отвалится нога, а то и вся нижняя часть, если тянуть его наверх... Он нужен мне целым, без единой царапины... Я подумал: когда пойдет ливень, вода смоет с него соль - и тогда, обнаженного, легче будет поднять...

- Один бог знает, когда пойдет дождь, - смиренно сказал сторож, махнув на всякий случай палкой и пригрозив орлу, сидящему на вершине и чистящему клюв после трапезы. - Дождь в наших краях - большая редкость... Бывает, что и за целый год не капнет... И тогда вся деревня умоляет старосту прочитать истиска... [Истиска - молитва о дожде (араб.)] Бедный имам сначала отнекивается, жалуясь на нездоровье... на жителей деревни, которые погрязли в грехах, словом, ищет тысячу оправданий, чтобы не исполнить молитву... но я-то понимаю все его хитрости и крайне невыгодное положение, в которое ставят его прихожане своей просьбой. Ведь истиска - не дело имама, скорее занятие колдуна, ученика дьявола... Но и отказать не может, ибо тут же потеряет в их глазах репутацию защитника... Вот и мечется он в такие долгие месяцы засухи между богом и дьяволом...

- А вы сами-то небось тоже мушрик? - прервал его душеизлияния Бессаз. - Вам бы только плести козни против бедного старика...

- Нет, я только наполовину мушрик, - сказал сторож просто и буднично. - Скорее даже больше склоняюсь к вере нашего старосты... Иначе он не поручат бы мне такое ответственное дело - быть сторожем подле прикованного...

- Я согласен ждать ливня хоть целый год, - заключил Бессаз и посмотрел вниз, на пески...

Кротость, желание помочь правосудию вызвали в Бессазе доверие к сторожу. И лишь много дней спустя, когда он стал слугой Бессаза (а это был тот самый Фаррух из постоянного двора, с

которым Тарази уже успел познакомиться), Бессаз понял, с какой бестией свела его судьба.

- Если вам трудно поймать орла, то хотя бы проследите, куда он улетает по ночам, - сказал Бессаз.

- Слушаюсь, - неуверенно ответил Фаррух.

От соляных паров с непривычки у Бессаза закружилась голова, и он подумал, что на сегодня хватит - пора спускаться обратно. Но что-то все же удерживало его, и он сел на край скалы, желая спросить о самом важном, но не решался.

Сидел и прислушивался к звону цепей, которые шевелил ветер, и звон этот навевал тоску. Вдруг захотелось бросить все и уехать прочь из этой деревни, где полно мошенников, вернуться домой, в тепло и уют, и снова отдаться лени, свободе, потакавая своим порокам и слабостям...

- Да, кстати, - Бессаз поднялся и прищурился от подозрения, - что тут делала сегодня утром Майра, дочь старосты?

Фаррух потупил взор, как пойманный на недозволенном, и хотел было уже соврать, но неожиданно для себя сказал правду:

- Приносила мне еду. Я здесь ночую. Тепло среди соляных камней, намного теплее, чем дома в постели. Я вырыл себе яму и сплю, и потею все время. Соль полезна для суставов... С тех пор как я обосновался здесь, я забыл, что такое боль...

- А Майра здесь при чем? - недоверчиво покрутил свой ус Бессаз.

- А кто же еще? - добродушно спросил Фаррух. - Мы ведь с ней помолвлены...

- Ах, вот оно что?! - Бессаз отвернулся, чтобы Фаррух не заметил его растерянности. - Она и вы?

- Да, мы помолвлены, - чужь строже повторил Фаррух.

Не сказав больше ни слова, Бессаз резко повернулся и пошел вниз.

Фаррух пристально смотрел ему вслед, облокотившись на свою палку.

"Идет назад", - услышал Бессаз голоса, когда возвращался по крышам. "Недолго же он пробыл наверху..."

Сейчас голоса эти раздражали Бессаза, и, не желая их слышать, он побежал и в таком несолидном виде - запарившись, с трудом дышащий - был встречен внизу хмурый старостой.

Он выразительно глянул Бессазу в глаза, как бы желая понять, не утаит ли он что-нибудь важное. Но Бессаз лишь сдержанно кивнул и молча направился к дому, и вот тогда староста решил выразить неудовольствие:

- Я против того, чтобы вы поднимались туда один, без сопровождающего...

- Что это значит? - Бессаз даже не удосужился взглянуть на него.

- Я несу ответственность за вашу безопасность!

- Ничего со мной не случится!

- Постойте, вы обмануты! Тот человек с палкой, который приставлен отгонять орла, он заодно с жителями деревни. Я уверен, что он обманул вас...

- Не думаю, чтобы человек, за которого вы собираетесь выдавать свою Дочь, был таким плутом, - язвительно ответил ему Бессаз.

Староста вдруг побледнел, и остановился, и, не в силах идти в ногу с Бессазом, закричал от досады:

- Он обманул вас! Я скорее брошусь с холма вниз головой, чем отдам свою дочь за мушрика...

Бессаз с трудом сдержал смех: таким забавным показался ему этот благообразный старик - и староста, и имам, и налоговый инспектор, и торговец солью в одном лице.

- Он сказал, что благодаря вашим проповедям уже склоняется... понимая свое заблуждение... Ради же вашей дочери, уверен, полностью примет истинную веру... Может, вы мне объясните,

что делала там Майра? - обернулся Бессаз, открывая дверь дома.

- Не знаю... это я выясню, - неожиданно ослабел голос старика. - Но знайте, единственный человек, который помог бы вам, - это я. - Было сказано это так искренне, что Бессазу ничего не оставалось делать, как с примирительной улыбкой прислушаться к звукам его шепелявого голоса, в котором смешались нотки ревности, отчаяния и подбострастия.

IV

В первые дни, не желая утомлять говорящую черепаху, Тарази разрет шал ей много отдыхать. Но странно, чем больше черепаха вновь и вновь переживала свое прошлое, тем безудержнее делалась болтливой. Будто желала поскорее высказать все, что терзало и мучило ее душу, - и освободиться.

- Чем вы займетесь, когда к вам снова вернется человеческий облик? спросил ее как-то Армон.

- У меня ведь осталось на родине небольшое состояние. Буду жить просто, не причиняя неудобств ни одному живому существу. Или уйду затворником в какую-нибудь дальнюю завию [Завия - монастырь (араб.)] в пустыне, - ответила черепаха таким бесстрастным тоном, будто давно обдумала свой вопрос.

- Продолжайте...

Услышав этот приказ Тарази, Абитай, вертевшийся возле черепахи, засуетился. С иголкой во рту, страшно сосредоточенный, он примерял ей костюм собственного покроя.

Желая, видимо, еще больше очеловечить черепаху и прикрыть срамную наготу ее тела, и в особенности волосатую, в складках, грудь и толстые лапы, Абитай занялся шитьем костюма, хотя до следующего срока лечения, когда тестудологи надеялись вернуть черепахе человеческое лицо, было еще далеко.

То, что Абитай шил, не было восточным плащом, скорее напоминало фрак. Обостренное национальное достоинство не позволяло ему надевать на такое страшилище одежду, которую носили его земляки. И он скроил нечто вроде фрака, как бы пародируя одежду чужеземца, кажется франгийца [Франгиец француз], которого он как-то встретил на базаре.

Готова была лишь жилетка, прикрывающая грудь черепахи, но оставляющая голыми ее руки. И черепаха пожелала быть сегодня в этом, хотя и не

законченном, костюме и сидела, ласково глядя на Абитая, который вертелся вокруг, ожидая похвалы за свое мастерство.

Он вышел из комнаты, пощелкивая в досаде ножницами, а черепаха поудобнее уселась в кресло - чувствовалось, что жилетка придает ей большую уверенность.

Она вытерла салфеткой то место, которое служило ей губами, и стала вспоминать дальше, и тестудологи узнали, что Бессаз, поднявшись на холм и поговорив с Фаррухом и старостой, сделался крайне подозрительным.

"Отчего староста так недоверчив к Фарруху, - думал Бессаз, - ведь он сам поставил его отгонять орла... И почему так назойливо повторяет всякий раз, что только он один искренне желает помочь мне? Фаррух утверждает, что Майра его невеста, в то время как староста отчаянно отрицает это.

Все с самого начала запуталось, все заврались, и никому из них верить нельзя..."

И еще хотел Бессаз поскорее напасть на след владельца орла, ибо был он по-прежнему убежден, что птица клюет печень не только из-за естественного желания поживиться, полакомиться куском, но и чтобы скрыть все улики убийства. И деревенские жители, которые якобы желают снять цепи с трупа... Может, хотят выкрасть его, чтобы помешать

расследованию?

Бессаз решил вести себя очень осторожно, не откровенничать ни с кем и держать все свои сомнения при себе. Он сожалел, что так много рассказал Фарруху того, чего тот вообще не должен знать, - например, о своем намерении терпеливо дожидаться ливня, не считаясь со временем.

"Моя задача спрашивать, но не отвечать на вопросы. Сболтну что-нибудь лишнее, а они тут же используют это против меня... Может, перебраться из дома старосты в другое место? Он мне неприятен и подозрителен. Отправлю Фарруха вниз к его возлюбленной Майре, а сам поселюсь на холме и буду следить за орлом и за всем, что делается вокруг. Тем более, как уверял Фаррух, тепло соли снимает боли в суставах. Вернусь домой с почетом удачливого судьи да еще поправив здоровье... Впрочем, для начала надо пойти по всем домам деревни и выведать, кто же держит орлов? И Майру так ловко допросить, чтобы староста ничего не узнал..."

Обо всем этом Бессаз думал до и во время ужина, сидя напротив молчаливого старосты и Майры. Ели, не поднимая головы, в гнетущей атмосфере. Но Майра первая не выдержала и спросила, обращаясь к Бессазу:

- Что-нибудь выяснили?

- О да! Многое, - загадочным тоном ответил Бессаз и глянул пронизательно в глаза старосты.

Но тот даже взгляда не отвел, сидел невозмутимый, продолжая шамкать беззубым ртом.

Бессаз же жевал медленно и ждал, что вот наконец староста встанет из-за стола и оставит их одних с Майрой.

Староста, похоже, и сам чувствовал нетерпение Бессаза, и, как только завыл ветер - неожиданный и частый здесь - и застучали ставни, Майра вскочила из-за стола, но отец опередил ее - остановил повелительным жестом и вышел сам.

- Разговор должен остаться между нами, - сразу же, как только староста закрыл за собой дверь, зашептал Бессаз, навалившись локтями на стол - к самому уху Майры, к ее маленькому ушку, от которого повеяло таким сладостным запахом духов, что у Бессаза закружилась голова.

- Если вы просите, - пожала она плечами.

- Что вы делали сегодня на холме? - хотел было спросить строго, но у размякшего, сладострастно улыбающегося Бессаза прозвучало игриво, с ревнивым укором.

Майра ничуть не изменилась в лице и ответила просто:

- Сегодня я не поднималась на холм...

Бессаз вдруг сам смутился, будто уличили его в подвохе. Ветер, хлопнув дверьми и окнами, так же быстро утих, уйдя смерчем в небо, и староста, который только теперь появился снаружи возле окна, не успел закрыть ставни. Он лишь чуть дольше, чем нужно человеку нелюбопытному, посмотрел в комнату, и Бессаз съезжился от его тревожного взгляда.

Этот взгляд почему-то рассердил Бессаза, и он еле сдержался, чтобы не накричать на Майру, уличая ее в обмане, но вовремя подумал: а отчего бы ему не играть в открытую, почему надо говорить шепотом, чего остерегаться, тем более здесь нет ни одного человека, который бы искренне помогал ему. Облеченный властью, он должен поступать решительно и беспощадно.

- Тогда идемте со мной к холму, чтобы люди могли подтвердить или же опровергнуть мои слова, - сказал он Майре твердо.

Она призадумалась, и Бессаз уже хотел схватить ее за руку, чтобы вести насильно, но Майра согласно кивнула и добавила:

- Вы ведь сами хотели, чтобы наш разговор остался тайной. Что мне сказать отцу, если он

спросит: куда мы направляемся?

- Говорите что хотите, мне все равно!

Они вышли из дома, и Бессаз еще раз удивился странностям здешней погоды. До ужина все вокруг было серым и тягостным - собрались над деревней соляные пары, идущие с холма, но вот неожиданно налетел ветер, покружился, забирая с собой пары, и стало тихо, легко дышать.

Ни возле дома, ни на площади не повстречался им староста. Быстро подойдя к первым домам, Майра и Бессаз стали подниматься наверх, и, едва очутившись на крыше, Майра спросила:

- Значит, вам, господин судья, интересно узнать?..

- Замолчите! - прервал ее Бессаз, подозревая в очередной уловке. - Я спрошу у них сам...

- Но все равно обращайтесь ко мне... Они не отвечают, когда их спрашивают прямо, без посредника. Они - люди простые, вырванные себе норы в толще соли, и делают вид, что не понимают нашего высокого слога...

- Ах, вот оно что! Не понимают слога... Я им сейчас такое скажу! Живут, видите ли, в толще соли... И должно быть, не знают, что такое боли в суставах, - Бессаз остановился, сказав эту глупость невпопад, хотел еще добавить грубости, но совладал с собой, не понимая, запутывает Майра его или же говорит правду. - Это ваш досточтимый папаша, наверное, приучил своих прихожан обращаться к приезжему чиновнику, подавать ему жалобы и прошения только через его руки. Чтобы можно было, скажем, жалобу на него самого порвать и выбросить, как пустой клочок бумаги... Прекрасно! Были ли вы сегодня на холме? - спросил Бессаз и прислушался.

И голос снизу, который заставил его вздрогнуть, ответил: "Скажите ему, мы не помним, что было... Порывом ветра унесло все, что мы знали..."

- Порывом ветра?!.. - Голос этот, поразивший Бессаза, показался ему таким знакомым, что он закричал, невольно сжав Майре локоть: - Это же ваш отец?! Вы слышали?

- Отец? - Майра спокойно отстранила руку Бессаза. - Что ему там делать, в соляной норе мушриков? Мой отец никогда не заходит в их дома, чтобы не осквернять подошвы своих сандалий. Собирает людей на площади...

- Это был его голос... - шепнул Бессаз, боясь, что староста его услышит.

- Отец сидит дома. Давайте вернемся и проверим...

- Вы правы, мне, наверное, показалось, - сказал Бессаз, подумав, что снова допускает оплошность: даже с Майрой он не должен делиться своими догадками. - Идемте дальше...

Они прошли еще несколько шагов, и Бессаз окончательно прозрел: понял, что плуты, пользуясь его неопытностью, запутали его окончательно.

- Но я должен с честью выйти из положения и совершить правосудие, твердо решил я. - Ведь я тогда был так наивен, господа! - воскликнула черепаха. - Носил на плечах человеческую голову, а не то, что смешно торчит сейчас из жилетки!

- Я хотел бы поговорить с теми, кто держит орлов, Майра, - сказал Бессаз, прислушиваясь и ожидая ответа снизу.

"Смешной человек. Скажите, что у нас нет орлов. Тот, что клюет прикованного, прилетает издалека... божий посланник".

- Божий посланник? - вырвалось невольно у Бессаза - те же самые слова он слышал от Фарруха.

Значит, все они сговорились, чтобы помешать ему расследовать дело об убийстве, вся деревня, как один человек.

В прескверном настроении Бессаз повернул обратно. Сказали внизу: "Пошли назад. Он будет проверять, дома ли ее отец".

Майра, оставшая от него на холме, догнала Бессаза на площади и кокетливо шепнула:

- Пошутила... Я была сегодня утром на холме.

- Ну вот, видите, - великодушно и устало развел руками Бессаз, но тут же сделался подозрительным. - Нет, я вам не верю. Ни одному вашему слову.

- Правда, была... - сказала Майра, уже настойчиво. - Ходила посмотреть: не труп ли это "того человека, который исчез месяц назад...

- Месяц назад? - переспросил Бессаз, ничего не соображая.

- Да, месяц назад, во время ливня, отошла скала - и все увидели труп. И в тот же день пропал конюх из этой деревни, и я подумала, не его ли закопали в холме. И часть холма от этого и обвалилась, - бесстрастно, как будто заранее заучила, рассказывала Майра.

- Чепуха! - рассмеялся Бессаз, и смех его был нервным, даже истеричным. - Не могли же они сначала заковать его цепями, а уж потом зарыть в холме... Пойдите, пойдите, - отчаянно замахал руками Бессаз, как бы боясь, что Майра помешает ходу его мыслей. - Они не могли его заковать и зарыть в холме. Так? Значит, они заковали его уже после того, как раскололся холм, - рассуждал Бессаз вслух, забыв о том, что рядом идет Майра, которой он не доверял.

- Нет, было не так, - возразила она. - Ливень смыл холм - и все увидели, что он уже прикован. Он был закован в холме еще до ливня.

- А орел? - в рассеянности спросил Бессаз.

- Говорят, что орел нашел к нему лазейку еще до того, как труп обнажился. Много лет все замечали этого орла, видели, как он кружит над холмом, но не понимали, почему он прилетает сюда ежедневно и летит потом на вершину, неся что-то в клюве...

- Вы меня пытаетесь запутать ложными показаниями, - прервал ее Бессаз, подходя к дому.

Майра в ответ сделала обиженный вид - старания ее не оценили да еще обвинили во лжи. Но вот лицо ее снова смягчилось, и она сказала с легким укором:

- Я ведь единственный человек, кто хочет искренне помочь вам...

- Это же самое говорит ваш отец. А еще раньше клялся тот тип, который приставлен отгонять орла... Помолвленный с вами, - язвительно добавил Бессаз, переступая порог дома и сразу же вспоминая тот сладостный запах, который шел от ее красивого ушка. - Ну, ну, хватит дуться, - пробормотал он, ласково потянув ее за мочку уха...

V

Утром следующего дня Бессаз проснулся рано и, лежа в постели, обдумывал, как быть дальше. Одно ясно: отныне он целый день должен быть на холме, а если удастся, то и ночевать там.

Ему осточертела угрюмость старосты, который, вместо того чтобы помогать, наоборот, все запутывает. Странное чувство, которое испытал Бессаз, услышав его голос во время прогулки с Майрой по крышам, до сих пор мучил его, а ночью он даже стонал от дурных сновидений.

"Это он, сидя в вырубленном доме, за соляными стенами, учил отвечать на мои вопросы, и орел - божий посланник - его выдумка".

Все это еще больше запутало дело, а тут еще рассказ Майры о конюхе, исчезнувшем в день обвала.

"Может, она была равнодушна к конюху и ходила, чтобы выяснить, не его ли приковали за какой-нибудь проступок?" - подумал Бессаз и решил, что, если пропавший без вести в день ливня и прикованный не одно и то же; лицо, ему придется заниматься сразу двумя делами, возможно взаимосвязанными.

Не долго ломая над этим голову, всю вину за путаницу Бессаз перело- , жил на старосту: после благополучного завершения следствия он напишет городским властям записку о его

подозрительном поведении.

Чтобы подчеркнуть свою независимость, Бессаз сказал старосте о своем желании жить теперь на холме и сразу же, после завтрака, вышел из дома.

Жители соляных домов, эти никогда не знающие боли, гниения, распада в чистой среде, вредной для всяких вшей, клопов, червей и прочей мелкой твари, опять начали следить за каждым шагом Бессаза. И Бессаз узнал от них нечто очень важное, а именно: что староста уже успел сегодня, опередив его, побывать наверху. Видно, старик решил не подвергать Майру риску, а пойти самому - он ведь всегда сумеет выкрутиться, если Бессаз узнает о его тайном посещении Фарруха.

Подумав об этом, Бессаз тут даже переменял тактику: решил следить только за старостой, не отвлекаясь на другие мелочи. Кто знает, может, он и есть тот убийца за благородной маской, злой волей которого исчезают бесследно одни, другие умерщвляются, закованные в цепи.

На словах рассуждает о терпимости к мушрикам, а на деле жестоко расправляется с ними за малейшее непослушание? И не есть ли это одна из тех деревень, где человек, которому доверили и судить и рядить, устанавливает удобные для себя законы, по которым и казнят, и милует.

"А в том, что сам староста вызвал меня и поставил на холме охранника, в этом тоже есть уловка и желание получить личную выгоду", - заключил Бессаз.

Тревожный, мучающийся в догадках, поднялся Бессаз на холм и подошел к краю обрыва, чтобы посмотреть на прикованного. Несчастный висел в той же позе, что и вчера, и только дыра, куда всякий раз просовывал свой клюв прилетающий орел, кажется, стала еще больше...

Обозлившись, Бессаз направился к Фарруху - тот нервно суетился, бегая взад-вперед с палкой, и Бессаз заметил, что нога его привязана длинной веревкой, конец которой тянется с верхушки холма.

Когда Фаррух побежал на край обрыва, веревка туго натянулась, чтобы удержать его от падения и обрыва, - ведь под ногами было очень скользко от соли.

- Зачем вы себя привязали? Что за маскарад?

- Не сердитесь, прошу... - Фаррух подбежал к Бессазу и бросился к его ногам, пытаясь обхватить их в знак покорности.

Бессаз ловко отпрыгнул назад, но Фаррух все бормотал:

- Чтобы не упасть вниз... Чтобы дьявол не толкнул...

- Почему вы вчера не были привязаны?

- Вчера так совпало: вы пришли - и веревка лопнула. Я спрятал ее, чтобы не отвлекаться от дела.

Бессаз не знал, что ответить на это, ибо объяснения Фарруха казались убедительными, хотя конечно же что-то все-таки было подозрительным во всей этой истории...

И вдруг над холмом опять закружил орел, и, едва хищник, сложив крылья, ринулся к добыче, Фаррух с криком бросился на край обрыва, замахнулся палкой, но не попал и на сей раз.

Понаблюдав за их поединком, Бессаз догадался, что веревка на ноге Фарруха как раз таки и мешает ему сразить хищника. Фаррух побежал было, дико крича, веревка, раскручиваясь, поползла за ним, но у самого края, когда Фарух замахнулся, чтобы ударить орла, веревка натянулась до отказа и удержала его в двух шагах от обрыва - будто кто-то невидимый вдруг оттянул его назад, чтобы не смог бы достать птицу.

Фаррух виновато опустил голову и вернулся назад. А Бессаз, не в силах

сдержать себя, схватил веревку да с такой силой потянул ее к себе, что бедный страж упал и поцарапал подбородок до крови.

- Вот, оказывается, что мешает вам исправно служить! - закричал Бессаз и потряс веревкой у его носа. - Кто привязал вас? И зачем?

- Бог свидетель - я сам, - Фаррух продолжал ползать у его ног.

- Вы только притворялись, что хотели поймать орла! Немедленно снимите с себя веревку и прочь... долой с моих глаз! Не нужна ваша помощь! решительно заявил Бессаз и отвернулся. Он стоял и ждал, обозревая местность и покручивая ус.

Перепуганный Фаррух бегал вокруг него, поминутно кланяясь, бормотал что-то о наказании старосты и, чтобы умиротворить Бессаза, подпрыгнул и погладил его щеку, но Бессаз был непреклонен. И даже ударил его по руке, после чего Фаррух вдруг размяк, побледнел и молча побрел вниз, но не в сторону деревни, а по тропинке, которая вела все дальше и дальше - по пескам, в пустыню...

Там, куда он направил свои стопы, еще никогда не ступала нога человека - одно лишь название самой местности - "Барса-кельмес" ["Барса-кельмес" буквально: пойдешь и не вернешься (тюрк.)] - пугало, и Бессаз подумал, что, боясь старосты (а может, чтобы показать свою приверженность новой вере), Фаррух решил принять обет мученика, стать вечным странником...

Что ж, вольному воля, никто не сможет упрекнуть Бессаза за излишнее пристрастие к жениху Майры, - ведь он применил к нему одно из самых легких видов тазира [Тафир - исправительное наказание (араб.)].

Затем Бессаз стал осматривать место, где ночевал Фаррух, и увидел в скале просторную пещеру. Соль под ногами, вспотевшая от утренней росы, была все еще скользкой. Если Фаррух привязал себя веревкой, чтобы не покатиться к краю пропасти, тогда почему же она мешала ему сразить орла? "Все дело в старосте, - решил Бессаз, - Фаррух его мюрид, уже склоняющийся к принятию истинной веры, и, естественно, все делал так, как повелевал имам".

Но зачем старосте нужно, чтобы орел выклевал кусок за куском всю печень прикованного? Может, придумал он это в назидание ослушникам, чтобы те воочию увидели, какая кара их ожидает? Ведь Бессазу хорошо известно, что по судебной этике преступника часто наказывают не столько ради того, чтобы причинить ему страдания, а скорее - чтобы предостеречь, напугать ту сотню, тысячу из общества, кто помышляет или могли бы когда-нибудь помышлять зло.

Бессаз стал на краю обрыва и, привязав веревку к левой ноге, взял палку, решительно настроенный сразить орла при первом же его появлении.

Ждать пришлось недолго. Вскоре орел вновь устремился с вершины холма, и по взмаху его крыльев Бессаз определил на глаз скорость его полета. В ярости бросился и настиг его в тот миг, когда орел вытянул клюв, чтобы вонзить в тело прикованного.

Один ловкий удар, и орел, даже без хрипа, будто давно желал смерти, сложил крылья и упал вниз.

Стоя на краю обрыва, Бессаз наблюдал за тем, как труп птицы ударился о глыбу соли - перья надломились и разлетелись в разные стороны, и, непонятно отчего, то ли от невидимого воздушного сквозняка, то ли от каких-то малых энергий, высвободившихся из тела сраженного орла, прикованный затрепетал, позванивая цепями, и звон этот услышал даже Фаррух, ушедший уже далеко в глубь пустыни, - т- слуга вздрогнул и обернулся, но ничего не увидел, и почудилось ему, что это одно из видений, которые часто посещают странников в песках...

Довольный собой, Бессаз сел на край обрыва, чтобы еще раз внимательно рассмотреть прикованного, который продолжал позванивать цепями. И странно было слышать этот звон на его дрожащих ногах, словно теплая кровь от них расходилась по всему телу...

"Загадочно все это, - думал Бессаз, и страх, неожиданно охвативший его, заставил быстро подняться с места. - Похоже, я никогда ничего не разгадаю, а если и разгадаю, что мне от этого?"

Могут убить из-за угла ударом в спину, отравить - все настроены против меня... И если старосте нужно, чтобы я повел дело так, как он желает, что ж, я готов... Ведь в конце концов и он представляет власть. А ссориться и враждовать с людьми власти из-за какого-то соляного трупа - нехорошо... Тем более, на нас смотрит вся деревня - и посмеивается... Надо скорее кончать все - и уезжать..."

Вот так, еще вчера Бессаз был решительно настроен против старосты и желал знать тайну прикованного, чтобы наказать виноватых, сейчас же, на холме, сразив орла, он вдруг перестал верить в успех, запутался от загадок, которых с каждым часом все больше, и кажутся они теперь вовсе неразрешимыми.

Бессаз увидел, что тело прикованного и часть его спины и затылка ушли в соляную толщу скалы, - значит, труп действительно зарыт задолго до обвала, когда холм был рыхлым, а соль сыпучей, - давнее, очень давнее преступление... И ясно, что прикованный не имеет никакого отношения к конюху, который пропал в день обвала...

"Конюх... - прошептал Бессаз, чувствуя, как ревность сжимает его горло. - Неужели она... такая воздушная, утонченная... вся ароматическая... с красивыми ушами... И лошадь... навоз... бричка... топот копыт. И брань, поток брани из грязной пасти конюха... Нет!"

Он успокоился, не поверив в их связь, но удручало другое: теперь предстояло разрешить сразу два дела - о прикованном и пропавшем конюхе. Только надо угадать, какое из этих дел хочет закрыть староста, а в каком помочь ему.

Но не стоит осложнять, решил Бессаз, надо забыть пока о пропавшем (а если раскроется его, конюха, связь с Майрой, то и вообще поставить на его деле крест, тем более что никто о нем письменно не обращался, прося заняться пропавшим, - ни его родственники, ни староста) и все время уделить прикованному... хотя и не мог Бессаз отделаться от ощущения, что оба этих дела как-то связаны между собой.

Сомнения Бессаза были прерваны появлением старосты. Он неожиданно вырос из-за валуна на тропинке шагах в пятидесяти от того места, где Бессаз сразил орла.

"Вот и он... Самое время действовать решительно и беспощадно", подумал лихорадочно Бессаз - у него уже заранее был приготовлен рад вопросов, которыми он хотел прижать старосту к стене. Главными аргументами был убитый орел и Фаррух, делавший все, чтобы уклониться от своих обязанностей.

Ведь не мог же староста не знать о веревке и о том, что Фаррух лишь притворялся и вовсе не думал прогонять орла.

Староста, уличенный во лжи, сразу перестанет быть спесивым и надменным и постарается как-то искупить вину. А Бессаз постарается унижить его и пошлет назад, чтобы староста принес ему убитого орла.

Дорогу вниз староста, вне сомнения, знает хорошо, тогда как Бессазу все пути туда казались непроходимыми из-за камней и соляных глыб.

Итак, желая применить власть, - а сила власти, как учили Бессаза в мазхабе, лучше всего чувствуется, когда даешь понять противнику, что знаешь о его бесчестии, - Бессаз встал, чтобы обратиться к старосте, ибо был уверен, что тот уже поднялся к нему наверх.

Но каково же было его удивление, когда Бессаз не увидел нигде фигуры старосты - ни на площадке, где он стоял, ни на тропинке, ведущей наверх. Бессаз подождал еще немного, думая, что вот сейчас он появится из-за валуна...

Но прошло столько времени, что староста мог уже подняться к нему, переговорить и, опозоренный, снова спуститься в деревню.

Бессаз в нетерпении ходил по площадке взад-вперед, путаясь в веревке, которой сам себя привязал. И решил тут же спуститься вниз, чтобы арестовать старосту. Запертого в собственном

доме, держать его до окончания расследования. Словом, избавиться от единственного из оставшихся людей, которые всячески мешали ему, - ведь Фаррух был изгнан в пустыню, а Майра, похоже, не проявляла никакого интереса к его делам, кроме одного только раза, когда желала узнать, не конюх ли это прикован.

А жители деревни и вовсе пассивны - никто из них не старался попадаться на глаза Бессазу, знал он только, что на верхний ярус холма они не взбираются, уходят утром на пастбища, с простивоположной стороны, и тайно поклоняются своим глиняным ансамам в пещере, танцуя в исступлении вокруг костров и бросая в огонь жертвенных овец...

Если староста докажет свою невиновность, рассудил Бессаз, он тут же его освободит, но чтобы старик не жаловался на произвол, можно припугнуть его, обвиняя в халатности, нежелании помогать правосудию.

И пока Бессаз в раздумье отвязывал на ноге веревку, вдруг пронзила его невероятная мысль: а что, если Фаррух, привязавшись к скале, отождествлял себя с прикованным, как бы ставя себя на его место, чтобы разделить с ним страдания?

Ведь есть же такие, в чем-то ущемленные люди, которые при виде чужого горя сами кажутся несчастными, чтобы почувствовать с истерзанным связь и даже насладиться своим мученичеством. Недаром же, ползая у ног Бессаза и умоляя не прогнать его в пустыню, Фаррух вдруг пожаловался на свою немощь, чтобы вызвать сочувствие, и пробормотал:

- Не надо, я умру там от жажды... У меня печень больна... смертельно...

Не был ли прикованный собутыльником, закадычным другом Фарруха, может, даже его ближайшим родственником? Не дай бог, все это осложнило бы дело, запутало, и Бессаз попытался тут же отбросить прочь эти догадки, ибо в противном случае надо заново допросить Фарруха, который уже наверняка шагал по пескам "Барса-кельмеса", зная, что назад пути нет...

Впрочем, догадки эти, казавшиеся поначалу нелепыми, потом подтвердились, правда с совершенно неожиданной стороны. Прикованный и Фаррух, привязавший себя веревкой, и вправду оказались родственными душами, но не пострадавшими, а виновными.

Но не станем забегать вперед, читатель, теряя нить повествования, доверимся рассказу черепахи - ведь она знает больше и лучше нас...

...Не помнит уже Бессаз, о чем говорили ему вдогонку мушрики, по крышам которых он прыгал, - спешил, чтобы посадить старосту под домашний арест. Единственное, что его заинтересовало в их разговорах, - то, что староста, идущий к нему наверх, неожиданно свернул куда-то в сторону, но Бессаз и сам об этом догадался.

Но едва он прошел по крыше последнего дома и спустился на площадь, как староста сам предстал перед ним, выйдя из дома и неся труп орла за хвост.

Не сбавляя хода, Бессаз сделал ему навстречу еще несколько решительных шагов, желая объявить об аресте, но добродушно улыбающийся, чуть усталый староста умерил его пыл, и вместо повелительного жеста и грозных слов Бессаз невольно пробормотал приветствие, поглядывая на орла, который, уже засыхая, ронял одно за другим перья...

- Я так беспокоился за вас... Слава аллаху, что вы так быстро прошли по этой джанабе [Джанаба - буквально: большая клоака (араб.)]... и никто вас не оскорбил, не ограбил, - сказал старик, приветливо кивая, и, помолчав, добавил: - Вам, наверное, показалось странным, отчего это я, направляясь издали к вам, неожиданно исчез? Вы - человек добрый и милосердный, наверное, подумали, что подо мной провалилась какая-нибудь крыша и я упал к ним в пучины, задыхаясь в джанабе от смрада и нечистот... Я даже был уверен, что вы броситесь спасать меня, старика... Но, к счастью... Просто еще издали я увидел, как вы ловко сразили орла, и, поднимаясь к вам, чтобы выразить восхищение, подумал: а не лучше ли мне спуститься обратно и найти труп орла? Я очень боялся, что мушрики, радуясь, унесут его раньше меня, чтобы

выдернуть перья из хвоста и, украсив свои маски, плясать вокруг огня в исступлении... Вы бы лишились важной улики... Но подняться к вам вторично, уже с орлом, я не решился, ибо в моем возрасте проделать такой путь наверх... простите, нелегко.

Старик был сегодня на редкость словоохотлив, и Бессаз решил, что ему, наверное, приятно оказать гостю такую услугу. Видно, решил схитрить и отвести подозрения, да еще активно помогать Бессазу, ибо и дальше уклоняться от дела было бы прямым вызовом городскому чиновнику, которого староста сам пригласил в деревню для расследования.

Бессаз вдруг засмутился от мысли, что староста может догадаться о том, что еще минуту назад он твердо намеревался арестовать его, и, чтобы отвлечься и не показать своей растерянности, Бессаз взял орла и стал осматривать его со всех сторон. Это был крупный хищник, темно-бурый, с черным клювом и когтями; перья его, покрытые соляной пудрой, поблескивали на солнце.

Староста, чуть приоткрыв рот, с удивлением следил за тем, как Бессаз вертел орла в руке, пытаясь найти след от удара.

"Уж не подвох ли какой? - снова сделался подозрительным Бессаз. Может, это другой орел, подставной?" Но когда с трудом разжал птице клюв и увидел на ее языке комочки, непроглоченной ворованной пищи, успокоился: видно, палка его просто оглушила орла, не оставив на теле кровавых следов.

Староста вдруг тоже заговорил об этом, желая поделиться своими сомнениями:

- Вы, должно быть, думаете, почему на теле орла нет следов от вашего удара? Мне это тоже кажется странным. И я думаю, что это все-таки не тот орел, которого вы сбили. Да! Да! За несколько дней до вашего приезда мне тоже удалось наконец сразить орла, подумал: слава богу, избавились. Но потом вижу, что уже другой стервятник кружится над холмом. Затем Фаррух убил еще одного, я другого, пока наконец мы не поняли, что их великое множество... как стая ворон... И все будут стоять и ждать своей очереди, ибо ед- , ва погибнет один, как его место тут же занимает другой орел... ни повадкой, ни окраской - ничем не отличающийся от предыдущих... Этот, видимо, отдал душу дьяволу, задохнувшись от ядовитых паров...

- А где же, простите... которого убил я? - Старик заметил, как побледнел Бессаз.

- Его, наверное, сразу же, подхватив на лету, унесли другие орлы... Они такие номера проделывают в воздухе, так ловки, что заглядишься с открытым ртом...

- А жители деревни? Не могли ли?..

- Нет, я следил.

Бессаз молча вернул птицу старику. И как ни сдерживал себя, чтобы не выдать растерянности и волнения, старик все же заметил, как дрожат его руки.

- Прошу вас в мой скромный дар аль-исхан [Дар аль-исхан - буквально: островок, приют добродетели, друга (араб)], - широким жестом староста пригласил его в дом. - Вам надо отдохнуть... И забыть все эти неприятности. Все уладится...

И старик повел его в дом и, на секунду прислонившись к двери, вздохнул, как бы сочувствуя Бессазу, оказавшемуся в таком скверном положении. Загадки, одна запутаннее другой, а теперь еще эти орлы, стоящие на страже и сменяющие друг друга...

Садясь за стол, Бессаз почувствовал такую усталость, что еле поднял руку, чтобы сделать жест старику, приглашая и его садиться напротив.

Староста сел и уставился на Бессаза - весь внимание, - и Бессаз, уже почти ничего не сообщая, вдруг признался:

- А ведь я шел сюда с намерением арестовать вас...

- Боже милостивый!

- Нет, нет, не пугайтесь, прошу вас... Это было необдуманно и глупо...

Скорее бы закончить это дело. Прошу вас, помогите мне, чтобы я мог уехать со спокойной совестью...

Староста молча разглаживал пояс на своем плаще.

- Уверяю вас, я с первой же минуты старался помочь, но вы подозревали меня...

- Сейчас не время вспоминать старое, - остановил его Бессаз, - Я доверяю вам. Более того, впредь буду делать все по вашему совету, человека опытного и мудрого...

Тарази сделал знак, чтобы черепаха замолчала, и повернулся к двери, где уже давно слышалось покашливание. Черепаха умолкла и, удивленная, тоже повернула морду.

- Абитаю не терпится показать вам одежду, - сказал Тарази, вставая. А мы пока тоже немного развеемся...

VI

- Итак, все на местах - и я могу продолжить свой печальный рассказ, сказала черепаха и театрально развела руками, как бы прося снисхождения за свою несколько затянувшуюся историю.

С каждым днем заметно оживлялась получерепаха-получеловек, и на морде ее все реже появлялись страдальческие гримасы... освобождаясь от того, что было тяжелого на ее сердце, и успокаиваясь, она заметно расплнела заботами Абитаю, правда, настолько, насколько применительно это слово к форме черепахи.

- В тот самый вечер, когда я обещал старосте во всем следовать его советам, в хорошем расположении духа я вышел погулять с Майрой по площади, недалеко от дома.

Староста, всегда хмурившийся и ворчавший, если заставлял меня с дочерью, на сей раз как бы поощрял наше желание прогуляться - улыбался нам из окна и махал приветственно руками, резонно думая, что приятный вечер, проведенный с Майрой, еще больше скрепит наш со стариком союз...

Наши тестудологи уже знали по прежним рассказам Бессаза, что площадь эта, маленькая и темная, вымощенная булыжником, - место собраний и молений - намазгох, конечно же не очень вдохновляла Бессаза, желавшего поухаживать, покочетничать с Майрой, но ему не хотелось подниматься по тропинке и слышать голоса селян, которые уже порядком осточертели ему, ибо всегда готовы были соврать, оклеветать, - чем еще им заниматься в своих соляных мешках долгими вечерами при свете коптящего бараньего жира?

Бессаз хотел отдохнуть, желал забыться, не думать ни о прикованном, ни об орле, который наверняка уже заступил на место сраженного, чтобы с новыми силами продолжать атаки на печень несчастного. И как только Майра попыталась заговорить о пропавшем конюхе, Бессаз тут же остановил ее, взяв за холодную руку.

- Не надо, - взмолился он, - я хочу посвятить вечер только вам и не желаю слышать ни о прикованных и пропавших, ни о привязанных и сраженных...

- Что ж, - воскликнула она смеясь, - я рада. Просто я боялась ваших подозрений...

- Да какие подозрения?! - Бессаз сделал удивленно-наивный вид, но помрачнел, вспомнив о конюхе. Хотел спросить: "Вы и... простите, конюх..." - но не стал, подавил ревность. - Просто в первые дни рвение повело меня в другую сторону - и я запутался в несущественных деталях, хотя более опытный судья конечно же не стал бы ходить вокруг да около, а решительно, без всякого сомнения стал бы на верный путь, вместо того чтобы искать владельцев орлов и прочее, - довольно путано сказал Бессаз. - А какие тут могут быть владельцы орлов? Это целая воровская шайка птиц... И сейчас я уже тоже повернул на верную тропу... благодаря помощи вашего отца...

- Отца?! - вдруг встрепелулась и остановилась Майра. Но затем, испугавшись, что старик может увидеть ее из окна, вымученно засмеялась и пошла дальше.

Такое поведение ее конечно же не ускользнуло от взгляда Бессаза, но он решил ничего не замечать и ничему не придавать значения, что мешало бы его благодушному настроению.

- Да, вашего отца, - с легкой беззаботностью сказал Бессаз. - И я сожалею, что с первого дня не воспользовался советами столь многомудрого человека. Ведь мы оба стражи порядка, выполняем одно и то же дело. А вы, очаровательное существо, должны поддерживать в нас уверенность... и хорошее настроение, - вставил Бессаз, давая понять, что не желает больше пользоваться ее услугами и советами.

Этим он деликатно отстранял Майру от любой попытки хоть как-то повлиять на расследование. И если еще учесть и другой, не менее решительный шаг Бессаза - изгнание Фарруха, который также все запутывал, да и то, что перестал искать среди селян владельцев орлов, ломать голову над численностью хищников и начисто вычеркнул из дела пропавшего в ливень конюха, - будущая работа его намного облегчалась.

Домой они вернулись поздно, и Бессаз был удивлен тем, что старик еще не ложился спать. Он встретил их, держа свечу у дверей, и, заглядывая Бессазу в лицо, улыбался, желая, чтобы тот на сон грядущий запомнил его приветливым и услужливым.

Старик замечал, в каком прескверном настроении ложился Бессаз в постель после каждой прогулки с Майрой, ворочался, недовольный, вскакивал, чтобы с силой захлопнуть окно.

Да и у самого старика ночи были беспокойными. Позавчера, например, Бессазу послышалось сквозь сон, как он кричит на свою дочь и угрожает ей...

Сейчас же старик был без меры радушным, и Бессаз подумал: как мало нужно, чтобы расположить человека к себе, сделать другом, надо просто дать понять, что ты нуждаешься в его поддержке, и человек, существо сострадательное, сразу же откликается на зов.

"Как хорошо, что я не арестовал его, не написал жалобу своему начальству, - думал Бессаз, лежа в постели. - Это совсем испортило бы дело, и гнусный, тяжелый осадок остался бы на душе... Слава богу, я, кажется, не сказал о нем дурного ни Майре, ни Фарруху. Нет, нет, я не обидел старика ни словом, ни жестом..."

Бессаз живо представил его тяжелую жизнь среди упрямых, диких муш-риков - без бога в душе и без царя в голове, - которые так и норовят обвести его вокруг пальца. К тому же старик страшно одинок, и его не может не терзать мысль о незамужней пока дочери, которой уже двадцать пять, а здесь, куда ни кинь взор, не найдешь достойного человека - одни конюхи, пастухи, солекопы, люд мелкий и темный, а она ведь как-то призналась, что благородных кровей, в роду ее был и министр при дворе эмира, правда умерший от запоя... но все же, шутка ли, министр... везир...

И Бессазу стало жаль бедного старика, вынужденного жить в скромном, маленьком домике из двух комнат, на жалованье обыкновенного городского писаря, хотя и выполнял он работу за пятерых должностных лиц.

Имам без помещения для молитвы, без мечети, фундамент которой, по его словам, был заложен на площади лет десять назад, но с тех пор заброшен, ибо город обещает, но в конце года опять не дает денег на строительство, и легче, как говорится, слепому стать снова зрячим милостью божьей, чем выпросить хотя бы копейку у его прихожан на благотворительность, - мушрики уже весь камень фундамента растаскали в свои соляные убежища.

Мучаясь от жажды, Бессаз поднялся с постели и тихо, ощупью направился на кухню, где спал теперь старик. Гостеприимный, он поселил Бессаза в своей комнате, а сам устроился кое-как в неудобстве на крохотной кухне, заваленной старой, ненужной мебелью.

Бессаз тихо нажал на дверь, уверенный, что старик давно уже спит, и остановился,

сконфуженный.

При зажженной свече старик, сидя на постели в белом ночном халате и чепчике, необычайно худой и нелепый, натирал какой-то терпкой мазью средний палец руки. Близоруко моргая, он уставился на дверь, думая, что зашла дочь, подождал, но, разглядев наконец Бессаза, застонал и тут же растянулся на постели, поспешно укрывшись одеялом, но оставил открытой лишь руку, которую мазал, - выставил ее на подушке рядом с головой - напоказ Бессазу.

Бессаз глянул на его руку и заметил, что палец, который тщательно опускался в склянку с мазью, теперь так согнут, что похож на обрубок.

- Мне показалось, что вы зовете... - пробормотал Бессаз. - Простите... - И направился поспешно к двери, еще раз бросив взгляд на его скрюченный палец, будто сведенный параличом.

Старик ничего не ответил от растерянности, а Бессаз, так и не выпив воды, пошел к себе.

Полчаса назад Бессаз лежал и размышлял о том, что же переменяло его отношение к старику, - ведь еще сегодня он намеревался держать его как арестанта взаперти. Откуда этот тончайший психологический сдвиг - из страха ли, из простого желания найти себе союзника в столь запутанном деле?

Но ведь вовсе не обязательно клясться в любви и верности своему союзнику, можно просто делать с ним общее дело, но соблюдая при этом как лицо, занимающее более высокое служебное положение, определенную дистанцию. Хотя все, видимо, не так просто: началось с чувства жалости, когда старик принес ему убитого орла, и еще этот палец на руке, который показался Бессазу наполовину отрубленным.

И все же непонятно: не вид же этого пальца мог так повлиять на Бессаза, палец, который, как теперь случайно выяснилось, был нормальным, не сведенным ни судорогой, ни параличом. Просто старик так ловко сонгул его, чтобы Бессазу показалось, будто это обрубок. И сделал это нарочно, чтобы тронуть Бессаза жалостью, зная о его чувствительной натуре.

Ну, а почему сейчас, когда подвох раскрылся, старик снова повторил свой жест и даже выставил руку напоказ?

Неужели он надеялся, что Бессаз при свете слабой свечи ничего не разглядел, не заметил обмана? А может, держать палец скрюченным, чтобы походил он на обрубок, - одна из его дурных привычек? Или все-таки он страдает судорогами, да еще такими болезненными, что приходится каждую ночь перед сном натирать пальцы мазью?

Если это болезнь, то старика конечно же жаль, и, может быть, само сознание молодости, силы и примирило Бессаза с немощным имамом.

Утром они решили вместе подняться на холм и поработать весь день не покладая рук. За завтраком Бессаз смотрел, как старик ест левой рукой - И с непривычки почти всю еду мимо рта - на скатерть, и все из-за того, что не хотелось ему смущать гостя видом пальца, сведенного судорогой.

"Старик конечно же желает направить расследование в выгодную для себя сторону, - думал Бессаз. - А впрочем, для прикованного уже все равно, как поведу я расследование - против него или за... Доброе имя мертвому, его реабилитация - фетиш, пустой звук. А вот для живого человека, например для того же старосты, - доброе имя может помочь получить надбавку к жалованью или выдать дочь за достойного человека... И кто меня осудит, если я пойду на поводу у старика ради того, чтобы сделать ему доброе имя... Есть много вариантов применения фуру аль-фикха [Фуру ал ь-фикх - способы толкования и применения закона (араб.)] - этой святой святых юридической практики.

И ни под одну из них не подкопаешься. Все будут верными. К тому же староста - лицо официальное, возьмет и сам напишет на меня жалобу. Не надо портить с ним отношений. Кто

знает, он тут ковыряется, копается в глуши... И такие земляные черви чаще всего и имеют сильных покровителей... может, самого Денгиз-хана? И хотя я по должности выше старосты, Денгиз-хан примет неудовольствие старика ближе к сердцу, чем мой рапорт... Не знаю, насколько верой и правдой служил эмиру все эти тридцать лет староста, но одно то, что он состарился на своей службе, дает ему право быть обласканным Денгиз-ханом. Мне же эмир может крикнуть: "Вы еще доживите до его лет, посмотрим..." - если, конечно, пожелает повернуть голову в сторону моего ничтожества... А селянам, как и прикованному, должно быть, безразлично, чем кончится расследование..."

"Идут..." - услышал Бессаз, едва вместе со старостой ступили они на крышу и пошли, перешагивая через острые глыбы соли, разбросанные на ее поверхности.

"Помирились..."

Это последнее замечание о примирении почему-то особенно рассердило Бессаза, и он повернулся к старосте:

- Какие они развязные! Смеют обсуждать даже то, что для скромных селян обсуждать не пристало...

- Что поделаешь?! - развел руками староста. - Мне порой бывает жутко среди них...

- Их надо наказывать! - решительно заявил Бессаз. - Я бы не остановился даже перед анвой! [Анва - завоевание насильственным путем, вооруженной борьбой (араб.)] Призвал бы сюда из города отряд стрелков, они бы живо забыли о своих идолах!

Но староста промолчал, видимо не согласный с такой крайней мерой.

- А ирония, с которой все это говорится! - не успокаивался Бессаз. Как будто они чем-то превосходят нас, людей образованных, занимающих положение в обществе...

Внизу, в соляных мешках под крышами, его слушали, но молчали, видимо не решаясь пререкаться. А староста, пройдя в молчании добрую сотню шагов, побледнел и тяжело задышал, и Бессаз поддерживал его за локоть до самой площадки, где висел прикованный.

Старик благодарно кивал ему и был трогателен в своем усердии не жаловаться на трудность подъема.

Но, глянув на скалу, Бессаз поразился от неожиданности: труп каким-то чудом держался сам, все цепи, до единой, были сняты с него и унесены куда-то. Наполовину вогнанный в соляную стену затылком, несчастный даже не изменил позы - обращенные к небу распростерты руки, будто высеченные из белого мрамора, тоже висели над головой без цепей.

- Ах, бандиты! Мунафики! [Мунафик - лицемер (араб.)] - закричал Бессаз, но староста, кажется, не удивился, увидев этот грабеж.

- Да, это селяне, - только кивнул он в знак согласия. И стал утешать Бессаза, взяв его под руки и отводя подальше от края обрыва. - Они как дети... - В голосе старика, кажется, даже послышалась теплая нотка. - Им все надо пощупать руками, попробовать на зуб. Уверен, что сейчас они, собравшись вместе, ломают голову над тем, как это замюгутые кольца цепей, без насечки, вдеты друг в друга по всей длине... Поверьте, в том, что они сделали, нет злого умысла. Они посмотрят все, проверят, но, так и не поняв секрета вдетых в звенья колец, повесят цепи обратно... Непременно повесят, - повторил он так, будто был уверен, что селяне прислушиваются к каждому его слову, а не скажи он этого, не заступись за своих прихожан, - значит, жди от них еще какого-нибудь подвоха.

- Хорошо еще, что несчастного зажала соль, - примирительно сказал Бессаз. - А если бы он упал?.. Поди тогда и попробуй собери его кости... Об этом они хотя бы догадывались?

- Конечно, догадывались, - мягко улыбнулся староста. - Некоторые вещи они понимают лучше нас, эти дети природы...

- Что вы имеете в виду? - нахмурился Бессаз, заложив руки за спину в решительной позе.

- Многое, - загадочно ответил старик. - Они понимают, что поступили нехорошо и что надо обязательно вернуть прикованному его цепи, - говорил староста внимательно слушающим его мушрикам.

- Да бог с ними, с цепями! - вдруг засуетился Бессаз и забежал по площадке, не зная, что делать, ибо злило его все время то, что староста заступает за своих односельчан, - Надо что-то придумать... Во время ливня или при сильном ветре несчастный сорвется вниз. Медлить нельзя! - И посмотрел на старосту, ожидая его ответа, - ведь теперь он решил действовать только с согласия старика и во всем следовать его воле.

Мудрый старик будет направлять Бессаза так ненавязчиво и незаметно, будто Бессаз вполне самостоятелен и независим в своих поступках. У обоих будет совесть чиста, когда соблюдут они правила игры. Хотя, если призадуматься на досуге, может сделаться Бессазу гадко, мерзко, ибо молодая душа его впервые приняла такое тяжкое испытание... но времени на терзания уже нет, да и все вроде бы уже решено...

- Я думал подождать, когда пойдет ливень, но выжду... - пробормотал Бессаз.

- И правильно, - согласился староста и посмотрел озабоченно по сторонам, словно искал кого-то. - После ливня слой станет еще толще. Ведь холм весь в соляных парах, как в ядовитом ореоле...

- Об этом я не подумал, - удрученно сказал Бессаз. - Так вы советуете?..

- Обвязать себя веревкой, спуститься к несчастному и начать осмотр. Хотите, я обвяжусь?..

- Что вы! Не утруждайте себя!

Староста вынул из-за пояса маленькую лопату и повертел в руках.

- Эта штука пригодится...

- Да, да, - Бессаз посмотрел вниз с обрыва и содрогнулся, представив себе, как будет висеть на такой высоте. А старик тем временем с тщательностью завязывал узлы на веревке, проверяя на прочность, - заодно он пожурил Бессаза за халатность и торопливость, с которой он ранее привязывал к ноге веревку.

- Вы обрекали себя, молодой человек, на верную гибель, - добавил он так, словно пока еще не в открытую и неназойливо старался подчеркнуть свое превосходство.

Приготовив все, староста отошел и сел на возвышенности. Ему хотелось находиться подальше от веревки на случай, если Бессаз все еще в глубине души не доверяет ему. И желая все время быть на виду.

Бессаз, слегка задетый этим, уже хотел было снова объясниться, уверяя старика в том, что не сомневается в его преданности, но решил, что лучше не говорить больше на эту тему.

Короткой молитвой староста благословил Бессаза. И Бессаз стал спускаться и после нескольких нервных движений почувствовал себя увереннее, когда ноги его коснулись ямок, - подобно лестнице они были прорублены до того места, где висел прикованный.

"Это вырубали, чтобы достать цепи", - догадался Бессаз, спускаясь по следам грабителей, и староста все подбадривающе махал ему рукой.

Нога Бессаза нечаянно задела голову прикованного, раздался глухой звук, который так напугал следователя, что у него в глазах потемнело.

- Соляной панцирь окаменел, - с трудом овладев собой, крикнул он старосте, ибо бедняга, услышав, как Бессаз застонал от страха, вскочил, бледный и дрожащий.

Еще шаг, и Бессаз повис рядом с прикованным и - странное дело - не чувствовал ни сострадания, ни омерзения, хотя и касался плечом тела мученика, над которым так жестоко надругались.

Бессаз был спокоен, наверное, оттого, что не видел его лица, закрытого соляной маской. Лишь тупой звук раздался, когда Бессаз ударил его по груди лопатой, но ни комочка соли не

отлетело...

- Соль как камень, - повторил он, и староста, который сидел и переживал, наблюдая за действиями Бессаза, даже привстал.

Соляной панцирь нельзя было снять, не поранив тело прикованного, и пока Бессаз думал, как быть, вдруг заметил что-то в его правой руке.

- У него что-то в руке, - сообщил он старосте.

Старик тряхнул головой и чуть было не сказал: "Я это знал", но вовремя спохватился, подумав, какой вышел бы конфуз, проговорись он сейчас.

- Что это может быть? - вслух размышлял Бессаз. - Надо снять осторожно...

- Попробуйте, - сказал староста. - И хватит на сегодня... Боюсь, как бы у вас голова не закружилась от паров...

Бессаз уперся ногами в то место, где, прикрытый соляным колпаком, выпирал живот прикованного, и стал постукивать лопатой, чтобы раскрошить соль на его руке.

Узкий и длинный предмет этот наклонился, - видно, прикованный слегка разжал руку, и, если бы не ловкость Бессаза, который на лету схватил предмет, он полетел бы вниз, на крышу, и какой-нибудь мушрик из простого любопытства взял бы и разломал предмет, чтобы посмотреть, что же там внутри...

Сжав находку зубами, Бессаз поспешил вверх, ибо ощущал уже легкое головокружение от паров. Староста подбежал и помог ему подняться на площадку.

- Вот важная улика, - Бессаз облегченно вздохнул и сел, чтобы лучше рассмотреть предмет.

- Да, тут что-то есть, - согласился староста, заботливо стряхивая с его одежды соляную пудру. - Извините, что вам пришлось самому спускаться за этим... Был тут один страж, но он или приболел, или просто решил увильнуть от дела...

- Фаррух? Я прогнал его. Он большой притворщик, лишь делал вид, что отгоняет орла...

- И хорошо сделали! Пусть пасет овец... Теперь вы убедились: они только притворяются... Впрочем, - спохватился старик, - я зря все время ругаю их, у вас может сложиться дурное мнение и обо мне. Ведь говорят же: у плохой паствы - плохой пастырь...

- Я о вас так не думаю. - Покрутив в руке загадочный предмет, Бессаз встал - не терпелось поскорее спуститься вниз, чтобы заняться находкой. Усилия добрых людей чаще бывают тщетны. Те, к кому обращена ваша вера, недостойны ее. Они не ведают, где добро, а где зло... Я же вижу, как вы стараетесь - без сна и отдыха, - говорил Бессаз, приближаясь к крышам. Ваш скромный облик, ваш дом, где благородная бедность соседствует с душевной щедростью, ваше презрение к суете... но вы не поняты теми, кто должен с благоговением внимать вам, вместо того чтобы красть цепи.

Чтобы придать своим словам еще большую искренность, Бессаз взял старосту под локоть, доверительно заглядывая ему в лицо:

- Для кого мы стараемся, к кому обращаем свои порывы, думаю я часто в тоске и не нахожу ответа... Только знаю я одно - молча и терпеливо делать свое дело... и вы увидите: вас назовут шахидом [Шахид- мученик за веру], будут упоминать ваше имя рядом с именами святых.

- Ну что вы?! Вы меня совсем... окрылили. - Старик по-отечески вдруг прильнул к плечу Бессаза, пустив, кажется, и скупую слезу. - Но и вы, прошу вас, не поддавайтесь унынию. Это иссушает душу. Верьте! Верьте! И вам воздастся... - Голос имама стал мягким и вкрадчивым, а жесты полны изящества. Даже губы его, сухие и жесткие, вздулись, налились краской, и другой, более греховный человек, ищущий очищения, тут же припал бы к его ногам, чтобы принять благодатный поцелуй в лоб.

Бессаз еле удержался от такого соблазна и сделал энергичный жест рукой, как бы пытаясь защититься.

- Я не унываю, - пробормотал он. - Теперь я уверен в успехе. Нелишне было бы добавить "после ваших ободряющих слов", но Бессаз решил смолчать, чтобы староста полностью не почувствовал свою власть над ним.

На площадке их встретила Майра наигранным весельем, бегала вокруг отца, шутила с ним, и тот поцелуй, который так опрометчиво не принял Бессаз после проповеди на холме, достался ей.

Приятно было видеть, что у отца с дочерью вновь сложились родственные, любовные отношения, и все потому, решил Бессаз, что он сблизился со старостой. Ведь еще вчера дочь была так недоверчива к отцу, ибо решила действовать с Бессазом сообща, чувствовала его поддержку. Теперь же, когда двое мужчин сделались союзниками, ей надо было ладить с обоими, боясь немилости.

И Бессаз переступал порог дома, в котором три человека, бывшие чужими, решили действовать дружно и в согласии...

VII

Увлечшись историей черепахи, мы на время забыли еще об одном ее терпеливом слушателе - Тарази. Это тем более досадно, ибо именно Тарази заставил заговорить на понятном нам человеческом языке чудище и мы узнали пусть пока еще не законченный, сбивчивый, местами противоречивый рассказ Бессаза, самую что ни на есть банальную, тысячу раз слышанную нами ранее историю первых служебных шагов молодого человека, неопытного и самонадеянного, который был вынужден пойти по ложному пути, спасовав перед трудностями.

Да, старая, как этот мир, история... И для Тарази она была скучной, даже утомительной, - словом, ничем не взбадривала, не возбуждала бесстрастного тестудолога. Единственное, чем мог заинтересовать его рассказ черепахи, - так сказать, моральной своей стороной, ибо вносил некоторую путаницу в основную идею натуралиста... Но Тарази не торопился с обобщениями, тем более что и черепаха еще не до конца поведала историю своего танасуха...

Сейчас она сидела во фраке и недовольно вертела мордой по сторонам.

- Смотри, голубчик, как мне в нем неудобно, - говорила она Абитаю, оттягивая пальцами воротник и приглаживая его к складкам шеи.

- Встань-ка, встань... - суетился Абитай, смущенный тем, что не угодил приятелю.

Черепаха нехотя поднялась, но закашляла и села, неуклюже подмяв фалды своего фрак-халата, - бедняга страдала насморком, и слезы так и текли из ее глаз, застревая в ямках черных щек.

- А как хвост, не давит? - не в силах сладить с упрямой черепахой, развел руками Абитай...

- Шею давит... Ну, иди, утомил ты меня, - прогнала черепаха Абитаю, и Абитай, удрученный, вышел и что-то бормотал, видимо ругая себя за оплошность и неточность в выкройке фрака.

В коридоре, приблизившись к свету, он долго и внимательно смотрел на свои пальцы, затем стал шевелить ими, как бы рисуя по воздуху. Он вроде бы исполнял танец - ритуал, - вдевал нитку в иголку, затем засовывал нитку в рот и щелкал воображаемыми ножницами, что-то удлинял, что-то укорачивал. Проделав все это несколько раз, но так и не найдя ошибку в выкройке, Абитай мазнул рукой и заторопился к комнате Тарази, постучал.

- Молодой судья ждуг, - заявил он, не дожидаясь ответа. И горделиво пошел затем по коридору, спустился вниз, чтобы заняться своим обычным делом - рубкой стеблей, которые каждую ночь вырастали так, что закрывали ворота снаружи и их нельзя было открыть, чтобы выйти.

Абитаю по-прежнему не разрешали сидеть с тестудологами, слушать черепаху. Но как

близкий приятель он знал о жизни черепахи гораздо больше, нежели Тарази и Армон.

Вечерами, когда Тарази уходил к себе, чтобы вместе с Армоном порассуждать об услышанном, Абитай бесцеремонно врывался к черепахе, приятели обнимались, соскучившись за день, и Абитай гладил ей хвост с дежурной шуткой на устах:

- На месте, на месте, не оторвали, - и хохотал...

Затем они устраивали пирушку, наедались и напивались вдоволь. И черепаха, которой надоедал дневной светский, сдержанный рассказ, была теперь грубой по-хамски, бесцеремонной, пьяной, - словом, получала отдушину.

За дружеским ужином она снова, более кратко, рассказывала, посмеиваясь над каким-нибудь жестом Тарази, его привычкой накручивать кончик бороды на палец или выдергивать произвольно волоски из густых бровей и подолгу разглядывать их, - говорила о своих связях с Майрой, о блудливых повадках Фарруха, жалела одинокого старосту, живущего без женщин, - словом, давала волю своим чувствам и эмоциям.

Его рассказ, днем беспристрастный, с изложением одних только фактов, унижающих Бессаза своей откровенностью, перечеркивался в его сознании вечером, во время пьяных оргий. Он чувствовал свое превосходство над Абитаем - так чувствует себя уверенно человек, продающий за сходную цену дурное и подлое, в котором нуждаются.

Не в пример Тарази, сидящему с угрюмым видом, не прерывающему черепаху, не задающему ей вопросов, Абитай, наоборот, был жизнерадостен, хохотал, поддакивая, восторгался, закатывал в удивлении глаза, пил ежеминутно за здоровье рассказчика, лебезил и благоговел, - словом, был благодарным покупателем дурного.

- Ты - прекрасный малый, - обнимал ее в приливе чувств Абитай, затем подолгу пьяно смотрел на это странное существо - получерепаху-получеловека, чувствуя, что ущербное вместе со здоровым и делает ее душу отзывчивой. Когда к тебе снова вернется человеческий облик, я уеду с тобой. И мы погуляем на славу! Только ты брось, не работай больше в суде. Это суд и сделал тебя таким... - И Абитай, зарывшись лицом в ее шерсть на животе, пускал слезу.

- Решено, приятель, я буду жить тихо, - с дрожью в голосе отвечала черепаха. И, чуть повернувшись боком, поглаживала кончиком хвоста лицо Абитая - и делала это так легко и ласково, что Абитаю в самый раз бы замурлыкать, как коту.

Сейчас, когда Тарази и Армон зашли к черепахе, она, продолжая растирать шею, ворчала на своего приятеля. Но, помня о крутом нраве Тарази, тут же, едва они уселись по своим местам, начала чуть возвышенно - нервным тоном:

- Сегодня, господа, я расскажу о первых признаках недомогания, после чего я обнаружил на своем теле хвост...

Но Тарази остановил ее и попросил быть последовательной и продолжить с того, на чем вчера остановились, а именно - с рассказа о предмете, который Бессаз вытащил из руки прикованного и принес домой.

Бессазу не терпелось сразу же пощупать, разглядеть со всех сторон предмет, чтобы найти важные улики. Староста следом тихо зашел к нему в комнату, но, видя, что Бессаз поглощен всецело находкой, так же неслышно вышел, не желая мешать ему.

Хотя и договорились они работать теперь сообща, деликатный старик подумал, что есть еще в их отношениях такая незримая черта, которую он не может переступить без того, чтобы не нарушить тайну следствия.

Бессаз слышал, как старик зашел, но поверился слишком поздно - старик уже успел выйти.

"Почему он ушел? Я ведь сидел и ждал, что он будет тонко и ненавязчиво вести меня по пути, который ему выгоден", - подумал в недоумении Бессаз и окликнул старосту.

Старик сразу явился - на всякий случай он, оказывается, стоял за дверью и ждал.

- Мне нужна ваша помощь, - сказал без обиняков Бессаз, вертя предмет перед самым носом старика, чтобы определить его вес. - Посоветуйте, как же мне снять корку соли и не повредить то, что внутри? Лопатка здесь не поможет...

- Вы правы, - староста поковырял ногтем корку соли, затем попробовал кристаллик на зуб и поморщился. - Я принесу пилочку, один надрез - и вы увидите, что там внутри... А внутри там что-то есть, слышите, какой издает он странный звук? Послушайте...

Бессаз поднес находку к уху, а староста тем временем сбегал за пилочкой.

- Ну, как? - спросил он, возбужденно потирая руки, будто давно истосковался по полезной работе.

- Действительно, гудит... Дайте, мне пилочку и благословите...

Старик прочел краткую молитву, после чего Бессаз стал пилить осторожно, хотя и торжественно, словно вторгался в чью-то святую тайну. Соль крошилась и сыпалась на стол, а староста собирал ее на ладонь и долго разглядывал кристаллики, как бы ища среди них драгоценный. Затем выбрасывал все это в окно, суетился и был похож на ребенка, которому доверили важное дело.

Когда Бессаз сделал надрез, пила закрипела, задев что-то твердое, которое хрустнуло...

- Есть, - шепнул староста, да так, словно сказал не Бессазу, а в сторону, стоящему за дверью, будто тот, невидимый, и вел расследование.

Бессаз же осторожно отделил обе части соляной трубки, и на стол упала тростинка толщиной в два пальца. Точнее, длинный камышовый стебель, похожий на кальян, которым курильщики вдыхают гашиш.

- Кажется, мы напали на след курильщика гашиша, - хохотнул Бессаз, не подозревая еще, что это в шутку сказанное и станет впоследствии главным доводом против прикованного...

Забывшись на мгновение, староста раньше Бессаза схватил со стола камыш и разглядывал его лихорадочным взглядом.

- Кажется, вы правы. Взгляните, внутри еще одна трубка, похоже, каменная, а на самом доньшке - пятна копоти... Простите, - спохватился он и прижал ладонью рот, чтобы скрыть волнение, - я не навязываю вам свои выводы. Я лучше уйду...

Бессаз пристально посмотрел на старика и усмехнулся:

- К чему вы всякий раз притворяетесь? Ведь мы с вами обо всем договорились... В чем-то ваши выводы кажутся мне более зрелыми и глубокомысленными... И в какие-то минуты я доверю вам больше, чем себе, одним словом, Бессаз намекал, что ему надоела эта игра и пора старосте открыто сказать, чего же он добивается от следствия...

Но староста повел себя странно, желая по-прежнему казаться человеком, ищущим только истину.

- Нет, лучше я уйду, - пробормотал он, - и немного прилягу, устал... Простите...

Бессаз посмотрел, как он закрыл дверь, затем нащупал в камыше, а потом и увидел внутри каменную трубку, от которой шел резкий запах горелого.

Осторожно вынул Бессаз эту трубку: по всему было видно, что из нее когда-то выглядывал язычок огня, потухая и разгораясь снова...

Разложив все это на столе - два спиленных куска соляной трубки, камыш и отдельно каменную трубку, - Бессаз сидел с озабоченным видом, желая вникнуть и сделать кое-какие выводы.

Но долго не мог связать по смыслу между собой - ни каменную трубку с камышом, ни соляную с орлом... хотя - при чем здесь орел? Он ведь уже давно вычеркнут из дела... И только неуместная шутка о курильщике гашиша все время вертелась в сознании, как ни желал Бессаз от нее избавиться. Она была так назойлива, что Бессаз уже хотел поверить в нее, чтобы

успокоиться. И хотя понимал, что каменная трубка со следами копоти сама по себе ничего не доказывает без связей с другими уликами, но у Бессаза не было ничего другого, кроме версии о курильщике. Тем более, в его воспаленном, горячечном сознании она предстала вполне зримо, в осязаемых контурах, даже картинах.

"Кто обвинит меня в плохом расследовании? - спрашивал себя Бессаз. Прикованный был найден после обвала, - значит, убийство это давнее. И может, убили его не в этой деревне. Ведь рассказывал же староста, что холм был некогда глыбой соли и приплыл сюда, когда здесь было море... Кто знает, может, убийству этому много десятков, а то и сотен лет - ведь в соляном саване труп может сохраниться вечно... А кто опровергнет, что убийство совершено в другом месте или даже в другой стране? Да, прикованный этот чужестранец - зимми! [Зимми - иноверец (араб.)] А поскольку он чужестранец, дело его должно быть расследовано по законам его страны. Да!"

Этот довод так взволновал Бессаза, что он вскочил из-за стола, чтобы объявить старосте о прекращении расследования. И уже направился к двери, но остановился в раздумье:

"Староста, конечно, давно догадывается о том, что прикованный чужестранец. Но все же - почему он вызвал меня для расследования? Значит, ищет выгоды. Но какой? Пусть не хитрит и не притворяется. Если надо старику... для чего - непонятно? Для престижа, для прикрытия злодеяния чего угодно... Я готов объявить прикованного самим дьяволом..."

Бессаз снова сел за стол, в задумчивости глядя на трубки и камыш. И вдруг вспомнил, как старый судья, передавая ему дела, рассказывал, что частенько преступников наказывают прямо на глазах у всех, держа для всеобщего обозрения над их головами вещь, которую они украли или пытались уничтожить.

Пастуха закопали в песок вместе с овцой, которую он пытался украсть, у преступника и жертвы торчали только головы. Пастух на чем свет ругал овцу, а та бляла безумно, и так до тех пор, пока беркуты не выклевали им глаза.

В другой деревне человек был привязан к дереву с топором на шее только за то, что хотел отсечь свой палец на ноге, чтобы не идти в рекруты.

"Но неужели за курение гашиша человека надо приковывать к скале? думал Бессаз. - Если он пойман первый раз - полагается брать с него штраф, злостного же курильщика посылают на два года в тюрьму. Оглушение собственного рассудка курением этой дряни - есть сознательное уклонение от своего дела, обязанности, наконец, долга перед семьей, своим государством... Курильщики выражают стихийное недовольство самой жизнью. Они сознательные самоубийцы... - Так ловко, цепляя одну мысль за другую и идя не криво и хитроумно, а прямо, кратчайшим путем, Бессаз додумался и до этого: - А что, если курильщик гашиша совершил еще одно преступление и украл что-нибудь? К примеру, огонь? Нес, спрятав в каменной трубке, оттого она и закоптилась... Огонь - божий дар, его не крадут. А он почему-то спрятал огонь внутри трубки... Может, замыслил о поджоге? Нет, это кажется поспешным выводом. Надо еще раз осмотреть прикованного... Хотя доказать его виновность - в моих... вернее, в интересах старосты... Но надо хотя бы собрать против курильщика еще-два-три, пусть незначительных, факта..."

И Бессаз быстро оделся, взял трубку и вышел из комнаты. Староста, который сидел на кухне и аккуратно поправлял себе бороду, вскочил и отложил ножницы. Он смотрел на Бессаза - весь внимание, желание помочь, но Бессаз решил не тревожить старика. Он сказал:

- Мною установлено, что прикованный - чужестранец. Убийство произошло не у вас в деревне - можете быть спокойны... В другом месте... и, кажется, очень давно...

- Да, - одобрительно улыбнулся старик, - я тоже так подумал. Но, пожалуйста, не говорите об этом пока никому... Даже Майре. Иначе все будут смеяться над тем, что я вас вызвал. Ведь

правосудие должно установить истину, независимо от давности и места преступления, не так ли?

- Верно. Поэтому мне хотелось бы еще раз подняться на холм. А вы оставайтесь...

- Я бы тоже желал, - на всякий случай пробормотал старик, еще раз высказывая готовность помогать Бессазу.

- Вы утомитесь... ведь подъем?

- Сделаем так: я закончу стрижку бороды и поднимусь за вами...

- Мне хочется вернуться до сумерек...

- Тогда разрешите, на всякий случай, подождать вас внизу, - сказал старик, возвращаясь на кухню и щелкая ножницами вокруг своей бороды.

Бессаз согласно кивнул, но старик уже и не смотрел на него, уверенный, что они договорились, Бессаз быстро прошел через площадь, поеживаясь от прохлады, и взобрался наверх, не обращая внимания на бормотания под крышами. Только раз, когда ему показалось, будто заговорили они о трубке, Бессаз остановился. И вправду, кто-то сказал: "Мы забыли отнять у него и трубку", - на что возразили: "И сотня таких трубок не покроет его долгов..."

Бессазу сначала показалось, что речь идет о том, чтобы отнять трубку у него, - это был бы слишком дерзкий поступок, за который он будет беспощадно наказывать.

Но подумал: о каком долге идет речь? И как мог чужестранец задолжать им? Нелепость! Хотя... впрочем, чужестранец мог быть купцом, привез сюда ножей или сабель, всякий железный хлам, но его так надули мушрики, что он разозлился, да еще остался в долгах.

Бессазу сделалось дурно от всех этих головоломок, и он решил не думать, чтобы не отвлекаться от главного. Если будет в этом нужда, он спросит - и староста разъяснит ему, о каких долгах они говорят...

Бессаз, поднявшись на холм, стал обвязывать себя веревкой. И спустился он на этот раз к прикованному легко, без трепетного волнения и, едва уперся коленом об его живот, заметил, что корка соли на трупе стала еще толще.

Куски обвалившейся скалы, видно, все время испарялись, и соляной вихрь, поднимаясь наверх, закрыл прикованного еще одним слоем. Пройдет немного времени, и несчастный, если его не снимут со скалы, полностью закроется панцирем и уйдет в скалу, а холм примет такую же форму, как до обвала. А после сильного ливня или землетрясения опять треснет - и так бесконечно, прикованный будет то исчезать, то снова появляться, если жители деревни не догадаются предать его тело земле, насыпав сверху холмик из песка.

Но все это никак не взволновало Бессаза, был он озабочен тем, как просунуть прикованному в руку камышовую трубку, чтобы посмотреть на него в такой позе.

Дыра, откуда Бессаз только вчера вынул камыш, уже заметно сузилась, и ему пришлось сильно наклониться. От неосторожного движения он почувствовал боль в спине, которую он ранее никогда не ощущал. Будто невидимая болезнь, тихо, исподволь подтачивающая его, вдруг дала о себе почувствовать тупой болью...

- Боль то утихала, то опять беспокоила, - сказала черепаха. Начинаясь она здесь, - она подняла и показала свой хвост, - затем пробежала по спине до самой шеи и, отдавшись в голове, исчезала, оставив слезы на глазах...

Услышав об этом, Тарази вдруг непроизвольно пощупал свое горло и поморщился, словно боль, о которой рассказывала черепаха, передалась ему и он с трудом подавил ее в себе, проглотил. Еле заметный жест этот, однако, не ускользнул от взгляда черепахи, и она, воспользовавшись мимолетным состоянием Тарази, сделала паузу, чтобы отдышаться.

Мы уже упоминали о том, что не только Тарази изучал черепаху, но и черепаха подмечала его смешные привычки и жесты и часто передразнивала его, чтобы развеселить Абитаю. Но с

каждым днем, то ли от естественных внутренних изменений, то ли оттого, что человеческая ее половина во время противостояния планет и особенно в полнолуние начинала преобладать над звериной, она не только подмечала все внешнее в Тарази, но и, делаясь тоньше, чутче, чаще задумывалась над жизнью тестудолога. Конечно, задумывалась не в нашем, человеческом смысле - продолжительно и настойчиво, ища в нем слабости и пороки и злорадствуя, а урывками, часто бессвязно... просто мысль мелькала и забывалась, не оформившись...

Не секрет, что слуги знают все о своих хозяевах, а Абитай, не будучи исключением, рассказывал черепахе все, что узнал о Тарази от Армона, то, что сам подсмотрел и подслушал...

- Отовсюду его гонят, как блаженного. Всюду он чужой, неуживчивый. Внешне спокоен, будто наплевать ему на всех... но - нет! мятежный... и душа его всегда в загадочном смятении! Что он ищет? Ересь сочинил, как господь принимает посетителей. - И Абитай выразительно покрутил пальцем возле своего виска. - Представляешь? Ему руку за это хотели отсечь, язык вырвать... И правильно бы сделали. Ведь посуди сам: аллах создал людей, зверей и птиц в том облике, в котором они существуют неизменно со дня творения... А он задумал дерзнуть. Упрямый, холодный... Боюсь, если ему удастся вмешаться в божественное ремесло и что-то сделать... лучше не попадаться ему на глаза. Он меня, даджжаль [Даджжаль - буквально: антихрист (араб.)], - ударял себя в грудь Аби-тай, - просто так, ради прихоти или утоления злобы, превратит в змею... и тогда потянет меня лентой в темную, сырую нору... Может, он и жену свою постылую желал превратить в гиену, а она, ужаснувшись, сбежала от него, забрав детей...

- Он был женат? Никогда бы не подумал, - усмехнулась черепаха, но тут же смягчилась, прониклась жалостью к Тарази.

Мысль снова начерталась в ее мозгу прерывистыми пунктирами: чего он ищет? Одинокий... Что тревожит? Что режет его на части? И даже она своим куриным умом понимала, как несчастен Тарази, несмотря на свой нормальный человеческий облик.

Но наш тестудолог был по-прежнему безжалостен, не позволял черепахе расслабиться, ибо, услышав о приступах блуждающей боли в теле Бессаза, сразу сообразил, что рассказ подошел к важному месту.

Но до того как начался очередной, более продолжительный приступ, Бессаз успел засунуть в руку прикованному трубку и, приглядевшись внимательно, понял по его позе, что трубка была насильно втиснута ему в кулак уже после того, как несчастного приковали. Видно, убийцам было мало того, что они заковали его в цепи, для впечатляющей картины посрамления не хватало этой трубки.

Пока Бессазу казалось, что он так умно догадывается об этих тонкостях казни, пары снова покрыли трубку слоем соли, и Бессаз уже не мог ее вынуть обратно. Жаль, лопатку, которую так настойчиво всовывал ему в руку староста, он не взял.

Бессазу ничего не оставалось делать, как поспешить на площадку, ибо почувствовал вдруг приближение нового приступа. Он только успел отвязать веревку с ноги, и боль, на сей раз резкая, нестерпимая, пронзила его всего.

В дурном настроении Бессаз спустился с холма, и староста, ждавший его внизу, в беспокойстве спросил:

- Что-нибудь случилось? Вы бледны...

Бессаз решил скрыть свое недомогание, ибо заболевший судья мог вызвать у всех лишь иронию. Он поспешил успокоить старика:

- Просто устал. Спуск сегодня был трудным. Но зато я сделал важное наблюдение. Так что через денька два я смогу возвращаться в город...

- Нет, не так скоро. Я не отпущу вас, - сказал староста, дружески взяв Бессаза под руку. -

Вам надо будет отдохнуть в наших краях после столь сложного дела. Ведь кроме деревни и этого холма, один вид которого удручает человека, у нас есть прекрасное место для охоты. Совсем недалеко, у озера, там много дичи, а в камышах - тигры. Нет, нет! Если потребуется, я напишу вашему начальству, чтобы оно разрешило вам остаться... Они не откажут, зная мое одиночество и тоску по общению с образованными людьми. Могут же они хоть раз понять чувства бедного имама?..

- Разумеется, поймут, - сказал Бессаз рассеянно, боясь, как бы не повторился приступ еще до того, как они зайдут в дом.

Прислушиваясь к каждому своему движению, он поспешил к себе в комнату, извинившись перед стариком.

- Вы не против, если я немного прилягу? А через часик-другой расскажу вам о своих выводах...

- Ради бога! - засуетился старик, поправляя Бессазу постель; - А я пока попрошу Майру приготовить что-нибудь вкусненькое...

Но Бессаз конечно же не мог уснуть - лежал и со страхом прислушивался к тому, что творится в его теле, и если поначалу ему казалось, что боль в спине - от неосторожного движения на холме, то сейчас Бессазу было ясно, что все гораздо серьезнее.

Во время каждого приступа, все чаще мучившего его, будто что-то менялось у него внутри - обрывалось, свертывалось, завязывалось в тугие узлы в самых неожиданных местах, где все, наоборот, должно быть гладко, расслаблено...

Боль, пробегая по телу, бросала его в холодный пот, заставляя предельывать такие невыносимые движения, так корчиться... Он уже не чувствовал своих мускулов, помимо своей воли прижимался, например, животом к жесткой постели и отбрасывал руки и ноги в нелепой позе, похожей на черепашку.

Ему хотелось куда-нибудь спрятать голову от боли, и он закрывал ее рукой, старался просунуть под грудь, поражаясь, как это ему удаются такие сложные, невыносимые движения, которым позавидовал бы любой акробат.

С трудом ему удалось немного успокоиться. И, закрывшись одеялом, Бессаз решил потереть свою спину, но вдруг с ужасом нащупал длинную опухоль - от ягодицы до самой лопатки через все тело.

- Кстати, - добавила черепаха, - у меня с самого рождения был небольшой нарост, что-то вроде копчика. И помню, как отец, купавший меня, частенько посмеивался, щелкая пальцем по этому наросту, и называл меня "хвостатым мальчиком".

Вспомнив тогда в постели о своей кличке, Бессаз успокоился, решил, что поранил свой копчик, поскользнувшись на холме, опухоль от грязи на-it гноилась и расползлась по всему телу.

"Отлежусь несколько дней в постели и уеду из этой проклятой деревни", - подумал Бессаз. И постарался забыть о своих неприятностях, ибо живо представил, как будет ухаживать за ним старик, приятно и преданно суетясь и молясь за его выздоровление.

"Союз превратится в нежную дружбу. Я ведь так устал, так истосковался по людскому участию..."

Да, дело, за которое он взялся с напористой упрямостью, сделало его одиноким в атмосфере всеобщей лени и равнодушия... И в глубине души он даже был доволен тем, что слег, - впереди у него несколько дней домашнего уюта, тепла, сочувствия, хотя временами его нет-нет да и тревожила вся эта оказия с воспаленным копчиком.

"Как мне, молодому и сильному, показаться теперь перед старостой и Майрой таким немощным, беспомощным, иигущим сочувствия? - грустил Бессаз. Не исказит ли это в их

сознании мой образ? Человека, так смело прошедшего трудное, почти неразрешимое дело?"

- А то, что расследование мною уже закончено блестяще, в этом я не сомневался, - сказала черепаха. - Оставалось лишь узнать о хитром старосте. А о своей болезни я решил рассказать ему после нашей откровенной беседы. Так сказать, с обоюдного согласия сторон... Раненый, я еще больше поднимусь в их глазах как человек пострадавший, выполняя свой долг..."

Но, боясь, как бы ему не стало еще хуже, Бессаз решил позвать старосту, чтобы рассказать ему о своем последнем восхождении на холм.

Как всегда бродивший где-то за его дверью, старик тут же явился на зов Бессаза и, сделав полушутливый реверанс, объявил:

- Прошу на ужин... в теплом семейном кругу.

- Уже? - Бессаз от неожиданности досадливо поморщился, но не от боли -г- староста перебил ход его мыслей.

- Нас ждет тушенная баранина... с таким ароматом... словом - эмирское блюдо, - не сказал, а пропел старик и беспечно и дурашливо, в унисон своему наигранному настроению, послал в сторону кухни воздушный поцелуй, видимо предназначенный искусной поварихе Майре.

Бессаз не сдержался, и вдруг захохотал, и чуть не свалился на кровать, где снова, уже на глазах изумленного старика, проделал бы невольно движения в позе черепахи.

"Потеха, - думал он в ужасе, - старик со своими дурацкими выходками и я, готовый ерзать по кровати, как черепаха..." И его снова пробрал нервный смех.

- Мужчины, стол накрыт! - услышали они голос Майры и оба застыли в нелепых позах напуганных шутов.

Первым опомнился развеселившийся старик и стал толкать Бессаза в сторону двери, а Бессаз в страхе вертелся и так и сяк, как бы тот не задел его больную спину.

Бессаз сел за стол, но продолжал улыбаться и подмигивать Майре, чтобы поддержать веселье ее отца.

- Ну, довольно, папа, - с укором глянула Майра на отца, и тот кашлянул, сел и стал серьезным.

- Славно же мы побаловались, - заключил он.

Бессаз принялся за еду, но староста все не мог прийти в себя после столь неожиданного веселья. То ли оправдываясь, то ли сожалея, старик добавил:

- Ко мне часто теперь возвращается детство. И я думаю: не прощание ли это?..

- Да полно! - сказал Бессаз ничего не значащую фразу. Старик, грустный, наклонился, но не ел, а ковырялся в тарелке. Майра сидела рядом с Бессазом и поглядывала на него - ласково, хотя и с укором. В последние дни они почти не виделись, и сейчас, за вкусным ужином, несмотря на недомогание, Бессаз решил быть к ней внимательным. Ему не терпелось поделиться своими наблюдениями на холме, но, чтобы не отягощать обстановку такого дружеского вечера серьезной беседой, Бессаз решил начать как бы между прочим, делая вид, что сказал просто для поддержания разговора...

- Видите ли, - пробормотал Бессаз, разрезая ломтиками баранину, - наши наблюдения насчет его тростинки оказались верными. Представляю," что бы делал сейчас этот человек, окажись он за нашим столом?! Он набил бы свою трубку гашишем и предложил бы покурить с ним за компанию, уверяя, что это еще более обострит ощущение от вкусного ужина. Мы, естественно, отказались бы, но он по-хамски тыкал бы нам под нос свою трубку, г упрасивал, хохотал, ведя себя отвратительно. - Поймав на себе удивленный взгляд Майры, Бессаз пояснил: - Я говорю, Майра, о прикованном...

- Да, это был бы не очень желанный сотрапезник, - согласился староста и умолк, чтобы пожевать, шамкая, мясо.

- Гашиш? - переспросила Майра наивным тоном. - Я слышала об этом, но никогда не пробовала...

Старик ласково погладил ее руку и снова глянул на Бессаза, готовый его слушать.

- Гашиш, Майра, курят безнравственные люди, преступники и самоубийцы. Стараются заглушить вину, которая терзает их. Другие и вовсе не могут сами разобраться... Боятся жизни и хотят забыться... Впрочем, - сверкнул глазами Бессаз, - я не был бы против, окажись этот злостный курильщик сейчас в нашей компании. Вы бы увидели, как он юлит, хитрит, чтобы увильнуть от моих вопросов. Но я прижал бы его к стене фактами. Я, спросил бы: почему ты нес в своей трубке огонь и куда нес? Не надо быть очень умным человеком, чтобы догадаться спрятать внутри тростинки и каменную трубку. И вот я вижу, как господин этот идет, прекрасно одетый, не-;, много беспечный, как любовник, идет не прячась, не украдкой, а свободно, и вертит в руке, как клоун, свою тростинку вправо-влево, как будто она пуста, и насвистывает. Увидев стражу, он сразу же притворяется прихрамываю-, щим, чтобы опереться на свою тростинку, а там горит огонь. Куда и зачем? - воскликнул Бессаз, но тут же сморщился и сел, ибо почувствовал,; как крадется внутри его боль.

Чтобы не была заметна гримаса на его лице, Бессаз наклонился над тарелкой и поспешно проглотил кусок мяса. Пытаясь улыбнуться, он хотел дать понять, что ничего не случилось, а сам вдруг подумал, что у него, больного, есть что-то общее с прикованным, ибо оба наказаны страданием, хотя: курильщик - большим, Бессаз - меньшим. И поэтому нехорошо говорить о нем так мерзко. Пусть лучше старик рассуждает о нем, тем более что человек он заинтересованный...

Перетерпев еще одну пробежку боли, Бессаз поднял голову и посмотр-; рел на спокойно сидящего старосту.

- Так куда он, по-вашему, нес огонь? - спросил он старика. i

- Мне кажется... - пробормотал староста, но не стал продолжать, лишь пожал плечами, как бы говоря, что он не вправе вести Бессаза по следам своих умозаключений. ;

Чуть было не разозлила Бессаза вся эта игра, и хотел он крикнуть: "Я несую всякий вздор о прикованном - и все для того, чтобы вы наконец при-, знались, чего вы от меня хотите!" Но сдержал гнев и вежливо продолжил дурацкую игру: s

- Не кажется ли вам, что, шагая так беспечно и играя тростинкой, он; нес огонь, чтобы поджечь? Дом, склад, тюки с шерстью, наконец... ;.

- Верно, иначе они не стали бы его приковывать, - тихо сказал староста и робко кашлянул при этом, давая понять, что не настаивает на своей версии и готов в любую минуту отказаться от нее.

- А может, наоборот: он шел, чтобы согреть окоченевшего, разжечь костер в доме больного? Или обогреть руки своим детям? Маленькие, такие беспомощные детские руки... - сказал Бессаз, чтобы придать своим умозаключениям остроту и сложность.

- Право, я не знаю, - хотел было снова уйти от прямого разговора староста, но Бессаз подбадривающе кивнул ему, чтобы старик не уклонялся.

- Если для благородных целей, то непонятно, почему он прятал огонь? как бы размышлял вслух староста. - Огонь от бога. Бог дал огонь, чтобы каждый, кто не согрет, голоден, мог взять его - согреться и насытиться. Но если вы прячете то, что не должно быть спрятано, что другие не-суг открыто, - не есть ли тут злой умысел? Простите, - спохватился старик, - может, я говорю бред?

- Нет, вполне здраво. А не думаете ли вы, что ему за долги или, скажем, за провинность не разрешено было пользоваться огнем? Поймите, я говорю это, учитывая законы другой страны, ведь прикованный - чужестранец. И наверное, есть такие страны, где суд может запретить

свободно пользоваться огнем. А у прикованного, скажем, больные дети, и вот ради них он и решился на такой отчаянный поступок...

- Вы уверены, что он - чужестранец? - удивленно спросил старик и быстро нахмурился. И сказал довольно резко: - Все равно, он совершил преступление, нарушив запрет мужа. Да и откуда вы взяли, что у него были больные дети? - спросил староста, - А если, как вы говорите, долги... вместо того чтобы покрыть их, он пошел на воровство. Это и достойно высшего наказания! - Голос старика был суров и бесстрашен, Бессаз опустил голову, улыбнулся - наконец-то старик понял, чего от него хотят, и перестал притворяться.

- Но не такого сурового, правда? - задал вопрос Бессаз.

- И в мирском суде, и перед божьим он заслуживает суровой кары, смахнул пот с лица староста. - Если еще учесть, что он много лет курил гашиш... Люди приковали его после своего суда, а орел - это божье наказание. Птица, падкая на всякую дрянь, переваривает и яд. Печень его была отравлена гашишем и источала яд - это вы сами видели...

- Да, гашиш, - повторил Бессаз. - А я-то думал, почему орел все кружил над холмом?... Птицу эту действительно привлекает всякая гниль...

- Я не понимал, - сказала черепаха, - почему староста так суров к прикованному. Ведь обычно священники стараются смягчить вину человека, ссыпаясь на божье милосердие, прощение и прочее. Но когда я узнал, что судит он не просто преступника, а мушрика, все стало ясно. Но об этом после, господи! - воскликнула она, поглаживая хвост...

И мы, читатель, будем терпеливы и дослушаем, что сказал Бессаз за столом. А сказал он, вставая и поглаживая ус, следующее:

- Итак, нами доказана виновность прикованного, человека безнравственного, злостного курильщика гашиша, который пытался совершить или уже совершил поджог, украв огонь. И по законам своей страны он был прикован к скале вместе с трубкой, которая для нас была важной уликой! Я так и доложу в городе... А теперь, пользуясь вашим гостеприимством, я останусь здесь еще на несколько дней, чтобы отдохнуть... А может быть, и поохотиться на тигров...

- Чудесно! - в один голос воскликнули отец и дочь, и Бессаз пожал протянутые к нему руки и поспешно сел, чтобы справиться с накатывающейся болью.

Слабым жестом попросил он Майру положить ему в тарелку еще баранины.

А староста все сопел над своей тарелкой, все вздыхал, ерзал и покашливал.

- Вижу, вы простудились после прогулки на холм, - сочувственно сказал ему Бессаз.

- Кажется, да, - мрачно ответил старик. Затем подвинулся к Бессазу, но тот, боясь, что боль скрутит его, сделал невольный жест, как бы прося не касаться его плечом.

- Не могли бы вы оказать мне маленькую услугу и объявить ваши обвинения моим прихожанам? - спросил староста, но так, как будто не придавал своей просьбе особого значения.

- Сказать просто, без красот, как есть...

- Мог бы, конечно. Но Им-то какое дело? Они, как я заметил, равнодушны к происходящему.

- Чтобы снять кривотолки, слухи и сплетни. Прошу вас, как друга, как сына... Это заставит их хотя бы раз задуматься над тем, что такое грех и как он карается, что такое милосердие и как оно успокаивает и облагораживает. - В тоне старика теперь слышалась мольба.

- Если это подкрепит ваши проповеди, я готов, конечно, еще раз подняться на крыши...

- Это поможет и Майре. - Староста снова погладил руку дочери.

- А при чем тут Майра? - У Бессаза тоже возникло сильное желание !: поласкать Майру, сидевшую с независимо-равнодушным видом, как бы говоря, что Бессаз волен и отказать просьбе отца, она не нуждается в защите.

- Мои прихожане считают, что в этом деле замешана и Майра. И чтобы заступиться за ее

честь...

- Майра? Но что общего между Майрой и прикованным? - испуганно глянул на нее Бессаз, но она даже не шелохнулась, а сидела, протянув руки через весь стол, да так, что они чуть не касались груди Бессаза.

- Лгуны пустили слух, что между ними что-то было. И поэтому он наказан. - Староста приложил салфетку к влажным глазам и дернул плечом как от нервного тика.

Бессаз долго не знал, что и думать и как переварить эту нелепицу.

- Бедные вы люди, - наконец нашелся что сказать, - как вы можете жить среди ископаемых? Ведь для них логика и здравый смысл ничего не значат! Связывать чужестранца, казненного много лет назад, с Майрой - это дикость, которая должна быть тут же высмеяна! - воскликнул Бессаз, а сам подумал, что именно теперь самое время потеревить ее пальцы, протянутые к нему, теплые, белые, ждущие ласки и успокоения.

Староста сделал вид, что не заметил, как Бессаз сжал ее пальцы, а Майра опустила глаза. И, взбодренный, Бессаз встал, чтобы, не теряя времени - ибо здоровье его ухудшалось с каждым часом, объявить приговор селянам.

- Прошу за мной, - пригласил он старика, и тот засеменил за Бессазом, шаркая сандалиями.

- Главное - подчеркните, что его покарал божий суд, - попросил он. Он поклонялся огню, идолам и истуканам. И не признавал аллаха милосердного... "Божий суд - долгий суд, долго терпит, да больно бьет", - и вдруг пропел, шепелявя, легкомысленную песенку, из тех, которые поют священники на досуге, после утомительно длинных проповедей, как отдушину, и бросился открывать Бессазу дверь.

Сильный ветер ударил им в лицо, и Бессаз невольно прижал руками ноющую спину, чтобы защитить от холода.

Стемнело, хотя дорога на холме была еще видна.

"Идут..." - услышали они, едва прошли по первым крышам, но Бессаз шел, не останавливаясь, к самой середине деревни, чтобы речь его была услышана всеми.

"Торопятся, староста еле дышит, бедняга. Сейчас объявят что-то важное..." - говорили снизу, и эти идиотские объяснения злили Бессаза сильнее, чем когда-либо.

- Отсюда хорошо будет слышно то, что я хочу сказать вашим прихожанам?! - громко спросил Бессаз, решительно остановившись на плоской крыше, местами уже обветшалой, из щелей которой торчала солома.

- Да, - закивал староста, - отсюда слышен даже шепот... писк комара и зов горлинки - этой кроткой божьей птицы. - И покорно сложил руки на животе, словно готов был выслушать проповедь лица более высокого сана аятоллы - и внимать благоговейно и трепетно.

Бессаз принял строгий вид и хотел было уже начать в сильных, кратких, убедительных выражениях, но голос снизу помешал ему:

"Надо сказать старосте, что он забыл у нас посох, когда был здесь позавчера и учил нас, как одурачивать судью..."

Бессаз напрягся было, но сделал вид, что не расслышал, старик же пожал плечами, как бы прося не верить этому бреду.

- Итак, я заявляю: тщательное расследование, - начал было Бессаз, но поморщился от внезапной боли в спине, - показало... мною достоверно установлено, что прикованный был казнен за воровство и безнравственность. Этот злобный мушрик украл огонь, чтобы поклоняться костру, в котором кружат в бешеной пляске дьяволы... огню, в котором обжигаются глиняные истуканы... Этим он осквернил свою душу и нарушат законы истинной веры, которая спасает от гибели. И всякого, кто пытается переступить закон, ждет высший суд... "Божий суд - долгий суд, бог долго терпит, да больно бьет", решил было

заклЮчить молодой судья, но, увидев испуганные глаза старосты, солидно кашлянул.

Кратким был Бессаз и, как желал того имам, сказал просто и прямо, уверенный, что вселил страх в своих невидимых слушателей. И стоял, напрягая слух, но так и не услышал ничего в ответ, ни стопа, ни раскаяния, ни слов, осуждающих прикованного.

Затем послышалось похoжее на бормотание, кажется, женский голос поругал какого-то Дурды, пристающего к ней, но потом тот же голос сладостно вздохнул, прошептал: "Дурлы... Лурлы... Джан-Дурды [Джан - душа]..."

Староста поспешил благодарно кивнуть Бессазу и взял его под руку, чтобы спуститься вниз.

- Почему же они молчали? - недоумевал Бессаз, боясь, что неубедительно высказался и староста остался недовольным.

- Это так кажется, - мягко улыбунулся старик. - Они всегда молчат, но это не значит, что сказанное пропало втуне. Они думают, безмолвные, и это важно. Думают с тоской, напрягая ум. И это все, чем они могут ответить нам...

После его слов Бессаз легче зашагал по крышам и был доволен, что больше не услышит этих невидимок, хотя и оставляет их в глубоком раздумье. Как важно вовремя явиться к тем, кто погряз в равнодушии, безбожии, и кратким призывом заставить их призадуматься. И Бессаз почувствовал себя на миг человеком сильным, обладающим магической властью над людьми, хотя и не забывал, что в любую минуту его может скрутить боль.

- Будь спокойна, честь твоя защищена, - сказал староста, целуя Май-ру, - бледная и растерянная, она ждала их у ворот.

- Продолжим ужин! - вдруг крикнул Бессаз. - Немного вина еще больше украсит наш стол! - добавил он от отчаяния, чувствуя, как боль опять откуда-то из глубин разбавляет кровь и желчь.

Шумно уселись за стол, а Майра принесла вино.

- Да перестаньте хмуриться, я все уладил! - сказал ей Бессаз. Веселитесь и улыбайтесь. Я скоро уеду, к сожалению... Дела! Дела! Новые, еще более странные и запутанные, уже ждут...

Бессаз думал вином заглушить тоску и страх и, когда захмелел, увидел перед глазами красное, дьявольски веселое лицо старосты. Старик обнял Бессаза и сказал, подняв вверх длинный указательный палец, который, казалось, сведен судорогой:

- Завтра, я уверен, они снова наденут на него цепи... Вот увидите...

- Какие цепи? - не сразу понял Бессаз. - А! Кому они теперь нужны?! Пусть привязывают псов в хлевах. Плут Фаррух говорил мне об этих свирепых псах с отрубленными ушами и хвостами... Кстати, где теперь этот бедняга?

- Он уже никогда не сможет вернуться сюда, - просто сказал староста, разливая вино.

- Боже, неужели я так обидел несчастного! - притворно иронично воскликнул Бессаз.

Староста выразительно глянул на Майру и только затем приблизил к Бессазу хмельное лицо и доверительно сообщил:

- Конечно, ведь это его вы сейчас осудили перед всей деревней. Бессаз удивленно поднял брови, думая, не бредит ли старик, захмелев, но, ничего не желая знать ни о Фаррухе, ни о прикованном, взял бокал:

- Выпьем... выпьем...

Но когда выпили, староста продолжил:

- Вы и Фарруха сейчас освободили от кары, когда осудили прикованного. Только ведь мушрики думали, что вы говорите и осуждаете Фарру-ха. Прикованный и Фаррух - для них одно лицо... Как бы вам это объяснить?

- Но ведь я прогнал Фарруха, - зевнул устало Бессаз. Старик сочувственно посмотрел на него и сказал:

- Вы утомились... Я буду краток, чтобы больше не возвращаться к этой теме, а потом уложу

вас баиньки... Так вот, за день до того как обнажился прикованный, Фаррух был уличен в воровстве - угнал чужих лошадей, продал и пропил. Это был не первый случай его дерзкого поведения. Он зевал на моих проповедях, вел себя вызывающе, угрозами заставлял прозревающих снова поклоняться ансабам, словом, не внимал слову божьему. И они его слушались, ибо боялись... Я давно искал случая наказать ослушника, но Майра все выгораживала его... ибо была между ними тайная связь. - Голос старика дрогнул, но он быстро овладел собой, Майра же встала и вышла из комнаты с бесстрастным видом. - Вы мне как сын, и я вам рассказываю об этом, добавил староста, улыбнувшись через силу. - Когда Фаррух был уличен в воровстве и все требовали его наказания - и случился этот обвал на холме... Фаррух первым увидел прикованного - он бродил в это время возле холма - и сразу же явился ко мне с угрозами и требованиями. Он был сыном покойного колдуна, этот Фаррух, и посему сразу догадался, кто есть этот прикованный. Мушрики верят, что был некогда человек, который, чтобы защитить их, посягнул дерзко на самого бога... На бога, о котором я всегда говорю, что он - милостивый, милосердный, но всемогущий и карающий за грехи. И что даже в мыслях своих человек не должен помышлять против него дурное... А тут, по их верованиям, нашелся герой - мушрик, который похитил для своих братьев огонь у самого господина и согрел их, униженных, замерзших... Правда, мушрики знают, что бог покарал его за дерзость, приковав цепями к скале, но ведь огонь уже пылал в очагах и люди поклонялись этому огню так, как если бы видели в его отблесках лик самого прикованного. Пожертвовав своей жизнью, он сделался в глазах мушриков мучеником, божеством... И если бы сейчас селяне вдруг увидели, что он явился к ним на холме, пусть мертвый, весь в цепях, с пробитой печенью, представляете, какое бы началось столпотворение?! Чудо явилось! Чудо! Они бы молились этому истукану, набитому солью, этому ансабу... не знаю, мне страшно представить, что было бы... Так вот, Фаррух пригрозил, что расскажет селянам, кто есть этот прикованный, если я не спасу его от наказания за воровство... "Кроме меня, - сказал он, - никто не видел труп на скале, но если вы будете медлить, через час вся деревня будет молиться на холме, зажигая костры и принося жертвы..." Раньше, дорогой Бессаз, я не понимал смысла того, почему они приносят в жертву огню овец, загоняя их в костер сотнями. Тайно, конечно, от меня. Но после слов Фарруха мне стало ясно, что они стараются как-то смилостивить прикованного своего бога за мучения, ведь он ради них украл огонь. Орла же, который весь век клевал ему печень, доставляя великое страдание, думали они смилостивить теплой кровью овец, ибо овца для мушриков все, кормит их и одевает, одним словом - сама жизнь, вот чем они жертвовали... А те, кто принял ислам, перестали разводить овец, а занялись продажей соли, развозя ее в чужие края... Итак, если выразить мою куцую мыслишку афористично, то овца - символ веры огнепоклонника, соль же - веры мусульманина. Вот так! "Хорошо, - сказал я Фарруху, ибо знал, что мошенник исполнит свою угрозу, - я пошлю тебя на холм, но ты скройся. А селянам я объявлю, что осудил тебя за воровство заслуженным наказанием - Приковал к скале. А когда я приглашу из города судью (то есть вас, любезный Бессаз!) и он подтвердит законность моей кары, ты можешь уезжать на все четыре стороны..." Так мы и договорились. Я объявил всем, что прикованный - это Фаррух-конокрад, и прихожане мне поверили... А цепи они забрали за его долги и теперь, после вашего осуждения, вернут их...

- Они и впрямь думают, что прикованный бог мушриков и Фаррух конокрад и пьяница - одно и то же лицо? - почти беззвучно засмеялся Бессаз, не до конца задумываясь над этим презабавным случаем.

- Да, но это не все. В глубине души я думал наказать и Фарруха, когда поручал ему это бессмысленное дело. Ведь когда ты думаешь, что прилетает только один орел и ты его вдруг сразил, но вместо него тут же прилетает другой, потом третий - и так длится бесконечно, можно

сойти с ума от недоумения и загадки. Я придумал для него смерть от сумасшествия. А сумасшествие, известно, - высшая божья кара, и я, имам, присудил ему эту кару... Я очень надеюсь, что слова обвинения, которые вами сказаны сейчас на холме... Упомянув о божьей каре, вы ведь осудили не только Фарруха-коно-крада, но - что важнее - само поклонение огню в образе ослушника Фарруха... Я верю, они призадумаются. Капля камень дробит, а песчинка к чистой песчинке наполняет гнилой колодец... Это моя последняя надежда... И я пригласил вас в деревню, думая, что страх перед судьей заставит их стать на путь истинной веры... Если же нет... тридцать лет я отдал им, - растерянно пробормотал старик, и Бессаз увидел, что глаза его увлажнились.

Тихо вошла Майра и стала утешать его, целуя в бороду, но старик все повторял:

- А если нет, я уйду... странником в пустыню... Бедные мои прихожане...

- Теперь я понял, как хитро вы привязали его веревкой, чтобы не смог он сразить орла. И сошел в конце концов с ума - ха-ха-ха! В постель, в постель, - прошептал Бессаз, закрывая тяжелые веки и чуть не валясь под стол.

Но он почувствовал прикосновение заботливых рук на своем плече, а через минуту и теплоту одеяла, которым был укрыт. Подушка поплыла под его головой, и, улыбаясь, Бессаз стал засыпать под тихим успокаивающим взглядом Майры... и сквозь сон, то отчетливо, то в бредовом тумане думал о любви... а вдруг и впрямь, а вдруг такая чистая и нежная обнимет его... Он даже вспотел...

Но когда проснулся, застонав, после короткого забытья, был весь в холодном липком поту. Прислушался, чтобы понять: боль ли в теле кольнула его и разбудила. Нет, спина не болела, хотя и была тяжелой, будто одеревеневшей, - страх прервал его сон.

Сквозь бред и хмельной туман в голове послышался звон, затем тяжелый топот ног, будто обутых в соляные сапоги, чей-то визг и хохот за окном, словно танцевали, ритмично позванивая цепями...

"Прикованный, - резануло, обожгло в сознании Бессаза. - Прыгнул со скалы, прибежал... И вон, вон, корчит рожу в окне..."

Но едва он привстал, чтобы увидеть эту рожу, освещенную соляным ореолом, как забегали уже по крыше, треща в ее камышовом настиле, постукивая в балках и перекладинах...

Если все это не почудилось пьяному, вся эта бесовская вакханалия, то должен же был прибежать староста... Но старик, чей храп доносился сюда, мирно спал.

"Нет, не прикованный, - пытался успокоить себя Бессаз. - Ведь цепи-то ему еще не вернули..."

VIII

В первое время Тарази не разрешал выводить черепаху за пределы дома боялся, что заметят ее посторонние и, когда молва о чудовище разнесется по городу, от толпы любопытных отбоя не будет.

Но Абитай, видя, что черепаха в свободное от рассказов время задыхается в четырех стенах, поклялся, что ни одна живая душа из посторонних не узнает, что делается в доме, и не посмеет подняться сюда...

Тарази внял его мольбам и согласился, но с условием, чтобы гулял он с приятелем только по саду, и вот уже второй или третий день Абитай выводил черепаху на прогулку.

С вершины холма страж обозревал местность вокруг, а в саду, за оградой, в это время отдыхала черепаха в обществе Хатун - сестры Абитая. Было условлено, что в случае тревоги черепаха тут же спрячется в кустах, чтобы Абитай мог задержать постороннего...

Хатун - толстая, среднего возраста дурнушка - была в ужасе, когда увидела в первый раз столь странное существо с черепашьей мордой и человеческими руками, отвешивающее поклоны направо-налево при каждом движении. Она хотела было тут же бежать, но Абитай строго объяснил сестре, что скоро к Бессазу вернется человеческий облик и должна она все делать для того, чтобы понравиться этому душевному парню, если не хочет остаться старой девой.

- Ты бы видела, каким его привезли сюда, - немой, тощий, ну, словом, мерзость - и все тут! - доверительно шептал ей на ухо брат. - А сейчас пощупай его руки, дотронься до спины: гладкая, как у всех людей. А главное, у него голос прорезался, рассказывает так смешно и толково, умрешь со смеха... Умный человек... Ну, ступай и будь с ним ласкова, - толкал ее в бок Абитай, но у Хатун от страха лицо всякий раз покрывалось красными пятнами.

Черепаха, сидя на скамейке, ждала, кокетливо виляя хвостом, и очень переживала, видя нерешительность Хатун.

"А что, если он навсегда останется таким? - сомневалась Хатун. - А я вдруг полюблю его. Нет! Нет! - Сорокалетняя женщина, так и не вышедшая замуж, согласна была хотя бы на маленькое счастье. - Пусть у него лицо вернется, а лапы и хвост он может пока прятать - не буду замечать безобразия, - думала она, теряясь и мучаясь от надежды и неверия. - Буду сама водить его к колдунам и знахарям, может, сделают они его мужчиной, статным, сильным..."

Абитай, желая еще больше убедить ее, привел сестру и Тарази, чтобы и тот внушил ей надежду.

Держа за руку Хатун, готовую сбежать от стыда, Абитай пространно обратился к тестудологу:

- Коль скоро мы с приятелем Бессазом заранее решили позаботиться... К нему вернется человеческий облик, но ведь живое существо не может быть одно, без семьи, ибо его снова завлекут в дурные дела. Не лучше ли, подумал я, чтобы они уже сейчас переговорили с моей незамужней сестрой, женщиной, как вы сами видите, кроткой и порядочной, единственный недостаток которой простоватое лицо... Но, как говорят в нашей деревне, умелые руки прикрывают дурное лицо... Добавлю, что и Бессаз, прежде чем станет красавцем, должен изменить свой безобразный облик. Так что он и Хатун - хорошая пара...

- Похвально, - отвечал Тарази, всматриваясь в лицо Хатун. - А что я должен сделать для их будущего счастья?

- Вы должны обнадежить сестру...

- Мы стараемся вернуть ему прежний облик, - уклончиво ответил Тарази, но когда он замолчал, губы его вздрагивали, будто он продолжал говорить, но про себя, неслышно.

- Поблагодари Тарази-хана и ступай! - Абитай несколько грубовато потянул ее к выходу, но Хатун успела прошептать пожелание здоровья, удач и всяческих благ нашему тестудологу.

Уклончивый ответ Тарази хотя и успокоил ее, но мысль о том, что найдет она искусного колдуна, который заговорами вылечит ее суженого, так запала в ее сознание, что Хатун решила и сейчас заботливо вела черепаху под руку, гуляя с ней по саду.

Хотя и были они вместе уже несколько дней, Хатун вздрагивала всякий раз, если во время ходьбы черепаха нечаянно задевала мордой ее плечо. Бедная женщина еще крепче сжимала черепахе руку - единственное, что было в ней пока человеческого. Она заставила себя полюбить эти руки, но дальше рук, все остальное вызывало брезгливость, сколько бы Хатун ни старалась внушить себе хотя бы чувство жалости. Но для неприхотливой женщины, которая согласна даже на частичку человеческого, и рук было достаточно для грез и мечтаний. Потому она подолгу рассматривала руки черепахи, боясь, как бы снова не превратились они в лапы, и, разговаривая, все время поглаживала их. И еще ей нравился голос черепахи - густой, даже чуть

грубоватый, но мужской, человеческий, и поэтому она старалась больше молчать, чтобы слушать его и восхищаться.

А черепаха, чувствуя это, говорила безудержно и все, что попадет на язык, а когда второпях, словно подавившись собственной болтовней, умолкала, чтобы перевести дух, Хатун испуганно смотрела ей в рот, думая, не лишилась ли она снова дара речи. И она продолжала болтать несусветную чушь, тоном кокетливым и сладострастным...

Наши тестудологи тоже вышли погулять, хотя обычно после каждого рассказа черепахи оставались дома, чтобы поразмышлять вслух над услышанным. Проходя мимо ограды сада, они увидели, как черепаха, смешно вытянув шею, пыталась понюхать цветок олеандра и как Хатун наклоняла куст, смеясь.

Армон, обычно спокойный и выдержанный, вдруг вышел из себя, затряс кулаками и отвернулся, чтобы скрыть отвращение и сострадание.

- Надо родиться идиотом, чтобы внушить сестре... - дальше он не мог договорить, задыхался, проклиная Абिताя.

- Он, как все, надеется на лучшее, - вздохнул Тарази. - Но не знает того, что знаете вы, Армон: человеческий род происходит от разных животных или птиц. Род Бессаза, начавшийся когда-то от черепахи, уже где-то во втором-третьем колене обнаружил в крови червоточину, порчу. Каждый последующий рождался с клеймом, у прадеда Бессаза, скажем, могли быть слоновьи ноги, у Бессаза - это Копчиковый нарост. В следующем поколении гнилой крови стало еще больше. И так до седьмого колена, когда мы видим, что род вернулся, завершив круг, к тому, с чего начал, - к черепашьему облику... Бессаз замкнул цепь... Он, как и прикованный на холме, тоже пристегнут цепью...

- Значит, мы не сможем полностью... раз это неизбежно?! - Армон испугался собственной мысли.

- Не будем отчаиваться, - помрачнел Тарази. - Как бы там ни было, все равно труды наши не пропадут даром. Даже если тестудология окажется лженаукой... Но продолжим! Позовите, пожалуйста, Бессаза. - И Тарази, оставив в недоумении Армона, быстро направился к дому.

Черепаха сегодня дольше обычного просталась с Хатун и прибежала, запыхавшись, и, боясь нареканий слушателей, с ходу начала, рассказывая о той кошмарной ночи, когда казалось, что прикованный, покинув на время свое всегдашнее место на холме, начал преследовать Бессаза.

Звон цепей и топот, который раздавался за стенами дома, то утихал надолго - и тогда Бессаз, отнеся все эти слуховые галлюцинации за счет выпитого вина, успокаивался и засыпал, словно проваливался в небытие, - то снова будил его шумом и шорохом на крыше. Один раз Бессазу в ужасе послышалось, что цепями звякнули совсем рядом, в прихожей, между кухней, где спал староста, и его комнатой. Бессаз хотел было уже вскочить и крикнуть, позвать старика, но вместо этого почему-то произвольно ошупал свою спину. Опухоль стала чуть меньше, вернее, уменьшилась выше спины, зато от копчика до поясницы отчетливее вырисовывалась та твердая линия, которая уже на следующий день, отделившись, повисла - хвост.

Но Бессазу показалось, что ничего страшного с ним не произошло, день-два - и все пройдет, не стоит даже говорить о своей болезни старосте. Участливый старик пожелает осмотреть его спину, и Бессазу придется признаться, что у него нарост еще с детства, нечто вроде выглянувшего наполовину хвоста.

Конечно, все это можно смягчить шуткой, вспомнив даже выражение отца о "хвостатом мальчишке", но неизвестно, как все это воспримет имам с точки зрения веры в божественное? Не сочтет ли это карой?

"И каково будет потом мне, хвостатому судье, перед ним? - ужаснулся Бессаз. - Видно по всему, большой хитрец этот староста. Ловко подменил Фарруха прикованным, чтобы обмануть

деревню. А я болтал с ним о гашише, трубке курильщика и прочей ерунде, смеясь над богом мушриков... А сейчас он... вон опять слышен звон... Или я схожу с ума?" - так думал понемногу обо всем Бессаз, боясь от страха даже пошевелиться в постели.

Мелькало у него воспаленно, горячечно в уме - стоит ему шевельнуть сейчас рукой, как на него тут же набросят цепи...

Бессаз еле дождался рассвета, и тут, едва заворковала ранняя горлинка, напряжение и страх как рукой сняло. И он твердо решил, не беспокоя старосту, бесшумно выйти из дома, чтобы посмотреть хотя бы издали - на месте ли прикованный - и, успокоившись, еще до завтрака вернуться домой.

В нем было столько решимости и столько желания посмеяться над собственными ночными страхами, что почти не чувствовал он боли в спине, когда шагал к холму.

Странно, никто из тех, кто, наверное, завтракал сейчас в своих соляных мешках, ни словом не обмолвились, услышав его шаги на крыше. Только, кажется, еще какой-то ребенок проявил к нему любопытство, сказал, картавя: "Слышишь, кот крадется... мышка всегда виновата..." И сердитый женский голос прервал ребенка: "Ешь! Нечего прислушиваться! Тебе какое дело хвостатый кот или с отрубленным... Он уже никого не интересуется. Сказал свое..."

Бессаз делал вид, что все эти разговоры о коте не имеют к нему отношения, хотя где-то задним умом понимал, что не зря, услышав его шаги, перешли мушрики на иносказательный язык, давая, видимо, понять, что, хотя и прямо не говорят о нем и перестали им интересоваться с того момента, как Бессаз объявил об окончании расследования, все же забыть о нем сразу не могут, потому-то и говорят отвлеченно.

Пройдя дальше по нескольким крышам, он вдруг услышал удивительно знакомый голос и, не поверив, вздрогнул. И чтобы не отвлекать своими шагами рассказчика, лег на крышу, прижав ухо к тонкому слою камыша, покрытому соляной коркой, и слушал, все еще не веря, что говорит Фаррух - спокойным, даже чуть ленивым тоном человека, который чувствует свое превосходство перед слушателями. Неужели? Неужели те, кто, по словам старосты, приняли прикованного за Фарруха-конокрада и остались довольны наказанием имама, опять пустили его к себе, в круг, согреваемый со всех сторон теплом соляных стен?

- Это был Искандар Зу-ль-Карнайн [Искандар Зу-ль-Карнайн - Александр Македонский.], - рассказывал Фаррух. - И наши предки - люди бедные, которые ничем не владели, - очень удивили его. Они рыли могилы у ворот своих домов, сметали с них пыль и часто ходили к могилам, чтобы поклоняться духам умерших. Собирали траву и коренья, не желая другой пищи... Искандар прислал к царю наших предков своего эмира, призывая его к себе. Но царь наш знайте же, мой отец вычитал в свитках и книгах - и был этот прикованный! сказал: "Мне нет до него дела!" Тогда Искандар сам смиренно пришел к нему, чтобы спросить: "Как же вы живете? На чем держитесь? Нет у вас ни золота, ни других благ мира". - "Благами мира еще никто не насыщался", - ответил наш прикованный. "Тогда почему вы роете могилы у ваших ворот?" - "Чтобы они всегда были перед глазами и мы могли бы, вспоминая все время о смерти, не забывать о жизни будущей". - "Почему вы едите траву?" - спросил Искандар. "Потому что мы не хотим делать наши желудки могилами дня червей, ведь сладость кушанья не проходит дальше горла". Затем наш царь, прикованный, вынул череп, положил его перед Искандером и сказал: "О Зу-ль-Карнайн, знаешь ли ты, чей это череп?" - "Нет". - "Этот череп принадлежал царю, который обижал своих подданных - и слабых, и сирот - и все свое время отдавал накоплению суетных благ мира... И вот голова этого царя..." Потом наш прикованный протянул руку и положил перед Искандером другой череп: "Знаешь ли ты, кто это?" - "Нет". - "Этот был из справедливых царей, заботился о жителях страны. И вот его череп, хотя И из райского сада". И прикованный царь наш положил руку на голову Зу-ль-Карнайна и сказал: "Посмотреть бы,

который из этих голов ты будешь!" Заплакал Искандар и прижал царя к груди: "Хочешь, будешь моим везиром?" - "Не бывать, не бывать!" - воскликнул наш царь прикованный. "Почему?" - "Потому что все твари тебе враги из-за денег и власти, и все они истинные мои друзья из-за моей неприхотливости и бедности. Я удовлетворяюсь малым, мне достаточно этого". Искандар прижал нашего царя к груди, и поцеловал его между глаз, и ушел...

Бессаз еле дослушал все это, удивляясь не самой истории (не знал он, что всякого рода байки рассказывают мушрики не вечерами, на сон грядущий, а на заре, перед выходом из дома), а тому, что слышит голос Фарруха, который, казалось, уже давно блуждал на той плоскости земли, называемой "Барса-кельмес". Приступ сильной боли не дал ему сразу подняться, чтобы поскорее возвратиться в дом. Он даже забыл, зачем спозаранку поднялся сюда, хотелось одного - лечь опять в постель.

Благо старик не заметил его возвращения, и Бессаз, тихо пройдя к себе, растянулся на постели и тут же забылся, да так тяжело, будто потерял сознание.

Проснулся он от какого-то шороха над головой, но никак не мог повернуться, чтобы посмотреть наверх, ибо снова лежал в позе черепахи, прижавшись животом к кровати.

Наконец ему удалось лечь так, чтобы увидеть стоящего над ним старосту, - старик только что задернул занавеску на окне и спускался теперь с лестницы. Сверху он пристально всматривался в позу, в которой Бессаз лежал, но, встретившись с ним взглядом, быстро сделал шаг назад.

- Доброе утро, - через силу улыбнулся он. - Вы всю ночь кашляли, и я поспешил задернуть занавеску, чтобы вас не продуло...

- Да, я, кажется, простыл, - пробормотал Бессаз, еле открывая слипшиеся губы, и деланно кашлянул.

- О, совсем плохо! - засуетился староста. - Я скажу Майре, чтобы она напоила вас горячим молоком.

- Да, будьте любезны, - сказал Бессаз, желая поскорее избавиться от него.

"Неужели он видел, как я корчился от боли?" - испуганно пощупал Бессаз свою спину: не открылся ли халат от бархатанья в этой нелепой позе и не заметил ли староста еще и копчик.

Но халат слегка свернулся, открывая его спину, да и мало ли в каких причудливых позах спят люди?

- Помню, отец мой, - сделала небольшое отступление черепаха, - всегда спал, подложив под шею дощечку, обшитую бархатом. Так что спущенная голова его почти не была видна, если смотрели на него спереди. Что-то творилось с его шеей, то ли она высыхала, то ли покрывалась пятнами, словом, он боялся показывать ее. И однажды, еще в детстве, когда он взял меня с собой в баню, я увидел, что он купается, не снимая с шеи какой-то черный чехол, сшитый как воротник... Прошу прощения, - извинилась черепаха и продолжала рассказ с того места, как староста оставил Бессаза одного, чтобы пойти на кухню.

И хотя Бессазу не хотелось молока, он терпеливо ждал, боясь, как бы староста не догадался о его истинной болезни, пусть думает, что у его гостя обыкновенная простуда.

Но время шло, а Майра все не приходила, и Бессаз подумал, что не очень-то удобно встречать ее, лежа в постели, - оделся, прислушиваясь к шуму за дверью.

А слышались какая-то возня и хохот, и Бессаз вначале не поверил этому, ибо странное поведение хозяев в столь внимательном и деликатном доме было бы нелепым, тем более когда гость болен.

"Или теперь, когда я закончил расследование, они готовы ходить у меня на голове?" - подумал Бессаз с обидой, но сразу же успокоил себя: - Нет, это было бы слишком... Ведь еще вечером, дружески угощая меня, они так обрадовались, узнав, что я остаюсь еще на несколько

дней. Притворство? Сейчас я выйду к ним, и если замечу хотя бы тень лукавства, тут же уеду!" решил Бессаз и, тихо открыв дверь, заглянул в коридор.

И, продолжая слышать возню, крадучись, прошел по коридору и заглянул в комнату Майры, поразившись той нелепой картине, которую увидел.

Староста растянулся на кровати, точь-в-точь копируя позу, в которой застал утром Бессаза. Майра возвышалась над ним, стоя на лестнице, а когда старик распростер руки, изменив позу, она со смехом сказала:

- Паук!

Староста тоже захохотал, кривя беззубый рот, и лихо подогнул под себя ноги. И снова вопросительно повернул лицо к дочери, ожидая ее похвалы.

- Варан! - воскликнула она.

У Бессаза от оцепенения, кажется, мускул не дрогнул на лице. Не помня себя, он попятился в свою комнату, представляя, какую они гримасу состроят, будут лгать и изворачиваться, если увидят, что Бессаз вдоволь наслаждался этим спектаклем.

- Хватит с меня, - прошептал он и снова лег, укрылся одеялом, не зная, как быть теперь и что думать обо всем этом.

"Ловко же он. меня копировал, - еле сдержался от нервного хохота Бессаз, - даже перещеголял, изображая паука... У самого в устах после каждого слова: "Господи, помилуй..." Что ж, я сам виноват, надо было знать, у кого идти на поводу... буду умнее".

И, вдруг вспомнив, как лежал староста в позе варана, захохотал, уже не в силах сдержать себя.

Майра тут же вбежала к нему с чашкой молока и удивленно уставилась на Бессаза.

- Простите, молоко скисло, и мне пришлось сбегать за свежим в деревню, - сконфуженно проговорила она и обернулась, увидев в проеме двери голову отца, на ходу приглаживающего свои жиденькие волосы.

Конечно же они услышали, как Бессаз хохотал, иначе не прибежали бы сразу оба, растерянные.

- Как вы себя чувствуете? - спросил староста робко.

- Спасибо. - Бессаз кашлянул.

- Мне показалось, что кто-то смеялся, - пробормотал староста и, подойдя к окну, посмотрел на улицу.

- Кажется, это была женщина, - ответил Бессаз и, надув щеки от досады, чуть приподнялся с постели, стараясь тоже заглянуть в окно.

Староста что-то неслышно пробормотал, затем решительно направился к двери, бросив на ходу:

- Это на улице. Сейчас узнаю...

А Майра осталась в растерянности, и, когда Бессаз предложил ей сесть, она опустилась на стул жеманно, облегченно вздохнув.

- Пейте, пожалуйста, - с настойчивостью хорошей сиделки сказала она и поднесла к его губам чашку.

Бессаз глотнул молоко и, беззаботный, растянулся снова в постели.

- Пока отец выясняет, кто там смеялся, поговорим о Фаррухе, - игриво сказал Бессаз и заметил, как она вздрогнула и сделала невольный защитный жест, умоляя не начинать этого разговора. - Что вас взволновало? язвительно пробормотал Бессаз и сжал ей руку, как бы желая применить силу.

- Что вы хотите узнать? - вызывающе сомкнула она тонкие губы, отчего лицо ее сделалось злым.

- Вас что-то с ним связывало?

- Нет, это людские пересуды. Он добивался моей руки, пользуясь тем, что вокруг нет ни одного достойного мужчины...

- Ах, вон оно что?! - Бессаз призадумался и даже прикусил кончик пальца. - Хам, пользуясь обстоятельством, старался что-то выгадать для себя! - Бессаз готов был вскочить и, заложив руки за спину, ходить взад-вперед по комнате в негодовании, но испугался приступа и остался лежать в постели.

"А что, если я накажу ее отца, оставив его в полном одиночестве? За столь предательское, коварное поведение", - подумал Бессаз и неожиданно предложил Майре, глядевшей на него пристально:

- Хотите, я увезу вас в город? Здесь вы зачахнете. Словом, что вас уговаривать?..

- А чем я там буду заниматься? - с готовностью откликнулась она, но отдернула свою руку.

- Трудно сказать заранее... Но хуже не будет.

Она сделала вид, что мучительно думает и уже склоняется, но вдруг сказала со всей страстью любящей дочери:

- Больной отец... Я не могу его оставить...

- Ничего, ничего. Вам надо думать и о себе. Женщины быстро вянут...

Она поправила волосы, как бы желая еще больше приглянуться Бессазу, но в задумчивости села ровно и прямо, положив руки на колени, словно Бессаз хотел навсегда унести с собой в памяти ее прелестный силуэт.

- Впрочем, я могу приехать за вами и после. - Бессаз залпом выпил молоко, давая понять, что так они и порешили.

А шумный и возбужденный староста ворвался в комнату и снова подбежал к окну, мельком бросив взгляд на Майру.

- Ясно, откуда идет шум, похожий на смех. Видите, вон на дереве висит кусок коры... от порыва ветра так гнется, будто хохочет.

- Я это тоже заметил, - сказал Бессаз, но, желая хоть чем-то досадить старику - лживому, коварному, добавил: - Хотя, впрочем... У вас тут все не как в нормальных деревнях. Ветер разгонится издалека, по гладкому песку, мчит, думаешь - сейчас все повалит буран... Ан - нет! Пшик, скрип - и вся его сила! Или, скажем, тот же Фаррух... Лежишь, думаешь, где он сейчас, бедолага, небось уже совсем высох от жажды в песках "Барса-кельме-са" и остался торчать лишь его голый скелет, на котором сидит в задумчивости коршун... Нет! Он преспокойно завтракает у себя дома и рассказывает всякие небылицы...

Старик слегка смутился, услышав о Фаррухе, - и только. И чтобы ответить поубедительнее, начал не с прямого ответа, а как бы пожурил Бессаза:

- Зря, зря вы на рассвете вышли легко одетым... Я хотел окликнуть вас, но не успел... Молодые совсем не берегут свое здоровье. И поверьте моему опыту: простуда - это далеко не безобидная болезнь...

Чтобы прервать его назидательный тон, в котором сквозило притворство, Бессаз сказал:

- Фаррух рассказывал о Зу-ль-Карнайне и прикованном...

- Это не Фаррух, - мягко улыбнулся старик. - Уверю вас... Не могу с точностью сказать, сидит ли сейчас на его черепе коршун, как вы красочно обрисовали картину... Но смею вас заверить, что это был Дурды... чревовещатель... Он подражает не только голосам птиц, завыванию волка, но может точь-в-точь копировать голоса людей, особенно мертвых...

- Отчего же мертвых? Что за болезненное пристрастие у вашего певца?! подозрительно глянув на старика, усмехнулся Бессаз.

- Это не болезненное... Это просто часть жизни мушриков. Они не представляют себе, что

мертвые удалились от них и больше никогда не вернуться. Им кажется, что мертвые вместе с ними. И когда им хочется послушать кого-нибудь из мертвых, чревовещатель Дурды рассказывает его голосом... Сегодня им, должно быть, приснился Фаррух, и, проснувшись, они сразу же позвали к себе в круг Дурды...

- Возможно, - недоверчиво изрек Бессаз. - Но ведь сам рассказ? Разве он вяжется с умонастроением конокрада и пьяницы Фарруха? Будто бы Искандар желает сделать прикованного своим везиром, обещая ему богатство и почет. Но тот отказывается от суетных благ этого мира. Желает все время питаться лишь верблюжьей колючкой и кореньями и, оставаясь бедным, не вызывать ни в ком зависти и злобы... Но, простите, это ведь идеал нашей веры - кротость, неприхотливость, желание не гневить никого... И при чем здесь мушрик Фаррух? Все это рассказывалось в таком духе, будто Фаррух - уже давно истинный мусульманин... хотя, с другой стороны, делать из прикованного бога мушриков - праведного, святого отшельника - тоже кощунство...

Старик улыбнулся так, будто на все вопросы Бессаза давно имел готовые ответы, обдумывал их годами и теперь с готовностью опровергал его сомнения.

- Да, вы правы, в их суждениях много путаницы, - сказал староста. - Но все это оттого, что они блуждают, ищут истину... А о Фаррухе я уже вам как-то говорил, что он больше склоняется в сторону нашей веры, и вполне логично, что чревовещатель рассказывал его устами о некоторых догматах ислама... И прикованный, естественно, должен выглядеть в этой истории чуть ли не святым ислама - ведь говорит-то о нем Фаррух... Впрочем, они знают десятки вариантов истории встречи Зу-ль-Карнайна с прикованным. В одном рассказе все наоборот, Зу-ль-Карнайн - наш святой, а прикованный непоколебимый мушрик. Зу-ль-Карнайн уходит побежденный его доводами. В другом рассказе - оба мученики, и здесь они, естественно, говорят в один голос и в конце уходят, обнявшись, чтобы сразиться с воинами нашей веры... Словом, смысл истории встречи Зу-ль-Карнайна с прикованным меняется в зависимости от того, чьим голосом говорит сегодня чревовещатель... Простите, я, кажется, утомил вас... Отдыхайте, пожалуйста... Ведь впереди нас ждет охота на тигров, - закончил старик и, резко повернувшись, вышел.

Майра тихо пошла следом за ним, а Бессаз стал думать, как бы ему поскорее уехать, а заодно и наказать на прощанье старосту, который, изображая варана, сам оказался не меньшим искусником, чем тот чревовещатель.

"Наказать его надо одиночеством, - твердо решил Бессаз и уже видел в мечтах картину: больной, покинутый всеми староста не может подняться с постели, чтобы выпить глоток воды, - последние дни его пройдут в муках и страданиях. И поймет он, что прожил бессмысленную жизнь - так и не сумел обратить мушриков в истинную веру.

Словом, Бессаз наслаждался, жестоко размышляя над тем, отчего он снова так возненавидел старосту, которому еще вчера клялся в верности.

- Теперь-то я знаю, господу тестудологи, - вставила болтливая черепаха, - причину смены моего настроения. Что-то менялось в моем сознании, да и в самом характере, и к утру следующего дня, когда у меня отделился со спины хвост и стал торчком, я понял, что был уже наполовину черепахой.

Весь день Бессаз провалился в постели, засыпал и лишь на короткое время просыпался, чтобы поесть. В нем не было уже прежней энергии и суетливого подъема, в котором жил он в первые дни своего приезда в деревню.

- Меланхолия, не свойственная мне как человеку, была состоянием черепахи. И это я подчеркиваю, чтобы возбудить ваши научные размышления! воскликнула черепаха и добавила с тоской: - А теперь о хвосте...

Едва Бессаз проснулся на следующее утро, почувствовал: что-то там ворочается под ним, доставляя хлопоты. Думая, что это свернулось одеяло, Бессаз просунул руку и тут же поймал нечто твердое - вскочил, и за ним по комнате пустился хвост, болтаясь между ногами и касаясь кончиком стен и кровати.

Странно, Бессаз не закричал. Он лишь прыгал и махал руками, желая поскорее избавиться от хвоста, будто он приклеен - липкий, скользкий, противный. А потом испугался, подумав, что может повредить, поцарапать свой хвост, прыгая по комнате. А вдруг он и впрямь оторвется?

Бессаз представил, какая это будет адская боль, и похолодел от ужаса. Ведь что ни делай, а хвост уже часть его тела, как голова, ноги, уши...

Бессаз запер дверь на задвижку и, осторожно взяв свой хвост за кончик, стал рассматривать его, потом измерил - он оказался длиной в кисть руки и черный, покрытый тонкой шерстью.

На спине, где вчера был нарост, виднелась ярко-красная полоса, но уже покрытая кожей, - видно, хвост его, затвердевая внутри нароста, безболезненно отделился за ночь, чтобы свободно болтаться. Так стоял Бессаз, разглядывая свой хвост и привыкая к нему, и теперь он не казался ему ужасным, как в тот момент, когда он вскочил с кровати.

Новое чувство охватило Бессаза, и было оно похоже на состояние матери, родившей маленькое, беспокойное существо - смесь восторга и жалости.

- Да, господа ученые, не смейтесь! - сказала черепаха. - Это был мой ребенок, пусть нелепый, но он вырос из моей сущности, из моего тела...

И первое, что захотелось сделать Бессазу, - хорошенько помыть свой хвост, ибо шерсть слиплась в темно-коричневые комки. А он желал иметь гладкий, холеный, надушенный, как и усы, индийской розовой водой...

Но как это сделать незаметно для посторонних: ведь в умывальную комнату надо пройти мимо кухни, где сидит сейчас староста. И как искусно, одеться, чтобы контуры хвоста не вырисовывались из-под рубашки?

Боясь испачкать всего себя невымытым еще хвостом, Бессаз брезгливо подогнул его к спине, и завязал поясом ("Точно так, как сейчас он привязан!" - сказала черепаха), и оделся. Постоял немного за дверью, прислушиваясь к голосам Майры и старосты, и решил выйти наружу.

Кажется, его не заметили, ибо он не услышал традиционного утреннего приветствия и вопросов: как спалось? Не желаете ли яичницы на бараньем сале?

"Теперь надо будет питаться по-другому, - озабоченно подумал Бессаз, открывая дверь умывальной и наклоняясь над тазом с водой. - Может, травой, яйцами диких голубей... Боже, хлопоты!"

Умывшись, Бессаз стал приводить в порядок хвост и сделал его наконец чистым и гладким. И тщательно разгладил потом гребнем, и пушистый хвост торчал, как у породистого кота. Снова привязав его поясом, Бессаз решительно вышел из умывальной и объявил хозяевам:

- Я хочу сразу же после завтрака уехать!

Староста и Майра прибежали, растерянные, с сожалением глядя на него, и старик робко спросил:

- А как же охота? Я уже приказал накормить лошадей отборным зерном...

- Накормить? - не понял и побледнел Бессаз, словно речь шла о его завтраке, из смеси человеческого и животного корма. - Лошадей... Но мне уже завтра надо непременно быть в городе. Начальство ждет... А оно, известно, не любит... - почему-то вспомнил, как старик изображал варана, и не договорил, проглотил обиду Бессаз.

Об отъезде без промедления он подумал в умывальной комнате, испугался, как бы следом за хвостом еще что-нибудь не выросло, может, даже более внушительное, скажем, ослиные уши... Чтобы прервать надоевшее ему притворство, сожаления, просьбы, Бессаз повернулся и ушел к

себе складывать вещи.

Вскоре староста принес ему яичницу - сгорбленный, жалкий, делая вид, что расстроен безутешно. Потоптался немного возле Бессаза, повздыхал, пока тот ткнул острием ножа пузырь желтка, затем вдруг сделался таким важным и официальным, что Бессаз даже вздрогнул.

- В таком случае, - сказал староста, - я должен вернуть вам документ, чтобы вы отдали его по назначению.

- Что за документ? - спросил Бессаз с неудовольствием, рассматривая бумагу, которую староста сунул ему прямо под нос.

- Я написал на обороте... подтвердил, что вы хорошо справились со своим делом, - заявил староста и развел руками, как бы говоря: ничего не поделаешь - долг! служба!

- Что за чушь?! - закричал Бессаз, чувствуя, что попал в двусмысленное положение.

Пробежав глазами по написанному, он понял, что документ этот был заранее направлен старосте с приказом доложить, как Бессаз расследовал дело и удовлетворен ли этим староста? Ниже стояла печать, но совершенно неразборчивая из-за того, что была наложена на другую печать, плохо смытую. Так что обе печати не называли имя отправителя, хотя документ был подлинный, написан официальным шрифтом эмирского учреждения.

Должно быть, документ был составлен одним учреждением, но текст его показался не вполне убедительным второму, более высокому начальству. И чиновники, чтобы сэкономить бумагу, решили просто стереть первый текст и поставить свою печать, но делали это, видимо, второпях и так неуклюже, что смазали обе печати.

Бессаз наконец поднял и голову и посмотрел на старосту, как бы оценивая его силу. И хотя Бессаз уже и раньше думал о возможных связях старосты с сильными мира сего, но такого оборота не ожидал. Ведь в самом деле странно: человек ниже его по положению должен давать оценку его работе - устроила она его или нет?

Бессаз еще раз глянул возмущенным взглядом, но староста не отвернулся, выдержал, и на лице его была лишь напускная замкнутость.

Корявым почерком староста уже нацарапал на оборотной стороне бумаги лишь два слова, лаконичных, но полных достоинства: "Весьма доволен", что заставило Бессаза криво усмехнуться.

"Конечно же доволен, - мелькнуло у него, - ведь я объявил преступником человека, посягнувшего на власть самого бога. А это значит, стал на сторону власти земной, с ее поганым старостой, с кривоногим моим начальником-взяточником, с самим Денгиз-ханом, который за ничтожную плату развлекает путешественников... Но не сделай я этого, староста написал бы другое - приговор, - и не знаю, смог бы я тогда вообще вернуться в город, может, прямиком указали бы мне путь в "Барса-кельмес"?"

- Благодарю вас, - подчеркнул вежливо сказал Бессаз. - Мне только хочется узнать: кому я должен вернуть документ?

- Я думал, вы знаете, - ответил простодушно староста.

- Печать неразборчива, - пробормотал и снова глянул Бессаз на документ.

- Мне тоже так показалось... Я долго ломал голову и вот что решил: документ имел бы силу, если бы вы плохо справились со своим делом. Тогда, наверное, я не должен был бы передавать его вам в руки, а ждать, что за ним приедут. Но коль скоро вы провели дело хорошо, документ не обязательно должен быть возвращен, а остается у вас как своего рода благодарность...

- Что ж, мне остается лишь попрощаться с вами, - облегченно вздохнул Бессаз, вставая и незаметно при этом ошупывая спину: выглядывает ли наружу хвост?

Староста расчувствованно протянул к Бессазу руки, обнял его, и поцеловал в лоб, и с минуту еще стоял, уткнувшись носом в его плечо, как раскаявшийся. Затем вышел из комнаты,

и, поспешив следом, Бессаз увидел, что . лошадь его уже стоит возле дома и гарцует нетерпеливо...

Боясь, что у него может лопнуть пояс и выглянуть хвост, когда он важно сядет в седло, как подобает столичному чиновнику, Бессаз вскочил на лошадь, на ходу подбирая под себя хвост, - к счастью, никакого конфуза не получилось...

Майра стояла у порога и заговорщически улыбалась Бессазу, как бы прося все время помнить ее.

- Прощайте! - махнул им Бессаз и быстро, прямо с места, пустился га- , лопом...

Староста побежал немного за его лошадью, но отстал и долго смотрел Бессазу вслед, степенно и важно поглаживая патриаршую бороду...

IX

- И я поехал, - сверкнув увлажнившимися глазами, продолжала рас- , сказ черепаха. - Ехал и радовался, что остался живым в этом адском месте... Если не считать недоразумения с хвостом, в остальном все обошлось не так уж и плохо. А хвост - это не самая высокая плата, мог расплатиться и, службой, и свободой, если бы староста выразил свое неудовольствие. Хвост, рано или поздно, должен был отрасти из копчика... - И, слушая, как торопливо, волнуясь, говорит черепаха, тестудологи узнали, что, проезжая мимо холма, Бессаз придержал лошадь и, приподнявшись в седле, глянул наверх, туда, где висел прикованный.

Он снова держался привязанный цепями, тщательно, со знанием дела прикрепленный к скале, как и в первый день приезда сюда Бессаза.

Прав оказался староста - стоило Бессазу осудить курильщика гашиша, вора, а с ним и заодно конокрада Фарруха, как мушрики тут же вернули це-, пи обратно.

Соляное облако окутывало скалу, и, оседая, пар покрывал прикованного и затвердевал. Пройдет немного времени, и соль совсем закроет прикованного и ту часть скалы, которая обвалилась. И холм снова округлится в своем прежнем очертании и будет стоять так годы, а может, столетия, храня в себе тайну дней, проведенных здесь Бессазом в заботах и волнениях.

"Хотя, впрочем, кто знает, - взгрустнул Бессаз, - завтра ударит гроза, и польется сильный дождь, и прикованный снова обнажится. И сколько новых преступлений будет списано старостой на счет несчастного бога муш-риков! Ну, дьявол с ними со всеми! Надо ехать!"

Отъезжая, Бессаз заметил на холме и орла с ворованным куском в клюве и подумал, что, когда прикованный покроется солью, стервятник, уже наученный опытом, снова найдет к его печени лазейку, чтобы клевать, клевать без усталости...

Обогнув холм, Бессаз удобно прижался к седлу, ибо путь был далек и утомителен - через пески, пески... И так до темноты - по местности совершенно безлюдной.

Но не успела лошадь пройти и сотню шагов, как увидела человека, преспокойно лежащего на гребне бархана, испуганно фыркнула. А когда подвезла к нему Бессаза, человек лениво поднялся, и Бессаз, нисколько не удивившись, узнал в нем Фарруха. В последние дни вкралось в его душу подозрение, что изгнанник скрывается где-то в окрестностях деревни, преспокойно живя в ожидании расследования...

Угрюмым и надменным видом своим Фаррух, казалось, упрекал Бессаза за то, что он дольше, чем тот рассчитывал, задержался в деревне. Сдержанно кивнув Бессазу, он молча зашагал рядом с его лошадью.

Бессаз ждал, что он заговорит первым, Фаррух же, бросая на него недовольные взгляды, упорно не раскрывал рта. А когда прошли они большое расстояние, Бессазу надоела эта игра, и он решил прогнать прочь Фарруха...

- Вы куда? - хмуро спросил он.

- Как? Вы ведь обещали старосте взять меня с собой в город, - искренне удивился Фаррух, сразу же сделавшись кротким.

Его наглость так возмутила Бессаза, что он не знал, как ему ответить, - лишь пробормотал проклятье. Но потом тут же смекнул, что это прекрасный повод проучить Фарруха, так же жестоко, как и старосту. Взять его к себе в работники, потом жениться на Майре, и чтобы плут, страдая, прислуживал им обоим. Заметив малейшую оплошность, Бессаз будет бить его по щеке на виду у Майры, руки которой он так добивался. Это будет еще худшим наказанием, чем то, которое он избежал в деревне.

Пока Бессаз зловеще обдумывал все это, Фаррух, уверенный, что все идет, как они договорились, зашагал веселее. И ответ Бессаза, правда рассчитанный на то, чтобы унижить Фарруха, подтвердил это:

- Да, я обещал старику... хотя и имел удовольствие наблюдать за вами. Там, на холме... Но, уважая старосту... - Бессаз не договорил, спросил: Где же ваши пожитки?

- Все отняли у меня односельчане. Цепей на прикованном, видите ли, показалось им мало... Тогда они поделили между собой и все мое имущество... что с лихвой покрывает цену целого табуна лошадей... хотя Дурды, грех которого они свалили на мою голову, украл у них всего одну старую клячу...

- Дурды? Кто это? - притворился, что не знает, о ком речь, Бессаз. Фаррух почему-то уклонился от прямого ответа и продолжал:

- Но я видел, что они люди совестливые, не желающие брать и лишнего медяка, вновь заковали труп цепями и кричали: "Видишь, нам ничего твоего не нужно, Фаррух ибн-Шааби!.." Клянусь богом нашим прикованным, они так кричали! - криво усмехнулся Фаррух.

- Так он стал моим слугой, господи ученые! - с печалью молвила черепаха. - И вы уже слышали, как я не раз проклинал тот день, когда встретил его. Вы видели, каков он из себя, Тарази-хан, когда остановились в моем постоялом дворе... Но не буду отвлекаться, тем более что исповедь моя уже близится к концу...

...Вечером Бессаз благополучно вернулся домой, но узнал, что отец сильно прихворнул. Он уже давно жаловался на боли в горле, но почему-то упрямо не показывался ни врачам, ни знахарям и, когда Бессаз заводил о них разговор, почему-то хмурился и обреченно вздыхал. Наверное, он считал лечение занятием бесполезным, а болезнь свою настолько запущенной, что отдался воле судьбы.

Недуг мучил отца с давних пор - ведь Бессаз еще в детстве заметил, что моется он в бане в воротнике, закрывающем шею. Может, он уже тогда советовался с врачами и те беспомощно развели руками?

Больной отец, лежа в постели, долго смотрел Фарруху в глаза, затем перевел взгляд на сына, и Бессазу показалось, что хочет он сказать: не нравится мне этот тип, смотри, как бы он не сделал тебя несчастным, завладев нашим имуществом, и не выгнал тебя, нищего и голодного...

Жаль, что у него уже пропал голос и он не мог вразумительно втолко-, вать обо всех своих предчувствиях и опасениях сыну. Только дал понять Бессазу, чтобы отныне он занимался делами постоялого двора, и показал свое завещание.

Расстроенный Бессаз ушел от отца, не зная, за что ему взяться и с чего начать. Но выяснилось, что Фаррух прекрасно разбирается во всем, что касается содержания двора, учета и расчета, и в прочих делах, будто он, еще вчерашний мушрик из проклятой богом деревушки, давно промышлял в городе и до тонкостей разбирался во всех хитросплетениях торговли. Был к тому же послушным, исполнительным, но одного не понимал Бессаз, почему это он, проходя всякий раз мимо, суетливый и деятельный, с метлой в руке или ведрами, обязательно, как бы

невзначай, задевал его спину, извинялся, проклиная себя за неуклюжесть...

- Теперь мне ясно, - пояснила, криво усмехнувшись, черепаха, - что мошенник таким образом ощупывал мою спину и хвост, ибо староста рассказал ему о том, что со мной творилось. Ведь не зря же он показывал, в какой позе я лежал и хохотал вместе с Майрой. О, каким пронизательным оказался имам! Он уже заранее знал, что у меня еще и спина закроется панцирем... Я же, глупец, был уверен, что, кроме хвоста, ничего в моем теле теперь не изменится, - думал я: закончится суета с наследством отца - и я займусь лечением; знахарь безболезненно удалит мне хвост... Слышал я, что бухарские знахари убирают, не оставляя следов, не только хвосты, но и лошадиные уши у порядочных граждан... Вы же, Тарази-хан, скажу вам без лести, делаете это лучше самого искусного колдуна!

Отец Бессаза Прожил еще день. Под утро Бессаз вдруг проснулся, застонав от дурного сна, - лихорадило, и он долго не мог успокоиться.

В дурном предчувствии Бессаз побежал в комнату отца - его труп, уже окоченевший, был в такой позе, будто отец сам задушил себя, крепко сжав руками горло.

Бессаз крикнул и выбежал, чтобы позвать Фарруха, но внутренний голос задержал его. Он вернулся к покойному и долго не мог разжать ему руки.

- В бешеной лихорадке, - продолжала черепаха, - я расстегнул воротник, который он никогда не снимал, и увидел, господа ученые, что шея у него черная, морщинистая, словом - черепашья... Это наша родовая болезнь, вроде проклятия, все мы, из рода Баккал-заде, жили с черепашьим клеймом... У отца клеймо было только на шее, само тело его оказалось без единого изъяна, полностью человеческим. Никто из посторонних так и не узнал его тайны, ибо я заявил всем, что отец завещал похоронить его, не снимая воротника... мол, чудачество, связанное с его суеверной натурой...

На похороны неожиданно явился сам Денгиз-хан, что всех удивило - ведь эмир уже не выходил за пределы своего сада.

Бессаз был польщен и, чтобы показать, что служит своему эмиру верой и правдой, протянул Денгиз-хану документ, возвращенный старостой.

Денгиз-хан удивленно поднял брови, читая документ, и Бессаз понял, что вручил его не по адресу. Денгиз-хану же ничего не оставалось, как сделать вид, будто он знает о таинственном учреждении, откуда был послан в деревню документ, и сказал кратко:

- Похвально! - и передал бумагу своему телохранителю.

Бессаз же наивно ждал, что эмир непременно осудит то учреждение, которое обращается к низшим деревенским чинам, чтобы те следили за работой столичных чиновников. Но монарх, запутавший ходы к своему дворцу подземными дорогами, да так, что никто не знает, как подать жалобу или прошение без посредничества проводников, берущих за это мзду, не мог, наверное, поступить иначе.

- Вы ведь сами видели, Тарази-хан, как зарабатывают на этом проводники, - напомнила черепаха, неизвестно от кого знавшая о приключениях нашего тестудолога в городе Денгиз-хана.

Бессаз похоронил отца и, не остыв еще, сгоряча, решил исполнить свой зловещий замысел.

- Езжай и привези сюда Майру, - приказал он Фарруху. - У нас с ней уговор... Только не говори, плут, что тебе нельзя возвращаться... За эти дни, пока ты здесь, ты уже трижды успел тайно побывать в деревне... Я ведь знаю...

- Хорошо, я все сделаю, - закивал Фаррух, не удивленный и не огорченный, будто заранее знал о договоре Бессаза и Майры.

В тот день, когда Фаррух уехал, Бессаз почувствовал сильное недомогание. Ему уже давно было скверно, но он крепился и не подавал вида, а сейчас ослабел окончательно и слег. В

заботах и суете не заметил, как кожа на его спине начала твердеть, становясь бесчувственной, сильно опухли руки и ноги.

Понимая, что с ним творится что-то ужасное, Бессаз заперся и не выходил из комнаты, даже не приветствовал у ворот каждого въезжающего в караван-сарай торговца, что входило в этикет всех хозяев постоянных дворов.

- Тело мое корчилося, меняя форму, - вздохнула черепаха, - и я уже не мог ходить, лишь ползал на четвереньках. Пощадите меня, Тарази-хан, избавьте от рассказа о подробностях моего полного танасуха, вам и так все ясно... Добавлю только, что когда я стал черепахой, больше всего испугался не за себя, а за Майру. И, услышав во дворе голос Фарруха, решил, что он привез Майру, и в панике бросился, пробил дыру в стене панцирем и выполз наружу... и вскоре на пустыре был пойман вами, Тарази-хан, за что я благодарю господу... Простите за мелочность, хотел давно спросить вас: Фаррух был с женщиной?

- Я не видел никакой женщины, - сказал Тарази так, будто это не имеет никакого отношения к рассказу.

- Слава богу! - обрадовалась черепаха. - Значит, Фаррух не смог за~ владеть Майрой... А как он вел себя, презренный, когда узнал, что я исчез? ..

- Был сдержан... вроде опечален, - снова нехотя ответил Тарази.

- А как вы думаете, почему Денгиз-хан поручил вам увести меня? Уверен, что Фаррух знал о моем танасухе и заранее договорился с ним. Через того проводника, который повел вас к дворцу... Чтобы поделить чужое, у нас низкий слуга может найти союзника среди высоких вельмож, не удивляйтесь...

Черепаха посмотрела на тестудологов, желая понять, какое впечатление произвел на них рассказ, но, вспомнив еще что-то существенное, повела себя странно, схватила Тарази за руку, и тот наклонил к ней ухо, чтобы слушать.

- Да, вот еще что! В нашей семье из уст в уста передавали, что род свой мы ведем от черепахи. В год черепахи мы устраивали веселье, все танцевали вокруг костра, постукивая в черепаший панцирь, как в барабаны, и ползали на четвереньках с повязками на глазах, бились лбами... Думал я раньше, что это просто суеверие... забавная игра... А оказалось, что все мы носим клеймо, чтобы природа не забывала возвращать нас к праматери Черепахе... Я же как раз оказался последним по счету и, как видите, истратил все человеческое...

Часть третья

I

Сутулый мужчина, слабого телосложения, сквозь халат которого вырисовывалось брюшко, наеденное благодаря уходу Абитаю, предстал перед нашими тестудологами. Он второпях натягивал через облысевшую голову рубашку, когда вошли Тарази и Армон, и им пришлось в нетерпении ждать, чтобы увидеть его лицо, неожиданно оказавшееся приятным, хотя и строгим, с проседью на усах.

"Ему уже под пятьдесят", - мелькнуло у Тарази, и он всматривался в Бессаза, будто не мог привыкнуть к этому, хотя подсчеты, прибавление к его двадцати семи годам - каждый раз десяти лет - после первого лечения, второго, были платой за то, что природа позволяла вмешиваться в свой порядок, в раз и навсегда установленную череду лет для каждого существа...

Бессаз же от восторга не знал, что сказать, и глядел на вошедших широко и удивленно; словно видел в их зрачках свое увеличенное отражение, которым не мог налюбоваться.

Тарази, сдерживая волнение, шагнул к Бессазу, стоящему уже не в черепашьем облике, и поспешно, будто торопился куда-то, сказал:

- Ноги покажите!

Бессаз, чуть смущенно, поднял штанину и показал свои загорелые ноги. Тарази пощупал левую, потом правую ногу за икры и, довольный, отметил:

- В порядке! Присядьте, сложите руки. Поясница не болит?

Бессаз делал все с добросовестностью ученика, жаждущего похвалы. Но тестудолог, наблюдая за его жестами, все больше мрачнел и под конец даже как будто обозлился.

- Быстрее! - поторапливал он Бессаза, словно решил поиздеваться, как издевается хозяин цирка над дрессированным, если представление не удалось на славу. - Голову вверх-вниз!

Затем он поманил Бессаза к окну и стал хмуро всматриваться ему в лицо, отчего Бессаз боязливо заморгал глазами.

Он толкнул Бессаза в бок, схватил его за щеку, натянул кожу, да так, будто проверял, лопнет она или нет. На щеке Бессаза появились красные пятна от его пальцев, но когда пятна побледнели, лицо снова приняло болезненно-матовый, бескровный вид маски.

И улыбка на его губах, едва появившись, сразу гасла, и даже, когда Бессаз засмущался, лицо его почему-то выразило противоположное чувство нахальную ухмылку. Будто все его чувства смешались, перепутались - и Бессаз теперь искаженно воспринимал все, и любого, кто говорил с ним, выражение его лица вводило в заблуждение.

"Ничего удивительного, - сказал себе Тарази, - ведь он воскрес из мертвых..."

- Ладно, - досадливо махнул он рукой. - Раздевайтесь!

- Как?! - невольно вырвалось у Бессаза. - А я ведь был рад, что оделся наконец, вы меня поймете... - не терпелось разглядеть себя, ощупать руки, ноги, голову... Но главное - скорее показаться Абитаю и Хатун, которые ждали его за домом, - об этом Бессаз умолчал, хотя для Тарази это было ясно с самого начала.

Тарази кивнул, но, видя, что Бессаз медлит, нетерпеливо расстегнул ему пуговицы, и Бессаз поспешно растянулся на кровати, раздевшись.

Когда Бессаз повернулся на живот, показывая голую спину, Тарази подозвал поближе Армона, и они оба наклонились над телом бывшей черепахи.

Хвост у Бессаза тоже исчез (он отвалился во время опытов, и Абитаю, завернув хвост в тряпку, трепетно вынес утром на свалку), но на том месте, где он рос ранее, виднелся

небольшой нарост, величиной с орех, огненно-красный, еще не полностью покрытый кожей, - сам Бессаз назвал это копчиком.

Тарази надавил на него пальцем, но Бессаз не вскрикнул, даже не поморщился: видно, нарост не был болезненным. И краснота на месте, где отвалился хвост, должна была пройти со временем, и тогда копчик снова покроется тонким пушком, не доставляя Бессазу никаких неудобств.

Множество людей рождаются с копчиками, но вовсе не обязательно, что все эти копчики со временем вытянутся в хвосты. Просто копчик лишний раз доказывал, что человек в длинном ряду превращений был животным, и копчик остался как знак, но ненужный, необязательный.

Если бы копчик всегда был на виду, как нос, к нему давно привыкли бы и так же тщательно чистили и мыли бы, кутали зимой от стужи, а те, кто родился с особенно привлекательным копчиком, гордились бы этим, рассчитывая на благорасположенность женщин, тоже имеющих красивые копчики.

Но копчик, который остался у Бессаза, вызывал тревогу, и не случайно поэтому Тарази сердито бросил Бессазу:

- Одевайтесь! - и вышел из комнаты, оставив своего подопечного в беспокойстве.

Страшно стало Бессазу, когда вспомнил он вдруг разговор с Тарази перед последним опытом: тестудолог предупредил, что надо быть готовым ко всему, даже к худшему. Хотя заверил, что сделают все, чтобы обратное воплощение удалось, но даже когда Бессаз будет в своем прежнем, человеческом облике, много еще останется неясного, непонятного. И главный воп-; рос навсегда ли Бессаз останется человеком или же снова будет втиснут в панцирь?

Теперь уже тестудологи не спорили, как в первые дни, должен ли подопытный знать о том, что каждый срок лечения стоит ему десяти лет жизни, и так, три лечения за год, успешных или безуспешных, состарят Бессаза сразу на тридцать лет. Тарази был склонен сказать об этом черепахе, безъязыкая, но зато все понимающая, она как-то выразила бы свое отношение - согласилась или же, наоборот, пожелала бы навсегда остаться черепахой, прожившей всего двадцать семь лет, - а это для ее возраста еще безмятежное детство. Но Армон горячо и страстно доказывал, что поскольку заняты они делом благородным, то черепахе вовсе не обязательно знать об этом - она всего лишь для них подопытное животное. Они пробуют, ищут, и, если даже им придется пожертвовать жизнью одной черепахи, уверен он, в будущем это поможет многим сотням испытавшим танасух.

А Бессаз уже шагал по комнате и, поймав себя на том, что ходит легко и твердо стоит на обеих ногах, радостно заволновался. Схватив себя за голову, нормальную, думающую, он ощупывал ее, накручивал на палец волосы, бил себя ладонью по лбу и хохотал...

Неважно, что случится в будущем, - сейчас он снова человек, может выходить, гулять в безопасности среди своих двуногих собратьев, и те, подавая ему руку, и не заподозрят, что перед ними бывшая черепаха, которую можно было брезгливо толкнуть ногой, набросить на нее сеть, гнать и улюлюкать, смотреть на нее как на подопытное животное.

Теперь Бессаз может постоять за себя, любить Хатун, и все, что придумало общество гуманного, все его законы и свободы - для него! Он не изгой, не прокаженный...

Бессаз запрыгал, правда сначала с опаской, боясь, что вывихнет еще неокрепшие ноги, останавливаясь и прислушиваясь к биению сердца и бормотанию живота.

- Все-таки приятно быть человеком! - воскликнул он. - Никакого сравнения с ощущениями черепахи - не давит со всех сторон костяной гроб, не мучают запахи дождевых червей в почве, прелые листья, а главное, время не тянется так нудно, протяжно, под ритм медленных шагов... Все же лучше твердо стоять на земле, подняв от нее нос на расстояние роста, чем все время

тыкать мордой в песок, обнюхивать камни... И теперь, когда я побывал в шкуре зверя, готов спорить с любым циником о благе быть человеком, с любым болезненным меланхоликом, кто мрачно смотрит на мир и не верит в людскую добродетель!

А в соседней комнате было совсем иное настроение. Удрученный, подавленный Тарази молча смотрел на Армона, да так, будто винил его в чем-то.

- Вас расстроил его копчик? - спросил Армон, не выдержав взгляда Тарази, который давил на него больше, чем его молчание.

- Да, - не сказал, а вздохнул Тарази. - Похоже, что ничего у нас не вышло... Ошибка, длиною в целую жизнь...

- Но ведь есть еще надежда! - с горячностью сказал Армон, но, устыдившись то ли своей безрассудной веры, то ли напористости, опустил голову. - Еще ведь месяц срока...

- Да, месяц, - как будто смягчился, вспомнив о последнем сроке, Тарази. - И этот месяц мы посвятим познанию... еще раз проверим ошибки...

- Но в чем ошибка? Одно дело, если зверем его сделало падение, про-дажничество, нравственный порок... Другое - если это заложено в роду...

- Пока мне трудно... Но думаю, что духовная порча ускорила порчу физическую... Погуляем? - тряхнул головой Тарази, как будто отгоняя тяжелые мысли.

Когда незадачливые тестудологи проходили мимо дверей Бессаза, тот высунул голову и, близоруко моргая в сумраке коридора, хотел что-то спросить, но передумал и стал прибавать ручку к двери. Он держал молоток в руке, а в зубах - гвоздь, и Армон вздрогнул, с любопытством всматриваясь, странным и непривычным показалось ему, когда вышел из этой комнаты человек.

- Что у вас со зрением? - спросил Тарази.

- Бельмо в правом глазу, крошечное. С рождения. - Бессаз, как бы любясь проворством своих рук, ловко застучал молотком. Затем извиняющимся тоном попросил Тарази: - Разрешите мне спуститься в город и купить очки?..

- Пожалуйста, - развел руками Тарази, - вы теперь свободный человек. Я хоть сейчас отпустил бы вас на все четыре стороны света, но надо еще немного понаблюдать за вами. Вы ведь помните наше условие?

- Не волнуйтесь, месяц я еще потерплю, - сказал Бессаз, но вдруг погрузился, не хотелось прощаться с ними - боязно было. Будущая жизнь немного страшила его, как страшит больного долгая ночь, когда нет рядом врача, который бы помог в случае, если станет хуже.

Уже выйдя из дома, Тарази спросил Армона:

- Вы предупредили Абитаю, чтобы он по-прежнему не спускал с него глаз?

- Да, Абитаю все знает...

Возле дома Тарази остановился, наслаждаясь солнцем, но к нему уже бежала неизвестно откуда взявшаяся Хатун. Схватила тестудолога за руку, чтобы поцеловать. Тарази с усилием отстранил ее, и она вдруг зарыдала, не то от радости за Бессаза, не то от смущения.

- Спасибо! - шептала она, почему-то оглядываясь в сторону сада. - Вы вернули мне жениха!

Тарази смотрел на нее, удивленно подняв брови, и, когда Хатун трижды повторила свою фразу, понял наконец ее смысл.

- Как? Вы уже договорились обо всем?!

Бедная бесхитростная женщина стыдливо опустила глаза, не умея притворяться, и, заикаясь, высказалась так путано, что Тарази утомился.

- Он пообещал мне, когда был еще... А я смотрела на его черную морду и думала: если ты меня обманываешь, век тебе не быть снова человеком. Брат сказал, что уже видел его... Ой, какой он там? - И она засуетилась, потирая руки в страшном волнении, и вдруг побледнела и

остановилась с открытым ртом, не высказав до конца фразу, ибо из ворот старого дома выходил сам Бессаз.

Он ей сразу показался великолепным, веселым, гладко причесанный, в полухалате-полуфраке, шел, будто любуясь собой со стороны, уверенный в успехе. Бессаз посмотрел на сад, потом поднял вверх голову, чтобы почувствовать тепло, которое солнце излучало в этот радостный для него день, - и увидел Хатун.

Хатун стояла, все еще не веря своим глазам. Потом смутилась и лицо ее стало мрачнеть, словно она в чем-то ошиблась. И в самом деле - она ждала увидеть, вернее, хотелось ей, чтобы жених ее не был таким, с приятными манерами, а был простым, грубоватым мужчиной, под стать ей самой, чтобы ни жених, ни невеста не отличались друг от друга.

- Нет, - невольно пробормотала она, - это не он...

Бессаз подошел и молча смотрел ей в лицо, как бы давая возможность Хатун оценить его достоинства, и веселость на его лице сменилась недоумением.

- Вы что? - спросил он досадливо. - Ожидали увидеть другого? Поинтереснее?

- Нет, нет, почему? - Хатун шагнула назад, как будто Бессаз собирался при людях сделать с нею нечто недозволенное, и смотрела на его руки, на то единственное, к чему она уже привыкла, и даже показалось ей, что Бессаз удалился от нее, стал чужим, и ей было странно и непонятно, как она брала раньше его руки и гладила их. К лицу Бессаза, его фигуре, ногам, бесхвостой спине она никак не могла привыкнуть...

Бессаз засмутился, но не от странного поведения Хатун, а от взгляда Тарази, и решил увести свою растерянную невесту.

- Мы побродим с Хатун по городу, - сказал Бессаз и, не услышав возражения Тарази, пошел к спуску с холма.

Хатун же стояла в нерешительности, и глаза ее от страха искали кого-то в саду. И едва Абитай, наблюдавший эту картину, показался за оградой, Хатун робко поспешила за Бессазом.

А когда они скрылись за валунами, Абитай крадучись прошел мимо тес-тудологов, сделав им заговорщический знак: мол, от меня не сбежит...

Тарази и Армон переглянулись, не в силах сдержать улыбку, - так комично получилось у стража, который теперь был еще и тайным соглядатаем. Посмотрев ему вслед, наши тесудологи молча повернули было обратно, к опустевшему теперь дому, впервые за много дней оставались они здесь одни можно спокойно побродить по саду, погулять вокруг дома, позабыв хотя бы ненадолго о делах, заботах, Бессазе...

Но едва они сделали несколько шагов к дому, как услышали крики и брань Абитая, и, оглянувшись, не сразу разобрали, кого он преследует, обнажив саблю. Мелькнуло даже у Тарази - не Бессаза ли, решившего сбежать, но, приглядевшись, увидел, как карабкается на холм бритоголовый, босоногий, путающийся в длинном своем рубище маленький худой человечек с узелком в руке. Он чуть было не упал, споткнувшись о камень, и в сердцах запустил в Абитая большую луковицу, но тот ловко увернулся, грозно помахав в ответ саблей, решительно настроенный не пускать к дому постороннего.

- Это же Асадулла... тот самый аскет! - воскликнул Армон. - Помните, я рассказывал, он двое суток прождал вашего приезда за городом? Все равно, говорит, встречусь с Тарази-ханом - и пусть не ждет от меня снисхождения в споре...

- Что ж... пустите, - сказал Тарази, почувствовав вдруг, что не хватает ему кого-нибудь постороннего, нового лица, с которым он мог бы просто потолковать, даже поспорить - и забыться, не думать о черепахе и Бессазе, иначе с ума можно сойти...

- Пропусти, Абитай! - крикнул стражу Армон в тот самый момент, когда страж уже нагнал аскета и чуть не схватил его за подол.

Абитаи остановился, сконфуженный, и, смахнув пот со лба, бросился догонять Бессаза, ответив на ходу:

- Слушаю и повинуюсь!

Аскет же от неожиданности подпрыгнул на левой ноге и, порывшись в своем узелке, запустил вслед Абитаю еще одну луковицу, пробормотав:

- Давно бы так.. послушание и повиновение украшает слугу... - И, успокоившись, сделавшись вдруг важным, медленными шажками пошел к навесу, под которым ждали его Тарази и Армон.

Тарази внимательно всматривался в Асадуллу, но не потому, что хотел заранее предугадать по его виду или походке, какой он спорщик, сильный ли, способный ли посрамить его перед Армоном, - это его мало интересовало. Просто ему действительно было интересно и радостно видеть еще кого-то, кто поднялся сюда, - то маленькое общество, которое окружало его изо дня в день уже несколько месяцев, и надоело ему, и временами раздражало.

Правда, в первое время на холм поднималось еще одно лицо, которому разрешалось не только подходить к дому, но заходить вовнутрь, - невеста Армона, - но она всегда смущенно ждала молодого тестудолога возле валуна. Как и отец Армона, она, должно быть, не одобряла занятия жениха, и Тарази это понял по ее укоризненному взгляду, брошенному как-то в его сторону. Теперь же, когда не было горячки и волнений с черепахой, девушка не появлялась здесь, Армон сам часто уходил с вечера в город, и Тарази заранее напоминал ему об этом шутивным тоном:

- Молодой человек, нам уже тесно мыслить вдвоем под одной крышей. Будьте добры, переночуйте сегодня в городе...

И так всегда - Тарази убегал от людей, чтобы пожить в одиночестве, но, живя без человеческого общения, тосковал, раздражался и с любопытством всматривался в первого попавшегося на дороге, будто не верил, что снова встретил человека. С таким же любопытством смотрел он сейчас и на забавного аскета Асадуллу.

- Хвала любознательному и неутомимому! - с этими словами, несколько комично поклонившись, предстал перед ним Асадулла.

- Прошу вас в дом, - пригласил его Тарази, но аскет замахал руками, запротестовал и подпрыгнул на правой ноге.

- Нет, нет! Позвольте, Тарази-хан, сразу приступить... я хочу попросить, чтобы вы уделите час или другой несчастному, голова которого забита куцыми мыслишками... А поскольку возможен спор, то истинный мусульманин никогда не позволит себе вести его ни за стенами, ни внутри города - поэтому я прождал вас столько за крепостью, Армон-хан свидетель моего усердия, - ни тем более внутри маленького дома. Спор должен вестись в пустыне, друг против друга на барханах. Или хотя бы - Асадулла придирчиво посмотрел вокруг, - прямо здесь, на открытом воздухе. Чтобы солнце касалось своими лучами макушки головы... Вы согласны?

- Согласен, - торопливо ответил Тарази, ибо все, что он сейчас услышал, показалось забавным, живым, комичным.

- И я - с усердием и благодарностью! - воскликнул Асадулла и сел там же, где стоял, - на ровной площадке - каменистой и твердой, - и стал развязывать узелок.

Тарази и Армон, переглянувшись, тоже пристроились на теплых камнях полукругом, молча наблюдая, как аскет вынимал из узелка черную редьку, потом большую белую луковицу, небольшую тыкву и красную свеклу, несколько орехов и кусочек каменной соли - и разложил все это на то место, где дул ветерок, но есть, естественно, не стал и хозяевам не предложил, - видно, просто боялся, что все это сгниет, пока они будут беседовать,

- Армон-хан вам, должно быть, назвал мое имя... Асадулла... Я последователь святого

Ясави... Я мог бы переспорить вас обоих, но истинный мусульманин всегда спорит один на один. Поэтому я прошу Армон-хана молча внимать... тем более, эту беседу я почему-то самонадеянно назвал спором. Просто несколько вопросов к человеку, чьи сочинения во множестве ходят по рукам, переписанные тайно... хотя бывает, что и продают их на базаре открыто... Особенно - трактат "На приеме у господи...".

Все, что он говорил, польстило Тарази, и он не нашел ничего лучшего, как сказать:

- Пусть читают, как защищать крепости от диких кочевников. Сейчас это важнее...

- Да, я тоже уверен, что будет война. Уже есть первые предвестники вши и нищие. Вы заметили эту странную закономерность - перед каждой войной вдруг становится много вшей и нищих?

- Любопытно... Возможно, есть связь...

- Не возможно, - обиделся аскет, - а проверенный факт. Займитесь вшами - чем они хуже черепах? Разве что меньше - на привязи не удержишь... но зато, узнав, почему вдруг они сильно размножаются перед войной, вы сможете оказать большую услугу человечеству... Но простите, мы отвлеклись... Что вы хотели сказать своей похвалой лени? Понимаю... Лени, так свойственная восточному характеру, есть лучший способ избежать зла, ибо действие - есть захват чужого имущества, чужих жен... Энергия - зло... Война...

Тарази вдруг утомился, выслушав все это, ибо то, что вначале показалось ему интересным в этом человеке, теперь выглядело банальным, прямолинейным - и так всегда: любой человек был ему интересен не более получаса, затем Тарази уставал.

- Поймите, это всего лишь фантазия, выдумка, - мрачно сказал Тарази. Я выразил свои ощущения, не претендуя на философское обобщение, нравоучение и прочее...

- Допустим! Но вы выразили то, что может расширить учение нашего ордена ясавийя. Мы тоже против активного зла. Но боремся мы со злом другой степенью активности - заклинаниями, плясками, которые доводят до транса; бешенства. Мне тоже по душе - бездействие, великая лень, как вы ее называете... я по характеру медлительный, склонный к размышлениям... самоуглублению...

- Какой же я проповедник лени и бездействия?! Сам-то я, как вы видите, действую - ищу, ломаю голову, ошибаюсь, - лишь из вежливости возразил Тарази, стерпел, не встал, не ушел.

- В том-то и загадка! - Аскет переложил на место луковицы свеклу. Учение может отделиться от своего сочинителя и жить своей жизнью, как ваши Я-Так-Себе и Я-Это-Да... А образ господи, удаляющегося с кем-то... с женщиной? с гиеной? с дьяволом? по заснеженному полю... Что это? Каково толкование этого? Ведь вы и этого не утверждаете - господь был в холодном, белом поле или не господь...

Тарази поморщился, и по его выражению аскет понял, о чем он хотел сказать, и возразил:

- Нет, нет, только не говорите, что это плод воображения, ничего под собой не имеющий... смысла, философии... растолкуйте это место ваших замечательных записок, ибо я сам близок к такому умонастроению...

- Какому? - задал встречный вопрос Тарази, думая избавиться от назойливого собеседника.

- Вашему... хотя, простите, не в такой категорической форме... я не принимаю вашего безверия... вселенской скорби...

- Безверия? - удивился и, кажется, даже обиделся Тарази. - Откуда вы это взяли? И скорбь... Чепуха какая-то... - И иронически глянул на Ар-мона, словно ища его поддержки: - Как это до сих пор меня не разрубили на куски и не бросили на съедение собакам?!..

- Простите, я не хотел так резко... ибо я желал бы втолковать вам, что мы, из ордена ясавийя, близки к вашему воззрению... восприятию идеи господи... Лично я домысливаю все так: господь где-то рядом, недалеко от нас, пусть в холодном, ледяном пространстве - не в теплой спальне

же, на мягком ложе он должен возлежать, простите меня за кощунство... И, зная, что он рядом, мы можем приблизиться к нему настолько, что посредством транса, озарения слиться с ним...

- А как же лень? Ведь вы толковали о великой лени - спасительнице? то ли от усталости, то ли от раздражения съязвил Тарази, желая скорее встать и уйти в тень, - с ним уже делалось дурно от жары.

- Вы меня обижаете! - Аскет вдруг поднялся и стал в воинственной позе. - Меня предупреждали о вашем ужасном нраве... но такого жестокого, холодного человека я вижу впервые. - И стал с поспешностью собирать плоды и орехи, завязывать узелок. - Во что же вы верите, вы - великан? Джалут? [Джалут - библейский Голиаф]

Тарази тоже встал, сожалея, что обидел аскета, но ведь еще никто не обвинял его в безверии - так зло и агрессивно...

- Верю я в малое, может быть, смешное... в отчий дом, в случайные, всегда неожиданные радости, в прохладу, которую дарит нам вечерами аллах... даже белая луковица... разве этого недостаточно, чтобы еще теплилась душа?

Сам тон человека, о котором Асадулла был наслышан столько дурного, подействовал на аскета, и он подпрыгнул на одной ноге по привычке и сказал:

- Золотые ваши уста... Хвала! Я бы бросил все и пошел за вами... если бы не был рожден для большой, великой веры, боюсь, что вашу веру в малое, вот в эту луковицу, выветрит из меня первый встречный самум в пустыне... и я стану мушриком... Прощайте! - И, прижав к животу узелок, он ушел, путаясь в своем холщовом рубище, шел, пока не скрылся за валунами...

II

Уже к полудню улицы города были совершенно пустынными. Загнал людей в дома зной, а может, привычка обедать в один и тот же час. На крутых спусках Бессаз протягивал руку Хатун, чтобы взять ее под локоть, помочь, но она ловко изворачивалась, продолжая чуждаться его.

Бессаз вздыхал, вытирал пот с лица и думал о том, как бы добиться ее расположения, - был уже не тем самонадеянным, нахальным, каким знала его Майра во время прогулок. Если бы не эта гадкая история с танасухом, он бы никогда не глянул в сторону такой женщины, как Хатун. Но Бессаз теперь задумывался и о будущем. И ему хотелось иметь кого-нибудь рядом на случай, если опять почувствует себя плохо. Хатун не удивилась бы, не впала в отчаяние, а, милосердная, помогла бы ему в трудные минуты.

Шагая вперед, Бессаз часто останавливался, делая вид, что поправляет t костюм, и, когда Хатун приближалась к нему, как бы нечаянно касался рукой ее плеча или локтя, думая, что так она скорее привыкнет к нему.

Понимая его уловку, Хатун предупреждала:

- Не надо меня трогать, прошу вас...

- Но почему? - умоляющим голосом спрашивал Бессаз, поправляя ус. - Мне казалось, я надеялся, что вы привыкли, когда, жалея, брали мою, руку. Неужели, чтобы быть счастливым, надо навсегда остаться черепахой? - говорил он это лукаво, чтобы разжалобить добрую женщину.

- Нет, что вы?! - Лицо ее исказила гримаса сострадания. - Там, в саду, вы казались таким беззащитным... Теперь вы другой, сильный, и, может, я вам не нужна такая?.. - И она позволила взять себя за руку, как бы умоляя его не быть сильным, не обмануть ее, не изменить...

Женщина слабая, давно отчаявшаяся выйти замуж, она по-прежнему желала видеть Бессаза немощным, нуждающимся в опеке и, боясь признаться даже себе самой, втайне сожалела, что Бессаз вылез из черепашьего панциря. Она ведь надеялась, что их тихие семейные радости

будут держаться на ее милосердии, сострадании к ущербному мужу.

Теперь же он превосходил ее во всем - красоте, уме, здоровье, а это смущало Хатун и напрочь развеяло ее мечты о семейном счастье. И только щедрость, доброта и самопожертвование Бессаза снова могли внушить ей веру... Но нет, Хатун не верила в мужскую добродетель, может оттого, что совсем не знала мужчин или была наслышана о них по пристрастным рассказам неудачливых подруг. Хатун прекрасно знала повадки какой-нибудь овцы или бодливой коровы, которую могла усмирить, прежде чем подоить, но с людьми ей не везло - они почти всегда обманывали и разочаровывали ее.

В тишину жарких улиц неожиданно донесся шум базара за углом.

- Вот где собрались все люди! - вырвалось у Бессаза, ибо на пустых переулках его терзало смутное беспокойство. Думал о встрече с людьми и боялся, что отвык от них за время болезни, и все время вспоминал с содроганием тот день, когда все собрались на пустыре, чтобы поглядеть на черепаху.

У ворот базара он, споткнувшись, остановился: впервые после того злополучного дня видел он толпу - разношерстную, шумную, плутующую... Он даже невольно пощупал свой нос, подергал щеку, хотя все было в порядке, ни один, даже самый проникательный торговец не мог догадаться о его дурном прошлом.

А это прошлое угнетало его, навевало тоску, и Бессазу вдруг захотелось совершить что-нибудь дерзкое, предосудительное, чтобы окружающие увидели в нем человека. Скупить, скажем, у продавца чечевичной каши весь товар, а потом вывалить из котла кашу в яму для собак. И чтобы нищие, юродивые отгоняли собак с проклятиями, ползая вокруг ямы и облизываясь...

Но вместо удальского, дерзкого Бессаз робко предложил Хатун:

- Мне так захотелось каши - простой, грубой... Давно, кажется, с детства, не ел каши. Ваш брат, боюсь, испортил мне желудок вкусными блюдами, - добавил он, чтобы придать своему желанию иронический оттенок. Попробуем?..

- Я люблю чечевицу, - с гоовностью поддержала его Хатун.

И они пошли, сели на низенькие стулья напротив повара, который молча сунул им в руки тарелки с горячей, пахнущей травами кашей.

Сзади - топали, галдели торговцы, да так, что Бессаз в беспокойстве оглядывался, ожидая неприятности.

Казалось ему, что сейчас возникнет перед ним какой-нибудь проказник с хмельным взглядом и схватит его за воротник, смеясь, и закричит: "Смотрите, черепаха ест кашу!" И будет, хам, дергать Бессаза за руку, хлопать по спине, пытаясь схватить за хвост, а Бессаз робко будет стыдить его, мол, не к лицу почтенному человеку такие мальчишеские выходки. И чтобы не получился скандал, Бессазу, может быть, даже придется одобрить поступок хохочущего плута, признавая, что, вполне возможно, на базаре в толпе и бродит переодетая черепаха, которая любит чечевицу, но, простите, сам он вполне нормальный человек, даже состоятельный, с годовым ходом в тысячу золотых динаров, и никогда ни словом, ни поступком не давал повода к таким подозрениям. И чтобы скорее забыть об этом неприятном, готов принять извинения человека, по странному недоразумению принявшего его за зверя.

"Я чересчур мнительный, - решил про себя Бессаз, с трудом проглатывая кашу, - ведь никто в этом городе не знает о моем прошлом..."

Но как бы ни пытался успокоить себя Бессаз, он все равно чувствовал себя одиноким и беззащитным. Пододвинул стул к Хатун и прижался к ее плечу.

Хатун, глотая кашу и посасывая от удовольствия, не чувствовала его прикосновения, и Бессаз уже совсем успокоился, сделался увереннее.

Но едва он забыл о своих подозрениях, явился человек, знавший о его постыдном прошлом, и даже не один, а двое разоблачителей.

Жалкие и оборванные мужчина и женщина, блуждающие глаза, которые выдавали в них чужаков, без денег, без знакомых здесь, сели недалеко от Бессаза перед поваром. И заговорили о цене чечевицы; мужчина что-то бормотал, выворачивая карманы и показывая повару монеты, повар же в злости даже ударил его по рукам и закричал благим матом, так что Бессаз невольно повернулся в их сторону. И с ложкой возле рта так и застыл, изумленный, не в силах поверить, что видит Фарруха и Майру.

"Да, это они... Вместе..." И первое, что хотел сделать Бессаз, закричать, звать всех, чтобы задержали мошенников, и даже решительно встал, но, испугавшись, остался стоять с раскрытым ртом - ведь закричи он сейчас, публика узнает, кем он был, а это покажется ей более забавным, чем сговор между слугой и невестой, прибравшими к рукам его наследство,

"Но что бы ни случилось..." - снова мужественно настроился Бессаз, ибо сейчас было подходящее время показать всем свою нормальность - и как человека вообще, и как храброго мужчины, в частности.

Но то ли Фаррух почувствовал, что кто-то пристально на него смотрит, то ли еще раньше увидел Бессаза, а сейчас просто притворился, разыгрывая сцену, - неизвестно, но он повернулся к своему бывшему хозяину и, ткнув в его сторону пальцем, обрадованно закричал:

- Вот кто заплатит за чечевицу! - и побежал с распростертыми объятиями к Бессазу.

Бессаз сделал шаг назад, всем своим видом подчеркивая неприязнь к слуге.

Фаррух, не зная, бросаться к нему в объятия или же как-то по-иному выразить радость от встречи, поглядывал то на Майру, то на Бессаза и кричал:

- Да что это вы?.. Да как же? Мы же не чужие, Майра, глянь-ка на этого человека!

Майра нехотя подняла голову, наклоненную над чашкой чечевицы, и, равнодушная, лишь ответила хриплым голосом:

- Узнаю... любовничка.

И ничто так не поразило Бессаза, как ее голос - голос женщины, живущей в нужде, промышляющей воровством, не помнящей ничего светлого из прошлого, ни одного вечера, проведенного вместе с влюбленным Бессазом.

"Это она? - ужаснулся Бессаз, глядя, как некогда женщина изящная, с благородными манерами, так же, как Хатун, вылизывает пальцем чашку и сопит от удовольствия. - Слуга не только обманул меня, завладев моим имуществом, но и испортил нрав Майры своей грубой, хамской натурой..."

Это так возмутило Бессаза, так ослепило его ненавистью, что он, не помня себя, бросился к Фарруху и, схватив его за ухо, толкнул к стене.

- Эй, что с вами?! - удивленно хихикнул Фаррух. - Нельзя так грубо... можете поцарапать...

Бессаз все же успел прижать его к стене и протянул было руку к его подбородку, но жаль, обидчик сбрил себе бороду, чтобы быть неузнаваемым. Бессаз в досаде опустил руку и вдруг понял смысл сказанного Фарру-хом, сник и беспокойно отступил назад.

- Что значит поцарапать? - прошептал он. - На что вы намекаете?

- Ногтями... Ведь поцарапать может не только зверь... но и человек. И еще как больно... - Фаррух, чтобы успокоить его, панибратски хлопнул Бессаза по плечу. И, надув щеки, заложил руки за спину и медленно прошелся вокруг растерянного Бессаза, осматривая его со всех сторон, пронзительно и усмехаясь, и задержал свой взгляд на том месте, где болтался раньше у Бессаза хвост.

Но, не обнаружив прежних пороков у своего хозяина, Фаррух удивился, даже, кажется, огорчился и на всякий случай подчеркнул:

- Еще как царапается человек... - И пошел, сел рядом с Майрой, чтобы доест кашу.

Бессаз хотел было тут же бежать, но передумал: так просто теперь не уйти, надо поговорить и выяснить с Фаррухом отношения. Ведь кто знает, сделай он сейчас шаг к выходу, плут закричит: "Черепаха меня поцарапала, держите ее!" И такой шум поднимется, гвалт - торговцы падки на развлечения.

Хатун не без гордости посмотрела на жениха, когда он обреченно сел с ней рядом, - ей понравилось, как Бессаз прижал Фарруха к стене, хотя и не догадывалась ни о чем, только подумала, что еще немного - и под ее влиянием сделается Бессаз драчливым и задиристым, умеющим, как Абитай, постоять за себя.

Только одного она не понимала - ведь поели они кашу, даже чашки облизали, но не уходят, может, думала Хатун, жених ее решил хорошенько наказать бродягу и ждет удобного момента.

Бессаз действительно готов был сидеть здесь до вечера, если Фаррух того пожелает, - слуга это знал.

- Послушай, а кто эта босоногая? - вдруг развязно обратилась к Бессазу Майра.

Бессаз поежился и опустил голову: скажет "невеста", плутовка захохочет на весь базар: "А у черепах не бывает невест", - и пустится в пляс, кружась в своем ярком, пестром, как у цыганки, одеянии, без конца повторяя: "Не бывает, не бывает... у черепах..."

Хатун терпеливо ждала, что Бессаз объявит торжественно и трепетно, кто она, но не выдержала и зло тряхнула плечами:

- А тебе какое дело? Я его невеста! - сказала так же грубо, бесцеремонно, как Майра.

Невольным жестом Бессазу захотелось прикрыть ей рот, но было уже поздно - Майра побледнела, что-то, видимо, пробудилось в ней дремавшее, ревность, а может, просто обида, желание посмеяться - ведь женщина... без всякого повода вообразившая, что обманута в лучших своих чувствах...

- Как - невеста? - Медленно встала она с места и толкнула Фарруха в бок. - Слышал? Он вызвал меня из деревни, а сам пропал, превратившись в... пугало огородное... и оставил меня с тобой. - И побежала Майра к Бессазу, и наклонилась над ним, позванивая дешевыми безделушками на шее. - Ты думаешь, я сговорила заранее с Фаррухом? Нет! Я приехала, а тебя уже увезли, милый мой Бессаз-хан... Все вы, мужчины... обещаете золотые горы, а когда мы дуры, - развесив уши, несемся к вам, в последнюю минуту вы сворачиваете в сторону - и бегом... Рады в самую ничтожную тварь превратиться, лишь бы разбить сердце любящей. Скряги вы, мелкие душонки, нет вам веры... Как я тебя любила! А ты взял и... сделал меня тварью, ползающей у ног этого конокрада, - сверкнула Майра злобным взглядом в сторону Фарруха, но Фаррух кратким окриком прервал ее душе-излияния:

- Довольно! Кончай! Хочешь, чтобы навсегда заткнули тебе рот? - И Майра тут же вернулась к мужу и, покорная, села рядом.

Раскрыв рот от удивления, Хатун слушала все это, не зная, как ей быть. И, чувствуя, что сейчас и она может наделать глупостей, вцепиться в волосы Майры, посягающей на ее права, Бессаз хмуро пояснил Хатун:

- Я ведь рассказывал. Это дочь старосты из деревни... А тот стерег прикованного...

И даже это немногое, что сказал Бессаз, сразу все прояснило, успокоило Хатун - подумала она, что не страшна ей замужняя соперница. Встанет она еще раз в ревнивую позу, муж так избьет ее на виду всего базара - будет прав.

Фаррух ел медленно, обдумывая зловеще: как бы с выгодой шантажировать Бессаза, - ведь видно по всему, что бывшая черепаха боится разоблачения...

- Только я вам больше не слуга, - мрачно пробормотал Фаррух и невольно закрыл себе рот ладонью, как бы боясь, что может выболтать лишнее.

Бессаз промолчал, заерзал на стуле, боясь что-либо ответить Фарруху, слово за словом - и раскроется его тайна...

- Да, теперь вы без слуги и без постоянного двора, - поковыряв в зубах, молвил плут. - Все ваше богатство забрал Господин Песок...

- Ей-богу, он мелет чепуху! - вскричала Хатун: ей надоело сидеть на солнцепеке. - Не понимаю, почему мы сидим? Вам надо купить очки!

- Да, какая-то чушь, - поспешно сказала Бессаз, боясь, что Майра захихикает: "А черепахи не носят очков". - Клеветать на какого-то Господина

Песка... Но даже если этот Господин Песок существует на свете... - от сильного напряжения Бессаз забормотал какую-то ерунду, чего с ним раньше никогда не было.

- Слышишь, Майра, - толкнул ее в бок Фаррух, - он не верит, что . Господин Песок...

- А тебе какое дело - верит он или нет?! - в истерике закричала Майра, махая перед носом мужа кулаками.

- Если он не верит, что Господин Песок... то может подать на нас в суд, думая, что мы завладели его имуществом, - спокойно, даже устало пояснял Фаррух.

- Не подаст, побоится. Он бы давно уже ушел отсюда, если бы не боялся... что раскроется...

Бессаз и Хатун сидели с таким видом, будто не слушали их болтовню.

- Я ему еще кое-что сообщу, и мы уйдем, - сказал Фаррух, облизывая ложку. - Слышите? - крикнул он Бессазу. - Теперь мой хозяин сам Денгиз-хан, клянусь богом! А она... - ткнул он пальцем в бок Майре, - стирает и штопает Гольдфингеру...

- Как? Разве они тоже здесь? - вырвалось у Бессаза от удивления.

Но вместо ответа Фаррух наклонился к уху Майры, о чем-то прошептал, и она согласно закивала. Довольный тем, что Майра согласилась с его каким-то хитрым замыслом, Фаррух играючи укусил ее за ухо и приказал Бессазу:

- Заплатите повару! - а сам, схватив Майру за руку, пошел ленивой походкой к выходу, и Бессаз заметил, что Майра еще и боса.

Бессаз, бормоча что-то о милосердии к нищим, заплатил повару торговец все это время сидел совершенно безучастный, - и Хатун облегченно вздохнула:

- Ну, кажется, кончилось... Хотя, убей меня, я ничего не понимаю...

- Они не посмеют кричать и смеяться мне вдогонку, - решительно сказал Бессаз. - Идемте скорее домой, я так устал... А если еще меня увидит сам Денгиз-хан, то мы до вечера не отделаемся от него...

III

Абитай наблюдал за перебранкой Бессаза с Фаррухом, спрятавшись за тюками и мешками. И как только Бессаз и Хатун вышли из базара, второпях купил связку лука и, перебросив ее за плечо, побежал догонять жениха с невестой.

Видя, как Бессаз прижимает какого-то бродягу к стене, хотел броситься на защиту друга, но с трудом сдержался - вспомнил о приказе Тарази следить за Бессазом тайком.

Сейчас он притворился, что обрадован случайной встречей, когда поравнялся с Бессазом и Хатун, удрученно шагающими к холму:

- О, и вы тут?! А я сбегал за луком...

- Все же я отвык от людей. Тяжело, - пожаловался Бессаз, вздыхая. Хатун даже не глянула на брата. Для нее он как бы давно не существовал, потому что Абитай никогда ничем не делился с ней, вел себя, как чужой. Наверное, возгордился, поедая остатки с барского стола, думала За-тун, ведь Абитай, уехав из деревни, неплохо устроился в городе, прислуживая в доме

судьи. Сама же она жила бедно: что заработаешь на несчастье одиноких старух, возле постели которых была она сиделкой?

- Это понятно, - отозвался Абитай, как бы жалея Бессаза. - Но надо заставлять себя привыкать к людям. А то как же без них, без людей?! Говорил Абитай наставительным тоном - ведь теперь, когда все договорено о женитьбе Бессаза на его сестре, старший брат все равно что отец невесты...

Абитай шагал рядом и никак не решался спросить: с кем это Бессаз повздорил на базаре? Может, люди эти из деревни, где он вел расследование? Чего же они хотели? Чем были недовольны?

- Я встретил на базаре приятеля, - схитрил наконец Абитай. - Он сказал, что вы с кем-то поспорили. Правда?

- Это Фаррух и Майра, - безо всяких недомолвок признался Бессаз - и сказал это шепотом, тревожно оглядываясь: а не идут ли преследователи по пятам - Фарруху хитрости не занимать...

"Успеть бы зайти в дом, - прибавил шаг Бессаз, - и не выходить, пока в городе орудует шайка Денгиз-хана..."

- Я даже не спросил, как они здесь оказались, - робко сказал Бессаз. И Денгиз-хан с ними...

- Ну, если и эмир ваш здесь, то понятно... - деловито промолвил Абитай. - Приехали, наверное, договариваться с ним, хотя непонятно, отчего слуги эмира в такой дрянной одежде?..

- Говорит, будто все мое имущество перешло к Денгиз-хану, - начал было жаловаться Бессаз, но, услышав, как Хатун вздохнула, опечаленная, поспешил успокоить ее, а заодно и брата: - Но как только я снова объявлюсь в городе, Денгиз-хан все вернет - будьте уверены... Добро мое в его руках останется в целостности-сохранности, а попади плуту Фарруху, он промотал бы все на безделушки Майре, некогда весьма благовидной, воспитанной, но благодаря сожительству с низким слугой... ~ Бессаз, помимо своей воли, снова, как и на базаре, в разговоре с Фаррухом, стал плести такую чепуху, в которой сам запутался...

- Из ваших слов, приятель, я понял, - похлопал его по плечу Абитай, не все еще потеряно. Радуйтесь жизни, веселитесь, на ужин я зажарю печенку с луком... Только Тарази-хану ни слова о вашей встрече на базаре. Увидит, что вы переживаете, волнуется зря, - прикажет снова запереть вас, чтобы побережь ваше здоровье... А мне, признаться, надоело быть стражем у ваших дверей...

Бессаз вдруг приободрился, тряхнул головой:

- Да ведь у вас сабля! Можно их до смерти напугать... А я, глупец, иду и думаю, как быть нам, четверем мужчинам, если в доме появится шайка Денгиз-хана? Хотя их трое, но этот немец-ажнабий [Ажнабий - европеец], говорят, весьма свиреп. И еще вымогатели могут привести с собой десяток местных бродяг...

- Мнительный! - захохотел от души Абитай. - Поверьте, они и носа не сунут к нашему дому - ведь отец Армон-хана - безжалостный судья!

Доводы Абитая, особенно насчет отца Армона, успокоили Бессаза, но ненадолго. И когда приблизились они уже к дому, Бессаз вдруг закричал, увидев за оградой сада две фигуры:

- Они уже здесь! - И так, будто сам не поверил собственным глазам: ведь был уверен он, что холм - островок защиты от людской толпы, обмана и несчастий, и стоит сделать еще десяток шагов, и Бессаз в полной безопасности.

Бессаз бросился к Абитаю, ища защиты, но тот от неожиданности сам испугался и засуетился, прыгая с камня на камень.

- Сейчас, сейчас я их поймаю, - бормотал он. - Дайте только собраться с духом...

Две фигуры - Бессаз сразу узнал Фарруха и Майру, - задрал головы, смотрели на крышу дома, словно искали путь наверх. Но, заметив Бессаза в компании брата и сестры, супруги

спрятались за деревьями, и Бессаз умоляюще просил Абитаю не оставлять их одних с Хатун, ибо Фаррух мог в любую минуту выскочить даже из-под земли.

- Я прогоню их! - говорил Абитаю, но сам почему-то медлил и, вместо того чтобы действовать, стал пространно объяснять: - Ведь, увидев их снизу, толпа может подумать, что здесь есть нечто любопытное, и все покарабкаются наверх. - Абитаю шел, прижавшись плечом к плечу Бессаза, будто не он был приставлен охранять и тайно наблюдать за Бессазом - а наоборот...

Наслышавшись путаных историй о страже на скале и о том, что мошенника земляки приняли за бога мушриков и прочее, прочее, Абитаю, еще не видя Фарруха, в душе уже побаивался его.

Так, напуганные, пробирались они к воротам, но открыть их не успели: неизвестно откуда появившиеся Фаррух и Майра деловито пробежали совсем близко от них и скрылись за углом.

Абитаю от неожиданности поднял руку, желая схватить Фарруха за шиворот, но промахнулся и первым вбежал в дом. И уже в коридоре, сконфуженный, ощупывал всего себя, не понимая, как это Фаррух сумел ловко и незаметно снять с его плеча связку лука и исчезнуть, чтобы полакомиться в кустах скромным ужином из черствого хлеба и лука.

Хатун - ей все еще не разрешалось появляться в доме - в страхе смотрела на лестницу, ожидая, что с минуты на минуту спустится Тарази и отругает ее, но и выйти наружу тоже боялась. Мужчины своим поведением обескуражили ее. Прижавшись спиной к воротам, она как бы желала принять первый удар на себя. Дерзкое мужество появилось в ней от отчаяния. Страх перед Тарази был столь велик, что она забыла о еще большей опасности, которая ждала ее снаружи. Хатун бросилась к воротам, но не смогла открыть их, в отчаянии застучала кулаками по створкам.

За то короткое время, пока напуганная тройка толпилась в коридоре, растения успели сползти с крыш и закрыть ворота. И Хатун оказалась запертой, как когда-то Бессаз-черепаха, которая пыталась сбежать от Абитаю.

Бессаз недавно рассказывал ей, какой ужас испытал он при этом, хотя и был зверем, и Хатун пожалела его, но так и не поняла: отчего запертые ворота могли смертельно напугать ее жениха? Сейчас же, сама оказавшись в таком же положении, всем своим существом почувствовала и пережила то отчаяние, которое испытал тогда Бессаз. И ей стало так жаль его, что через сострадание снова почувствовала с Бессазом родственную близость.

На шум быстро спустился Армон, но все трое сделали вид, будто ничего не произошло, только Абитаю забормотал оправдания:

- Хатун, как всегда, заболталась... забыла о запрете и пошла в дом. И ворота закрылись за ней...

Армон, похоже, не придавал этому значения, долгий взгляд его остановился на Бессазе.

- Как вы перенесли первый выход к людям? - кратко и сухо спросил он, подражая интонации Тарази.

- Немного непривычно, - уклончиво ответил Бессаз, но Абитаю не терпелось отвлечь внимание Армона, и он сказал, взбегая вверх по лестнице:

- Я возьму саблю и срублю снаружи мох. Пусть Бессаз-хан мне поможет. Пора приучать его к работе...

- Да, но только не размахивать бесполезно саблей, - усмехнулся Армон и почему-то с жалостью глянул на Бессаза.

Абитаю рад был услышать от Армона хотя бы эту колкость - ведь в последние дни хозяин совсем перестал разговаривать с ним, ходил, не замечая никого, подавленный, будто потерял отца или мать. И Абитаю мучительно думал, чем же он так провинился перед хозяином,

которого нежно и трогательно любил.

Знал бы сейчас Абитай, что творится в душе Армона, как, мучительно переживая, избавляется он от многого, что было ему дорого, - надежд, юношеских мечтаний, честолюбия, слуга конечно же выбросил бы из головы всю эту суету с мужеством сестры и сидел бы день и ночь у порога комнаты Армона, страдая и думая, как бы ему помочь безболезненно перенести горечь утраты.

Ведь теперь, после долгих размышлений, стало ясно, что наши тестудологи так и не смогли ничем помочь Бессазу. Все, чего они добились, изнуряя себя мучительной работой, лишь на короткое время вернуло Бессазу его прежний облик, чтобы уже в последний раз, прощаясь, глянул на себя в зеркало и навсегда запомнил, какое лицо у него было... в длинном, нескончаемом ряду человеческих лиц...

Свежая кровь, которую влили в его сосуды, скоро начнет опять портиться, смешиваясь с дурной, звериной его кровью, и перед тестудологами снова предстанет то беспомощное существо с черной мордой и слоновьими лапами...

- Тарази-хан ждет вас наверху, - сказал Армон и повернулся, понуро ступая по лестнице.

- Можно, ханум [Ханум - госпожа, обращение к светской женщине] еще немного побудет со мной? - в панике спросил Бессаз, и Армон, даже не разобрав, о ком речь, согласно кивнул...

IV

Тарази заглянул в комнату Бессаза и случайно поймал его на том, как он любезничает с Хатун.

- Ведь вам запрещено входить в дом! - нахмурился он, но тут же жалостливо добавил, смягчившись: - Нельзя, сестра...

Бессаз вскочил и начал было объяснять, но Тарази не слушал, а лишь укоризненно покачивал головой, поглядывая на дверь:

- Прошу, оставьте нас одних...

Абитай, как всегда неизвестно откуда появившийся, испуганно выглянул из-за спины Тарази и показал саблю, как бы говоря, что не даст ее в обиду Фарруху и Майре, все еще бродившим вокруг дома.

Хатун, устыдившись, молча вышла из комнаты и вместе с братом стала спускаться к воротам.

- Не смейте ее сюда приглашать! - вдруг переменялся Тарази и закричал, чтобы скрыть сострадание к несчастной Хатун, ибо знал он, какой удар готовит ей судьба и как тяжело она будет его переживать. - Порядочная и скромная женщина не должна заходить в дом к мужчине, вы это знаете?! А жениться я вам разрешу только после... если, конечно, - не договорил он, ибо не знал, как поубедительнее выразиться. - А пока ведите себя с ней сдержанно! Иначе все наши труды полетят к чертям!

Тарази устало опустился на кровать Бессаза и стал смотреть на него растерянным взглядом. Бессаз в беспокойстве даже пощупал свое лицо, думая, не заметил ли Тарази какие-нибудь изменения к худшему...

- Вы жестоки, - вдруг резко возразил Бессаз. - Я столько времени нахожусь здесь... одни лишь унижения... вы лишаете меня даже маленькой радости...

Тарази почему-то смутили его слова, будто Бессаз уличил его в чем-то постыдном, недозволенном, и тихо сказал:

- А мне разве не хочется этих маленьких радостей? Я как вдовец при живой жене и детях... вынужден скитаться... Вот вы - кем бы вы ни были человеком... черепахой... даже самое

маленькое насекомое порхает, машет крылышками, чувствуя дуновения жизни... А я бродяга... отовсюду отторгнутый... Ладно! - махнул рукой Тарази, но, разволновавшись, стал расхаживать взад-вперед по комнате. - Пока у меня нет уверенности в вашем выздоровлении... Зачем же вы даете Хатун надежду? Мы всегда кого-то обманываем, я не говорю. - умышленно. Из слабости, из эгоизма, из ложных мечтаний. Но в итоге-то остаемся обманутыми сами... Вам хочется женщину, и вы стараетесь, не думая, что с ней будет потом. - Тарази остановился посреди комнаты и, скрестив руки на груди, мрачно уставился на Бессаза: Что будет с Хатун, если вы опять... Ведь она не в том уже возрасте и не из тех женщин, которые проглотят досаду и завтра повернутся к другому мужчине. Вы не подумали, что... - Тарази не договорил и вдруг обнял Бессаза за плечи, да с такой теплотой и сочувствием, что Бессаз невольно поежился, не ожидая такого прилива чувств от всегда замкнутого, холодного на вид человека. - И я потеряю все... Вся моя жизнь окажется одной большой ошибкой... хотя и ошибкой свободного человека. Ради этой свободы я потерял семью, друзей, родину... И если я проиграю самое главное - свою свободу, жизнь, тогда и мой орел прилетит... И со мной случится танасух... В этом смысле вам повезло больше - вы испытали это странное чувство раньше - и боль ваша притупилась... Мой же танасух впереди... хотя для вас это не утешение.

Столь искренне Тарази никогда не говорил с ним, и Бессаз не знал, что отвечать от растерянности. Думал Бессаз: все, что сейчас ответит, покажется банальным, неубедительным, ибо раскрылась перед ним такая душа - и увидел Бессаз, как велико ее страдание... не было в ней корысти, мелкого тщеславия... заблудшая душа.

"Он ведь как тот прикованный... Тоже посягнувший... чтобы сделать как лучше... но тоже наказанный", - вдруг подумал Бессаз и почему-то вспомнил пустырь, где они с Тарази впервые встретились.

Мучился ли Бессаз-черепаха вот так, как мучается сейчас Тарази? Все чувства пережил он тогда, на пустыре, когда пытались поймать его сетями, и страх, и изумление, если узнавал в толпе кого-нибудь из знакомых, соседей и старшего судью - своего начальника. Маленький толстяк, он стоял, покусывая кончик уса, и давал приказания, нелепые и бессмысленные, вроде: "Копайте рвы и окружайте чудовище водой, чтобы оно захлебнулось", "Соберите псов из окрестных деревень, и они отгрызут ему хвост", "Смотрите, чтобы чудовище не побежало по улицам, неся заразу. Не спаслись нам тогда от чумы", "А вы, двое, что ковыряете в зубах, ступайте в город и узнайте, в каком доме произошло колдовство..." Все это говорил старший судья - человек нравственный, который, напутствуя Бессаза перед его первым делом, запрещал брать взятки, хотя и предупредил, что если вдруг мошенники сумели незаметно сунуть ему деньги под седло лошади или за пояс плаща, то, не возмущившись, надо привезти деньги в город, чтобы вместе решить, что с деньгами делать...

Потом, топая за лошадь Тарази в пустыне, черепаха стала привыкать к своему облику и смирилась с тем, что придется жить ей где-нибудь в норе и другие черепахи так и не узнают ее тайны...

- Но я могу все же надеяться? - робко молвил Бессаз. И еще хотел что-то сказать, может оправдаться, но прибежал, запыхавшись, Абитай, чтобы пожаловаться Тарази на Фарруха. Перед грозным взглядом Тарази никто не устоит, думал он, все другие уже пробовали одернуть плута, бродившего возле дома.

- Я вышел, но мошенник появился неожиданно и выбил у меня из рук саблю. И бросил в сад, и стоит и корчит поганые рожи из-за дерева, захлеб рассказывал Абитай. - Саблю я отнял, но он требует, чтобы его впустили в дом и накормили. Такого нахала, Тарази-хан, я вижу впервые.

- О ком это вы?

- Фаррух... тот, который принял вас в постоялом дворе, - грустно улыбнулся Бессаз. - Сейчас

он бродит вокруг дома...

- С Майрой, - уточнил Абитай и для убедительности поднял вверх указательный палец.

- Что ж, впустите его, - заинтересовался Тарази.

Абитай бросился исполнять его приказ, а Тарази в нетерпении вошел в коридор. И пока спускался по лестнице, Абитай успел переговорить с Фар-рухом и уже возвращался назад в дом.

- Разбойник! - в сердцах выругался Абитай. - Он настаивал, чтобы его пустили в дом, теперь отказывается... Он издевается над нами! Я его стыдил: как можно пользоваться слабостью человека и заниматься вымогательством? Давайте, Тарази-хан, я заберу на недельки две Бессаза в деревню к отцу. Там он развеется, успокоится, не то, боюсь, с ним может снова приключиться что-нибудь гадкое. Фаррух не отстанет, пока не исполнит свой подлый замысел...

Тарази, стоя на лестнице, выслушал Абитай и пошел к воротам; Абитай поспешил открыть их.

Тарази, прищурившись, посмотрел по сторонам и успел заметить, как двое спрятались за валуном. Тарази усмехнулся: вспомнил, как он и Фаррух прятались друг от друга на постоялом дворе. Это взбудоражило его, настроило на игривый, юмористический лад, и он побежал вдруг, чтобы притаиться за другим валуном. Потом выглянул и увидел, что Фаррух с Майрой бегут направо к серому валуну, но не успели они залечь там, как Тарази уже встал из-за своего укрытия и бросился к валуну, откуда выбежали вымогатели. Так, то выглядывая, то снова прячась, перебежали они от левого обрыва холма к правому, а Абитай, с открытым ртом наблюдавший за этим, ничего не мог понять.

Только Бессазу, наблюдавшему за всей этой картиной сверху, было видно, как теснит Тарази, шаг за шагом, Фарруха и Майру к обрыву, по строго продуманному, как в шахматной игре, плану.

И вот, когда Фаррух был прижат к самому спуску, он перестал прятаться и, тяжело дыша, сел рядом с Майрой на камень, готовый в любую минуту продолжать бегство.

- А, господин слуга, - приветствовал его Тарази, - приятно снова видеть вас, да еще с такой женщиной. Чем могу быть теперь полезен? - И сделал шаг в их сторону.

Фаррух вскочил и, отступив ровно на шаг, снова сел, дыша ртом. Он грубо потянул к себе Майру, боясь, что она зазеваается и будет поймана Тарази.

- Какие новости? По-прежнему ли сердятся ваши посетители, вспоминая, как я въехал в ваш двор с клеткой? А господин судья, он все еще осматривает дыру в комнате пропавшего Бессаза или удовлетворен вашими ложными показаниями? - спрашивал Тарази язвительным тоном, и видно было, что ему не так-то противно вспоминать тот далекий день.

Он сделал движение, будто желая шагнуть к нему, и Фаррух поспешно отодвинулся назад и с тоской глянул на крутой спуск, куда можно было свалиться, сделав неосторожное движение. Испугавшись, он встал и, признавая себя побежденным в хитроумных бегах - от валуна к валуну, - побрел вниз, часто оглядываясь.

Только раз он остановился и прокричал Тарази фразу, видимо услышанную когда-то от имама своей деревушки:

- А вы... вы лучше подумайте о спасении своей души, - и побежал что есть силы, увлекая за собой Майру.

Тарази поморщился, и, хотя слова Фарруха не могли иметь к нему прямого отношения и были сказаны им скорее для красного словца, они почему-то задели тестудолога, и он долго смотрел вымогателям вслед.

- Я забочусь... черт побери, - пробормотал он, огорченный тем, что выражение слуги задело его.

Рядом кашлянул Абитай. Он с уважением глянул в лицо Тарази - ведь до сего дня он думал

о тестудологе как о человеке, не вмешивающемся в то, что делается вокруг, думающем только о своих ученых делах.

- Теперь он сюда и носа не сунет, ей-богу... Ловко же вы заморочили плуту голову, перебегая от валуна к валуну и прижимая его к обрыву...

Абитай хотел еще что-то сказать, но Тарази кивнул, прощаясь с ним на сегодня, и заторопился обратно к дому.

V

В эту ночь Бессаз никак не мог уснуть. Спал он обычно помногу, как и было ему предписано Тарази в лечебных целях.

Сейчас Бессаза мучил такой же страх, как в доме старосты, когда казалось ему, что прикованный позванивает цепями за окном, взбирается на крышу. Сегодня же, в этом доме, ему чудилось другое: будто кто-то ходит по коридору вкрадчивыми шагами - пройдет, постоит, затем снова вернется, повздыхает у дверей Бессаза и уйдет, чтобы через минуту опять о себе напомнить.

"Это Фаррух", - думал Бессаз и мучительно вспоминал: закрыл ли дверь на задвижку? В темноте не видно, а встать не хватает смелости, - кажется, едва он пошлепает босыми ногами по полу, как тот, кто вздыхает за дверью, ворвется, схватит Бессаза за руки, чтобы связать их...

И действительно, что стоит Фарруху в темноте пробраться в дом, чтобы продолжить преследование? Ведь когда Тарази пристыдил мошенника, он, сбегая с холма, шепнул Майре, что они вернутся ночью, чтобы проверить, надежна ли здесь охрана.

Денгиз-хан, с утра ушедший с Гольдфингером по каким-то своим делам, велел Фарруху и Майре промышлять до вечера самостоятельно, на свой страх и риск.

Как всегда, поздно возвращались наши тестудологи со своей ежевечерней прогулки. Говорили понемногу и обо всем, и уже больше в грустных тонах, чувствуя приближение разлуки. Сколько лет теперь они не увидятся? И увидятся ли вообще?

Армон почему-то вспомнил и о мерзких вшах, найденных Абитаем в складках своих штанов. Страж поднял такой крик, будто те оставили от него лишь голый скелет, и весь вечер прыгал и чесался от мысли, что какая-нибудь вошь могла спрятаться в его пышных усах.

- За много лет я впервые вижу эту дрянь, - сказал Армон. - В детстве, помню, мальчик на базаре сидел и давил их между ногтями - и с таким удовольствием... И вот опять... Неужели прав аскет Асадулла?

- Не знаю, есть ли связь... но войной, чувствуется, пропитан воздух... И самое страшное - люди как будто не ощущают этого - беспечны, плутуют, торгуют... На волне взлета безнравственности - даже самые трезвые головы, самые чуткие души теряют стойкость... Я до сих пор не могу простить себе, что проделал свои опыты без разрешения Бессаза... Кто вернет ему тридцать лет жизни, которые я отнял у него?

- Нет, ради общего блага...

- Но где оно - это общее благо? - прервал его сердито Тарази. - Чего мы добились? Оправдание можно найти всему, даже убийству невинного... Понял я только одно, что перед войной, когда мельчает порода, кровь людская разбавляется водичкой и всплывает пена... вместе с этой пеной поднимаются на поверхность так называемые пытливые умы, якобы для того чтобы улучшить измельчавшую породу... А оправдание можно найти всему, - повторил Тарази и остановился, услышав, как покашливает и ворочается в постели Бессаз.

Тарази постоял за дверью его комнаты и, обеспокоенный, постучал. Бессаз долго не отвечал - затаил от страха дыхание.

- Это я, - сказал Тарази, и только тогда Бессаз вскочил, пощупал в темноте - дверь, оказывается, не была заперта.

Свет коридора осветил бледное лицо Бессаза.

- Не спится? - положил ему руку на плечо Тарази.

- Сегодня что-то... - вздохнул Бессаз, успокаиваясь от его прикосновения.

Тарази сел рядом, и Бессаз, всегда чувствовавший себя неловко и неуютно рядом с ним, был сейчас доволен его приходом. И вообще в последние дни изменилось к нему отношение Тарази - был он не столь резким и грубым, как раньше, и Бессаз не мог понять, отчего это, хотя и радовался в душе.

- Вам страшно? - спросил Тарази.

- Да, - не сразу признался Бессаз. - Фаррух преследует меня. Как будто слышал его шаги в коридоре...

- Там никого нет, поймите, никого, - мягко и вкрадчиво объяснил ему Тарази. - Заставьте себя. Вам нельзя не спать...

- Я пытался, - сказал Бессаз и, видя, что Тарази встал, с мольбой протянул к нему руки.

- Идемте в коридор и за ворота. И вы убедитесь, что Фарруха нигде нет, - предложил Тарази.

- Он спрятался на крыше. Я знаю его повадки, - пробормотал Бессаз, и было видно, что мысль о преследователе так засела в его сознании, что даже если они выйдут в коридор и убедятся, что Фарруха нигде нет, - Бессаз все равно не успокоится.

Тарази вышел в коридор и, почувствовав себя страшно усталым, прислонился к стене.

"Это дурно, - подумал он. - Значит, все пошло обратно. Страх и беспокойство... Несколько таких кошмарных ночей - и все, кончено..."

Тарази уже был бессилён помочь Бессазу. И от этой мысли чувствовал сейчас такую опустошенность...

Вернуться и посидеть у его кровати, чтобы Бессаз уснул? Отправить в деревню к отцу Абитая? Там он успокоится, хотя и это не спасет Бессаза, ничто ему уже не поможет...

Тарази, держась за перила лестницы и останавливаясь, чтобы отдышаться, с трудом спустился вниз, в сторожку Абитая, и постучал.

- Кто? - испуганно откликнулся Абитай, и что-то упало на пол, видно сабля, которую держал он под подушкой.

- Абитай, - позвап Тарази, не открывая двери. - Накормите лошадь и , приготовьте повозку. А на рассвете тайком от Фарруха уезжайте с Бессазом в деревню...

- Слушаю и повинуюсь! - закричал довольный Абитай и еще что-то говорил, описывая деревенские прелести, но Тарази уже вернулся к лестнице...

А на рассвете возле дома уже стояла повозка, и Абитай, держа лошадь под уздцы, в нетерпении поглядывал на ворота, но Бессаз все не выходил. Уже и Хатун уложила в повозку все свои узлы и сидела, улыбаясь своим мечтам.

А Тарази и Бессаз все ходили взад-вперед по длинному коридору, и Тарази после обычных, ничего не значащих слов сказал:

- Что бы ни случилось, Бессаз, я уверен, вы будете вести себя достойно...

- Да, - просто ответил Бессаз, словно хотел поскорее закончить этот тягостный разговор. - Это судьба... Я восприму все как должное...

- Ведь поймите, - вдруг сделался словоохотливым Тарази, - я бы мог вас обманывать, хитрить, - словом, обнадеживать. Но зачем? Я вам сказал бы: езжайте, отдохните, и, когда с вами что-нибудь случится, я снова постараюсь помочь. Но зачем? - повторял Тарази, словно боялся, что Бессаз не поймет до конца, и вдруг обнял Бессаза на прощанье и задрожал весь от горя и бессилия...

Бессаз уловил его состояние и, второпях целуя Тарази в бороду, подумал: "Такой человек страдает из-за меня..." - а вслух сказал, обращаясь к Тарази:

- Это судьба, - и, через силу улыбнувшись, быстро спустился вниз.

И Тарази услышал, как лениво затопала лошадь по каменистой тропинке, увозя от него навсегда Бессаза - дитя человеческое, которого Тарази воскресил во второй раз, но который, увы, еще до появления на свете, оказался обреченным...

Долго прислушивался Тарази к скрипу повозки, а потом в доме наступила полная тишина. Странная, даже чем-то пугающая, она была столь необычна, что Тарази опустил на ступеньки лестницы и сидел так и смотрел на желтоватые стены, на которых застыли капли воды, на потолок, из щелей которого, пошевеливаясь, выглядывали, как усики, стебли мха.

Такой тишины уже давно не было в доме. Тарази закрыл глаза. Чувствовал он, что истратил все, что теплилось в нем, и теперь к нему, освобожденному, снова подкрадывалась хандра.

Усилием воли Тарази заставил себя подняться, посмотрел в конец коридора, где была комната Армона. Серая пелена застилала глаза, и, хотя Тарази шел посередине коридора, каждый выступ в стене, ручка двери задевали его, толкали в бок. Будто кто-то в потемках подводил его ко всему острому, твердому - и все это сделалось для него враждебным.

Тарази улыбался улыбкой пьяного человека. Его тешила эта игра, этот двойник, который легко и ненавязчиво направлял каждый его шаг к стене, чтобы ударить, поцарапать, толкнуть.

- Армон, - позвал Тарази тихо.

Армон сидел с видом глубоко оскорбленного человека, но, едва Тарази, ударившись боком о проем двери, перешагнул порог, ученик встал и, не зная, как вести себя, опустил голову.

Они повздорили сегодня утром, кажется впервые с тех пор, как знали друг друга. Поэтому Армон не вышел провожать Бессаза и сидел в комнате, переживая. Он не хотел, чтобы Хатун ехала с Бессазом, - боялся, что впадет она в отчаяние, увидев, что Бессаз снова стал черепахой... не вынесет удара, сойдет с ума.

Но Тарази стоял на своем, объясняя, что, коль скоро молодые решили пожениться, пусть Хатун сама все увидит - час за часом - и так ей легче будет перенести утрату.

- Вы бессердечны! - закричал Армон и, рассердившись, ушел к себе. Но сейчас первое, что бросилось ему в глаза, - отрешенный взгляд, странная улыбка Тарази, и Армон шагнул, чтобы взять его холодные руки.

- Вы озябли? - виновато спросил он.

Тарази лишь мельком глянул на Армона - хотелось ему поскорее уйти и остаться одному. В минуты черной хандры даже близкие становились ему в тягость, но Тарази не хотел обижать Армона раздраженным словом или небрежным жестом.

- Я пришел сказать... - с трудом разжал отяжелевшие губы Тарази, и было такое ощущение, что говорит не он, а его двойник со стороны. Займитесь чем-нибудь... Ступайте к отцу в суд, побудьте... Нет, нет, не подумайте... - злясь на себя, махнул рукой Тарази - он боялся, что Армон не сможет понять, как тяжело ему сейчас, приходится через силу объяснять, хотя объяснять он ничего никому не обязан.

- Вы хотите побыть один? - дрогнул голос Армона. Только теперь он понял, что к учителю вернулась его всегдашняя хандра - после дней подъема, споров, нервотрепки и разочарования. Ясно, ведь Тарази пережил потрясение...

Тарази молча вышел и, направляясь к себе, подумал, что вот так всегда, он не может что-то вразумительно объяснить, его неправильно понимают, считают бог весть каким жестоким, бессердечным, нелюдимым, и не только такие, как Армон, которые в общем-то плохо знают его, - но и сестра, которая нянчила его и должна была чувствовать каждое движение его души, и жена, прожившая с ним два десятка лет... "Джалут", - усмехнулся он, вспомнив обвинение

аскета.

"А ведь те, кто нелюдим, - всегда с людьми", - подумал Тарази и, добравшись к постели, пощупал ее, словно хотел убедиться, что никто чужой, скажем тот же Джалут, не занял ее.

Первые минуты казалось, что он и не лежит вовсе, а держит на своих плечах тяжесть, равную тяжести собственного тела. Он повернулся на бок и уткнулся носом в прохладную стену, которая вся была пропитана запахом плесени, а ведь до сегодняшнего дня он ее не чувствовал...

Узкая полоса постели, прижатая к стене, и была тем местом, где Тарази чувствовал успокоение, а дальше, вся остальная часть комнаты - чужой мир, на который смотреть даже не хочется. Мир этот все удалялся, закрываясь легким туманом...

VI

Высокий, тощий человек, с пятнами пса на лбу и под глазами, пронзительно глянул на сына, когда тот зашел к нему в здание суда, и лицо его застыло в жалостливой гримасе. Никогда еще старик не видел Армона таким подавленным и исхудавшим.

- Рассказывай, но покороче. В зале меня уже ждут, - тихо сказал отец.

- Соскучился... вот и пришел повидать, - пробормотал Армон, отводя глаза в сторону.

- А... - сконфуженно вымолвил судья. - Значит, дела совсем плохи. И ты скоро опять возвращаешься под защиту отчего дома. Так?

И раньше, когда в город приезжал Тарази, Армон перебирался в дом на холме и не появлялся в семье подолгу, зато возвращался к отцу всегда в хорошем настроении, уверенный в себе и оттого, наверное, немного дерзкий. Ссорился с отцом, если тот отмахивался от его рассказов, подолгу не разговаривал с ним, когда отец, ворча, называл его и Тарази - дахри [Дахри - презрительное обращение к немусульманину-материалисту], учениками дьявола.

Старый судья знал, что они возьмется с черепахой, пытаясь опять возратить ей человеческий облик (два анонимных доноса, уже поступивших на днях к судье, обвиняли тестудологов в колдовстве), но по виду сидевшего напротив сына понял, что ничего у них с этой затеей не выходит.

- Ну, ладно, - сказал судья, - вставая. - Не хотел бы ты послушать это дело? Любопытное весьма... Речь как раз пойдет о колдовском танасу-хе...

Армон кивнул, но, когда отец направился к двери, поднял руку, чтобы остановить его, но передумал и вышел на улицу, чтобы вместе с толпой войти в зал с главных ворот суда.

Привратник, со скучающим видом стоящий у входа, увидев Армона, поспешно отскочил в сторону, подобострастно кивая...

Зал был просторным и прохладным, большую часть его занимали не циновки, на которых, сложив крест-накрест ноги, сидели зрители, а деревянный помост с резным столиком судьи и перегородкой для преступника и стражи.

Грязные, с влажными пятнами циновки должны были своим видом напоминать зрителям, что суд вовсе не нуждается в их присутствии и правосудие может преспокойно вестись и за закрытыми дверьми. Но коль скоро посторонние желали пользоваться своим правом зрителей, то пусть довольствуются дырявыми циновками.

Перегородка, за которой сидела старая женщина с отрешенным, никого не замечающим взглядом, была наспех сколочена, но две-три доски, для которых, видимо, не хватило гвоздей, свисали на пол и поскрипывали, когда кто-то из зрителей забегал в зал. Уже одно то, что человека загнали за такую перегородку, делало его в глазах зала преступником, даже если он таковым и не был...

Стены и потолок были в желтых трещинах, из которых выступали капельки ржавой воды, Армону показалось, что возле одной из трещин прилипла улитка, забавно шевеля усиками.

"Все здесь по-прежнему в запустении, а трещин с тех пор, как я не был здесь, стало еще больше". И Армон живо представил картину: привратник после каждого заседания отгоняет длинной палкой улиток, чтобы не ползли они дальше и не повисали над головой судьи...

Забавная картина... Армон даже тихо засмеялся, но тут появился отец и занял свое место. За ним с тазиком и рукомойником засеменял привратник (видно, он запер ворота, не желая пускать опоздавших), стал возле судьи, поспешно разматывая широкий пояс на халате.

Судья в расслабленной позе сел в кресло и принялся ковырять в ухе, покашливать, как будто находился он не на виду у публики, а в умывальной комнате дома. Затем разгладил усы и посмотрел на себя в зеркало, которое подал ему привратник. Но, оставшись недовольным, повелительным жестом потребовал деревянный гребень, несколько раз провел по усам и приготовился мыть руки.

Зрители, переговариваясь друг с другом о разных разностях, не обращали внимания на туалет судьи.

"Чем он приклеивает себе пышные усы так, что они не отваливаются от грубого гребня? - подумал, глядя на отца, Армон. - А вдруг усы отвалились бы... смех и срам, хотя, может, никто не удивился бы этому..."

Привратник наклонился к судье с рукомойником, и тот не спеша омыл каждый палец, словно были они в масле, а с рук судьи вода стекала куда-то под помост в дыру.

Чужестранцу, не знакомому с местным судебным этикетом, все это могло показаться ритуалом, связанным с поверьем. И он очень удивился бы, если бы ему объяснили, что должность судьи считается в этом ханстве неблагодарной. И вовсе не потому, что судьям приходится день и ночь не покидать зал, разбирая десятки срочных дел, или же рисковать своей жизнью, или, на худой конец, довольствоваться маленьким жалованьем. Нет, неблагодарной, черной, грязной эта работа называется потому, что бытует самое обычное, бесхитрое мнение в народе, что один человек, каким бы он ни был праведным, мудрым, справедливым, все равно не вправе судить другого человека - собрата, на это есть только один суд - божий.

Но богу - божье, а за человеческие преступления карать все равно надо, и поэтому судьями назначают таких, как отец Армона, - больных, с пятнами песьи на коже, хромых, - словом, тех, кого заранее наказала за то, что поручил им судить от своего имени...

И вот приходится каждому судье по-своему подчеркивать перед публикой пренебрежение к собственной обязанности. Одни, выходя на помост, час или два спят у всех на виду, на коврик, другие долго моют руки, ноги, чихают и сморкаются в платок - и делают это с таким простодушным видом, будто начинать суд без тщательно вычищенного носа - неприлично.

Когда судья помыл руки, привратник вместо полотенца протянул ему свой пояс, прыгнул с помоста и пошел, чтобы занять свое место возле перегородки, за которой сидела обвиняемая, - один человек служил здесь и сторожем, и банщиком, и стражем.

"Будь у толстяка безобразное лицо, он вполне мог бы выполнять и обязанности судьи", - подумал Армон о привратнике и приготовился слушать, ибо судья уже начал разбирательство, предварительно просигналив ударами деревянного молоточка о стол.

Дела, подобные сегодняшнему - о колдовстве, - слушались так часто, что публика давно потеряла к ним интерес. Циновки были заняты лишь наполовину, да и те, кто пришел сюда, видимо, просто скрываются от зноя. Многие едва уселись, сразу же задремали, не глянув даже в сторону обвиняемой, и бедная старуха, удивленная таким безразличием публики, затосковала и смиренно застыла в отрешенной позе, опустив голову.

- Итак, - сказал судья, направляя в ее сторону указательный палец, видимо с единственной

целью - как-то расшевелить обвиняемую, - ты обвиняешься в том, что произвела колдовство над соседкой, превратив ее в кошку! - И, повернувшись к боковой двери, крикнул: - Заходи!

В зал вошел свирепого вида мужчина с небольшой клеткой в руке. Он стал возле перегородки, положив на доски руку, и то, что, свернувшись, лежало в клетке, - черная кошка, - глянув на зрителей, испуганно забилося в угол.

- Рассказывай! - приказал судья, и мужчина сразу заговорил, стал витиевато и утомительно долго рассказывать о том, что кошка некогда была его женой и что жена повздорила с этой колдуньей, которая дала ей кличку одноухая кисонька - и пригрозила отрезать и последнее ухо. Сам он, правда, был в это время в городе, но все видели, как жена его зашла в дом колдуньи, а через час, после ссоры, вместо жены выбежала оттуда кошка, и, вернувшись, он обнаружил ее на своей постели...

Армон утомился от этой болтовни и с тревогой подумал, что нельзя оставлять Тарази в одиночестве. Он тихо встал и пошел к выходу.

Отец даже привстал, оскорбленный такой дерзостью сына, мужчина же, решив, что судью взволновал его рассказ, продолжал с еще большим рвением.

Тарази спал, когда Армон заглянул к нему в комнату, - все дни, после отъезда Бессаза в деревню, Тарази почти не вставал с постели, страдая от хандры.

Армон ходил взад-вперед по коридору и, проходя мимо дверей Тарази, каждый раз останавливался и вздыхал.

Но Тарази очнулся, едва Армон закрыл за собой дверь, и лежал, прислушиваясь к шагам Армона, тревожным и растерянным.

"Как он будет смотреть мне в глаза, когда Бессаз вернется? - подумал Тарази. - Будет чувствовать себя виноватым... хотя ведь я обманул его, оторвал от родных... Надо как-то обнадежить его - он молодой, поверит... Сказать, что познания на этом не кончаются... Вокруг множество тайн... и самая великая из них и сам человек..." И Тарази окликнул его.

Сделав добрый вид, Армон зашел к нему.

- Вы хорошо выглядите, - пожелал он сделать Тарази приятное. - А я только что из суда...

- Подождите, - Тарази поднялся с постели. - Идемте, прогуляемся по саду, и вы расскажете...

Желание Тарази обрадовало Армона - ведь они уже несколько дней не гуляли вместе, и уже на лестнице Армон стал нетерпеливо рассказывать о суде над колдуньей, хотя почему-то был уверен, что это неинтересно Тарази.

Но Тарази просил повторить кое-какие подробности из услышанного на суде и загадочно улыбнулся, словно вдруг решил для себя то, что давно не давало ему покоя.

- Не могли бы вы устроить мне встречу с вашим отцом? - неожиданно спросил Тарази и, не дождавшись ответа, воскликнул: - Прекрасное для вас дело, мой друг! Сумейте доказать судье, что люди подвергаются танасуху не колдовством, не игрой злых чар... Вы понимаете? Сотни, тысячи тех, кого травят невежды, обвиняя их в колдовстве, избежали бы рук палача...

- Понимаю, - Армона поразила больше всего простота самой догадки, которая увлекла Тарази.

Тарази говорил еще что-то, размахивая с увлечением руками, но Армон, уже обдумывающий услышанное, нетерпеливо, с юношеским пылом воскликнул:

- Ведь это так просто! Надо сегодня же пригласить сюда отца...

- Просто?! - прервал его отрезвляющий голос Тарази. - Для нас с вами может быть... Но как убедить публику? Суеверную, для которой все в жизни имеет готовое объяснение? Колдовство - надо прошептать заклинание, мор и землетрясение - от дурного глаза, войны и резня племен - противостояние луны и солнца... Как отменить законы, построенные на суеверии? Не все так просто... Когда я уеду, Армон, уверен, что вы займетесь этим достойным занятием... Дерзайте!

- В следующий раз вы приедете сюда - и убедитесь, что в нашем Ору-зе никого не будут больше судить как колдунов, - с горячностью сказал Армон. А отца я беру на себя...

- Да, хотя бы одного судью переубедить. Важно начало... - Тарази улыбнулся - ему сделалось легко, ведь он оставлял Армона с надеждой, которая так нужна молодому человеку...

VII

Ранним утром, когда наши тестудологи по обыкновению прогуливались вокруг дома, слышались голоса внизу, на склоне холма.

Армон, удивленный, остановился, не понимая, кто это мог осмелиться нарушить тишину здешних мест, зато Тарази, будто догадавшись, побледнел.

И тут же увидели они, как человек десять горожан карабкаются по камням на вершину холма - хохочущие и дерзкие. Они преградили путь повозке, желая как следует развлечься, прежде чем прогонят их.

Но вот и Абитай... невозмутимый тянул лошадь под уздцы и, защищаясь, на всякий случай размахивал в воздухе кнутом.

Армон не сдержал себя, застонал, когда увидел, что из крытой повозки выглядывает морда черепахи. И высунулась она так, глядя на окружающих, будто родилась страшенной, ленивой, будто нет вокруг нее споров, долгих месяцев опытов в этом доме на холме. Все как сон, как бред...

Лишь отметил Тарази, что черепаха не мечется в страхе перед толпой, как тогда, на пустыре, держится даже с достоинством, не обращая внимания на крики и суету. На морде ее уже не было страдальческой маски, напротив, глаза ее в какую-то минуту сверкнули иронией и дерзким вызывом зевакам. Видно было, что она многое поняла и пережила, а сейчас успокоилась и приняла свой обратный танасух как должное и смотрела на все и на всех философски, если, конечно, этот высокий слог можно применить к поведению низкого зверя...

Толпа, опасаясь чего-то, не стала преследовать повозку дальше. Люди остановились, а когда повозка отъехала и приблизилась уже к воротам дома, все расселись на валуны, чтобы обсудить, смакуя, увиденное.

Армон все же не выдержал и, рыдая, бросился в дом, но Тарази остался стоять на месте, не желая выдавать свою растерянность и досаду.

Абитай хотел было уже объясниться, закипая от негодования, но, встретившись с холодным взглядом Тарази, опустил голову, деловито отвязывая какую-то веревку.

- Вылезай, дружище, приехали! - потянул он что есть силы веревку, которой была привязана за шею черепаха.

Черепаха еще раз посмотрела вокруг, как бы желая убедиться в том, что привезли ее на старое место. И когда неуклюже вылезла из повозки, Тарази заметил, что все в ней осталось таким, как прежде, вернее, все прежнее вернулось к ней - коричневый, с черными пятнами панцирь, чешуйчатые, слоновые ноги, поганая морда...

Прыгая с повозки, она нечаянно задела хвостом лошадь, та с неприязнью фыркнула, за что тут же получила от Абитая удар плетью.

Затем Абитай с презреньем посмотрел на черепаху, потянул ее к Тарази и сказал:

- Принимайте... Привез в целостности-сохранности...

Черепаха почему-то не подняла морду, не глянула на Тарази, вся она была устремлена к воротам, желая поскорее скрыться от посторонних глаз. И не потому, что боялась чужих, просто ей хотелось тишины и одиночества, чтобы могла она своим плоским умом прерывисто, забывая предыдущее, обдуманное, поразмыслить над своим будущим житьем-бытьем.

Толпа зевак, пораженная размером черепахи, молчала, но какой-то шутник не выдержал и снова захохотал, показывая на зверя пальцем. Все разом вскочили, засвистели, запрыгали, да так, с такой непосредственностью, словно издевались над самым заклятым врагом.

- Ведите! - коротко сказал Тарази, и Абитай, суется, потянул черепаху к воротам, не забывая проклинать ее ежесекундно.

Тарази остался возле дома, не зная, что делать от растерянности, затем, сам того не замечая, направился к саду, и толпа, много слышавшая дурного о колдуне Тарази, испугалась. И, разом притихнув, стала спускаться, как будто кто-то снизу дал им знак.

Тарази постоял, поглядел, пока последний зевака не скрылся из вида, и зашел в дом.

Черепаха уже была заперта в своей комнате, и Абитай спускался с саблей по лестнице, да с таким видом, будто уже отсек черепахе голову.

Он думал, что весь распорядок дня будет прежним: слезка, дежурство у дверей черепахи, ловля змей в речке и лазанье по деревьям за яйцами птиц.

- Где Хатун? - Тарази глянул на его саблю.

- В деревне, - испуганно заморгал Абитай, но затем не сдержал себя и поднял крик: - А что вы думали? Этот подлец... кто знал, что он опять появится передо мной со своей поганой мордой! Я его хотел задушить - ведь как-никак она моя сестра... С ней удар случился, и отец ее оставил у себя. А в деревне суды-пересуды, кричат ей вслед: "Черепашья невеста!" - Абитай говорил и размахивал саблей. - А я? Выходит - я черепаший шурина.

Армон вышел на крик и незаметно стал сзади, и Абитай, увидев его, с мольбой протянул к нему руки:

- Ведь так выходит? Правда, в нашем роду встречались конокрады, но черепахи... А он захворал, как только мы приехали туда, перестал спать, а я, дурак, не догадывался, что у него по ночам опять растет хвост! А потом я хотел открыть дверь, разломал ее и вижу: сидит и весь с головы до ног черепаха... Молчит, не разговаривает. Я его, признаюсь, пару раз по панцирю, ведь обидно! Молчит, надулся, словно это я его заколдовал...

- Я приведу к вам отца, Тарази-хан, - сказал Армон, чтобы прервать душеизлияния стража.

- Хорошо, - кивнул Тарази.

- Как?! - поразился Абитай. - Отец ваш, господин судья, сюда пожалует? - И бросился вниз, в свою сторожку. - Надо побриться, такой гость... такой гость...

Тарази остановился возле дверей, но так и не решился открыть их и глянуть на черепаху.

Пошел к себе и стал ждать судью. Он думал о том, как убедительнее объяснить всю эту чертовщину с колдовством. От того, поймут ли они с судьей друг друга, зависит многое. И будущее Армона. Тарази уедет, но юноша не растеряется, будет увлечен новым занятием. А оно, кажется, не такое бесполезное, как тестудология.

А сам Тарази - вечный странник, ищущий истину, но каждый раз снова идущий по ложному кругу...

"Я начал тестудологию и сам же привел ее к краху", - печально заключил он...

VIII

Старик судья сдержанно подал Тарази руку и сказал без обиняков:

- Вас давно надо запрятать в тюрьму... бросить в яму к клопам - вот и сидите там и колдуйте сколько душе угодно, - но сказал тоном не совсем серьезным, как бы журуя Тарази за чудачество... - Каждый день, поверьте, я получаю анонимки - народ требует, негодует, вот, и сегодня ввалилась ко мне в суд толпа и заявила, что на холме живет колдун... И что помогает ему мой сын - колдуненок, - метнул отец в сторону сына насмешливый взгляд. Благодарю бога,

что твой отец - судья, человек независимый, не подчиняющийся самому эмиру... К черту мое занятие - это кара! Я готов сегодня же отказаться от нее. Ай-яй-яй! От колдунов, правда, вас отличает то, что вы не танцуете вокруг жертвы в иступлении, не пускаете кровь петуха и не закапываете его голову с красным гребнем в золу... Хотя ваше дело - суета, ложь, и вы никогда не измените того, что сотворил всевышний в своем облике и виде... Вы дахри - жертвы заблуждения и гордыни. И вся ваша беда в том, что вас раздирают, как я понимаю, страшные противоречия... Вы, Тарази-хан, говорят, много странствовали по странам ажнабий-цев... Вот откуда эта ваша червоточина... Ажнабийцы воображают, что человек - пуп земли, царь природы, венец творения... посему ему все дозволено. Он мудрее всех, умнее, лучше всех... а это шепчет дьявол, все время накручивает вокруг головы человека, как чалму, аркан гордыни... но боюсь, как бы аркан этот не сполз ниже, вокруг его шеи, и не потянул человека на виселицу...

Но, с другой стороны, вы, выводя человека из животного, низводите его ниже всякой твари. Он уже не сам в петлю лезет, его на аркане тянут, как овцу...

Вы мечетесь, путь ваш ведет в тупик... и все оттого, что вы не знаете, что есть человек - царь или червь? Аллах скрыл от нас эту тайну...

"Он, оказывается, думающий и забавный человек", - подумал Тарази, с симпатией глядя на судью, который говорил все это, размахивая руками и почему-то ощупывая кончик носа.

- Сын мне рассказал о черепахе, якобы запертой в этом доме. - Судья снова сделался важным. - И просил побеседовать с ней, чтобы узнать кое-какие любопытные вещи... Мне эта беседа конечно же делает честь, но я надеюсь, что вы из меня не сделаете черепаху, чтобы мы понимали звериный язык друг друга?

- В этом нет надобности, - шутливо, в тон ему ответил Тарази. - Можете говорить с ней на человеческом языке. И она подтвердит, что никогда и никем не была заколдована...

- Тогда я поговорю с ней с глазу на глаз. Старая привычка судьи, простите. Но прошу вас стоять за дверью на случай, если она попытается говорить со мной на зверином языке. - Судья еще раз выразительно глянул на Тарази: - Признаться, когда я шел сюда, ожидал увидеть шарлатана, обманувшего моего сына... Вижу, что ошибся.

- Спасибо, это лестно для меня... Если черепаха попытается напасть на вас, это будет первый случай такого рода... Но все равно, мы все станем за дверью...

- Кто знает?! Кто знает, во что могла превратиться безобидная тварь после ваших опытов?! - усмехнулся судья.

- Кстати, отец, - вмешался в разговор Армон, - черепаха была судьей, так что можно свободно болтать с ней о правосудии...

- Ах, вон оно что! - сделал испуганный вид судья. - Я так и знал: тех, кто занимается этим недостойным делом, ожидает печальный конец. - И, не переставая шутить, пощупал свою голову: - Боюсь, как бы вам не пришлось и мне делать всякие вливания, когда у меня, скажем, вырастут рога или хобот...

- Можете положиться на мой опыт, - засмеялся Армон.

- На твой?! - удивленно поднял брови отец. - Занятие бесовскими делами, вижу, сделало тебя самоуверенным. И ты рвешься... тебе кажется цель близка... А ведь я, когда нарекал тебя Армоном, хотел, чтобы даже именем своим ты не смел бросать вызов судьбе, не смел высовываться... Ан нет! Ошибся!

Но, желая закончить чем-нибудь приятным, старик судья спросил, как бы между прочим, Тарази:

- Не сын ли вы покойного Мумин-хана?

- Да, - кивнул Тарази.

- Достойный был человек. Богобоязненный. Я много о нем слышал... Ну, веди меня, Армон... Армон пошел с отцом в комнату черепахи, затем вернулся, и оба они с Тарази, взволнованные, стали расхаживать по коридору.

- В городе только и разговоры о черепахе, - шепнул Армон. - К отцу и вправду прибегала толпа...

- Слухи у нас ползут быстро, неся за собой ложь, - неопределенно пожал плечами Тарази. - А хорошее стараются поскорее закопать в песок...

- Да, но как они могли узнать, что она говорящая?

Тарази рассеянно глянул на Армона и повернулся к двери, за которой судья допрашивал черепаху. И застыл так в напряженной позе, смотря в одну точку.

Молчание его угнетало Армона, и он облегченно вздохнул, когда вышел судья, загадочно теребя кончик носа. И едва они зашли в комнату Тарази, судья снова возбужденно заговорил:

- Да, не будь вас, господа, я так и кончил бы свой век, не увидев такого... И кто бы мог подумать: несчастный - бывший судья! Я-то решил, что вы зловеще пошутили. Странно! Это бросает тень на нашу и без того непопулярную профессию. Впрочем, - успокоил себя судья, - он обещал никому не говорить об этом...

- Не волнуйтесь, - дрогнул голос Тарази, - он скоро потеряет и дар речи...

- Разве? Да, да; понимаю... Ну, что я могу сказать?! Это действительно любопытно... и можно использовать, чтобы оправдывать колдунов. Вернее, тех, кого обвиняют... Сын-то мой - еще дитя, но вы, Тарази-хан, надеюсь, понимаете, что показания одной черепахи - этого так мало, чтобы пересмотреть закон, который существует со дня сотворения мира... Нужны еще показания котов, овец, коров и так далее, - словом, всех четвероногих и пернатых, которые спаслись когда-то в ковчеге святого Нуха... [Нух библейский Ной] Но обязательно говорящих, чтобы всякий раз, когда слушается дело о колдовстве, животные могли выступить на стороне защиты... Вы меня поняли?

- Конечно, если Армон поймет, что отец готов помочь ему... - деликатно выразился Тарази, хотя и почувствовал утомление от словоохотливого судьи.

- Разве? - удивленно глянул отец на сына. - Неужели он стал таким ученым? - И ласково потрепал сына за волосы. Затем снова сделался важным: Законы составляются для граждан. Если они, скажем, верят в десятикрылого дьявола, нам, судьям, ничего не остается, как принять закон, карающий козни этого дьявола, чтобы у всех было ощущение, что мы стоим на стороне граждан... Это я говорю, как вы сами понимаете, не для того, чтобы оправдать себя, я готов хоть сегодня отменить закон, преследующий колдунов. У меня здравый ум, слава аллаху, и ваша истинная вера запрещает верить во всякую чертовщину... Но пока я вынужден, закрыв глаза, отдать какую-нибудь несчастную, обвиненную в колдовстве, в руки палача... Мое занятие проклятое, и только такие несчастные, как я, работают в суде... Это... - он ткнул пальцем на пятно пети на щеке, - связывает меня по рукам и ногам... И повторяю: надо, чтобы у самих граждан появилась потребность отменить закон о колдунах, а для этого пока терпеливо надо убеждать их, глупых, упрямых, не желающих ничего слышать дальше своего уха, видеть дальше своего носа...

- Этим я и хочу теперь заняться! - воскликнул Армон.

- Прекрасно! Избавлять отца от ненужных законов - куда более благородное дело, чем вливать в несчастных животных кровь и ждать, что они превратятся в порядочных людей! - захохотал вдруг судья.

Затем неожиданно повернулся к окну, постоял, обдумывая что-то, и сказал строго:

- Но вы сейчас же, повторяю - немедленно, должны вернуть черепаху ее законному владельцу. Иначе я вынужден буду привлечь вас, Тарази-хан, к ответственности... Ко мне

поступила жалоба некоего Денгиз-хана. Вы о нем слышали?

Тарази побледнел и повернулся к Армону, словно ища у него защиты.

- Но ведь он сам велел мне забрать черепаху, когда я был проездом в его городе. Хотя я...

- Денгиз-хан утверждает, что человек, превращенный в черепаху, был его подданным. А закон повелевает, чтобы вы вернули его собственность...

Тарази молчал, подавленный горечью, затем сказал дерзко:

- На вашем месте я бы наказал этого мошенника! Посудите сами: должен ли оставаться без наказания человек, создавший своим подданным такую жизнь? - Тарази хотел еще что-то сказать, но понял, что выглядит сейчас в глазах судьи человеком несерьезным, доверяющим голосу чувства, а не рассудка. Хорошо, - обреченно добавил он, - я верну ему подданного...

- Вот и прекрасно! И разрешите в таком случае пригласить Денгиз-хана сюда. Он ведь тоже может подтвердить, что в этом деле нет никакого колдовства. Он и его свита ждут внизу...

Армон пошел мрачно вниз и вернулся, ведя за собой Денгиз-хана, Гольдфингера, а также Фарруха с Майрой.

Тарази стоял и, не веря своим глазам, смотрел, как изменился эмир и его прислужник - немец. Денгиз-хана можно было узнать лишь по надменному виду, хотя в потрепанной одежде он больше походил на нищего бродягу.

Фаррух и Майра, увидев Тарази, спрятались под лестницей и, сколько Денгиз-хан ни звал их властным жестом, не желали выходить.

- Мой дорогой друг! - бросился к Тарази Денгиз-хан, желая обнять его так же дружески, как в саду у дворца, но Тарази хмуро отступил на шаг, и эмир остался стоять с поднятыми руками.

- Не думал снова увидеть вас, да еще в таком экзотическом виде, усмехнулся Тарази и дольше всех задержал взгляд на Гольдфингере.

Немец в ответ лишь кашлянул и поправил усы, не желая разговаривать. Зато Денгиз-хан был словоохотлив, весел, как и в прошлый раз.

- Да, я уже больше не владыка, - сказал он без особого сожаления. - И мне легко и хорошо. Во мне всегда жила эта бродяжья стихия... Мы бы с вами, Тарази-хан, жили бы лучше любого эмира, если бы бродяжничали вдвоем...

- А ваши подданные? Они прогнали вас? - озадачился Тарази.

- Если бы так... они сами... В одно прекрасное утро все поднялись и укатили на повозках - весь город... И случилось это сразу после того, как вы, мой друг, уехали с черепахой. Вы уехали, а в городе начались болезни. Кто виноват? Конечно же заколдованная черепаха! Это она принесла все несчастья! И укатили на своих повозках подальше от этого проклятого места. Ах, народ... Впрочем, я не стал уговаривать, убеждать. Я смотрел, как они уезжают, и чувствовал, как во мне просыпается вольный дух бродяжничества... Я уже хотел было броситься искать вас, Тарази-хан, чтобы бродяжничать вместе... Но не успел... Сразу же, на другой день, по опустевшему городу, озираясь жадно, промчался со своей конницей этот дикий Чингисхан... Друг мой Гольдфингер прибежал ко мне с досье... но я не стал... без армии... Тогда Гольдфингер посоветовал мне переждать в тоннеле... пока Чингисхан не нагонит мой народ где-нибудь в песках "Барса-кельмеса", чтобы истребить их всех до единого... в отместку за то, что они оставили меня одного... У государей, даже смертельно ненавидящих друг друга, есть негласный закон полностью, до последнего семени, истреблять народ, покинувший в тяжелый час своего владыку... А после набега дикарей - вы ведь знаете - просыпается Господин Песок, поднимает голову, ползет и проглатывает все. Все! Дома, сады. Мой дворец и, кстати, постоянный двор черепахи - тоже. Все начисто вылизал шершавым языком Господин Песок. Города, увы, больше нет. Но я свободен и весел. И езжу по свету со своими друзьями, с Гольдфингером, Фаррухом и его женой. Она нам варит и стирает. И что нужно бывшему князю?

Я счастлив! И надеюсь, что судья вам все объяснил...

- Да, можете забирать своего подданного, - презрительно глянул на него Тарази и отвернулся.

Видя, что Тарази уходит, Денгиз-хан хотел было схватить его за руку, чтобы объясниться до конца, но только Армон и судья слышали, как он оправдывается:

- Я ведь говорил вам о каре, помните? Эта черепаха покарала и вас, и город, и судьба возвращает ее опять мне. Неужели и мне как кару? Как будто мне мало того, что я уже больше не хан, а шут? И сплю с этими плутами в одной повозке! - И вдруг на радостях, что дело его решилось быстро, Денгиз-хан запел, направляясь к выходу:

Когда приходит в срок сам Господин Песок Взглянуть на этот мир, смежив сухие вежды, Не отыскать тогда колодцев и дорог, Засыпаны дома, богатства и надежды...

Он пел и когда спускался с холма, и вся свита ему подпевала...

IX

Еще три дня Тарази пробыл в Орузе, и они говорили теперь с Армоном о тех, кого обвиняют в колдовстве.

Армон не был уже столь суетлив и нетерпелив, он будто повзрослел, пережив неудачу, и сделался более задумчивым, даже спокойным.

- Природа иногда ошибается, - но сама исправляет свои ошибки - это я понял... - говорил Тарази. - Она очень ревнива и пускает к своим тайнам только избранных... Когда мы пойдем, как же все-таки природа исправляет свои ошибки, в наших руках будет такая сила... поистине дьявольская... Какой-нибудь кроткой овце можно будет вернуть ее человеческий облик, а Денгиз-хана, скажем, превратить в варана...

Разговаривая, они спускались с холма в город - все эти дни неудачливые тестудологи подолгу бродили по улицам, свободные теперь от дел, гуляли в толпе, шутили на базаре, вставляя в спор и грубоватое, вольное словечко, подтрунивая над каким-нибудь торговцем, заломившим дикую цену за свой товар.

Это было отдушиной, освобождением от горечи неудачи.

Тарази в такие минуты превращался в ребенка, которому разрешили проказничать. И он проказничал, смешил Армона, когда, скажем, приставал к какой-нибудь толстой торговке, начиная разговор о ценах на базарах Багдада и Исфахана, где ему пришлось побывать, и кончая неожиданно утверждением, что приходится ей дальним родственником.

Бедная торговка поначалу как будто начинала верить в эту несусветную чушь, ибо, глядя на ее лицо, Тарази безошибочно мог сказать, как выглядели ее родственники с самого первого колена, сухоруки ли были или с пятнами песи на коже, Но, видя, что Армон не в силах сдержать смех, она кричала в бешенстве, придвигая к Тарази тарелку похлебки:

- Так бы и сказал, бродяга, что хочешь поесть бесплатно! К чему тревожишь сердце бедной женщины?!

Сегодня, когда они бродили по базару, разнесся слух, что приехал цирк, и торговцы, самые, казалось бы, невозмутимые люди, стали поспешно закрывать свои лавки, чтобы с толпой зевак броситься к воротам.

Подталкиваемые со всех сторон, Тарази и Армон вышли на площадь перед базаром, где обычно устраивали зрелища - петушиный бой или ходьбу по высокому канату.

Но сегодняшнее зрелище, судя по возбуждению зрителей, было не совсем обычным - толпа спорила, обсуждая что-то, и на устах у всех было: "говорящая черепаха".

Тарази и Армон догадались, о чем речь, в испорченном настроении молча приблизились к

большой повозке, украшенной разноцветными лентами. Представление, видно, уже началось. Ибо едва тестудологи встали на удобное место, как из юрты на повозке вышел сам Гольдфингер в помятом цилиндре и потертом фраке, с тростью в руке и поклонился публике.

У хмурого и злого немца руки и тело артистично легко изгибались, и Тарази подумал, что он, должно быть, не новичок в балаганных делах.

- Говорящая черепаха... Но сначала еще два-три не менее интересных номера! - объявил Гольдфингер и поспешно исчез в юрте.

Несколько секунд из юрты была слышна какая-то возня - вся она тряслась, как от самума, но вот вышел человек в маске с двумя козьими рогами.

Хотя маска была сделана наспех и неряшливо, она вполне скрывала лицо того, кто не хотел, чтобы его узнали.

Человек в маске растерянно стоял перед публикой, вытирая потную шею, но зрители, всегда по-доброму относящиеся к шутам, рассмеялись дружно, чтобы подбодрить его.

Когда приходит в срок сам Господин Песок Взглянуть на этот мир, смежив сухие вежды, Не отыскать тогда колодцев и дорог, Засыпаны дома, богатства и надежды, - запел он довольно дурным голосом, и никто, кроме наших тестудологов, уже слышавших эту песенку, так и не понял, что под маской скрывается сам Денгиз-хан.

Пускай он спит, Песок, ты не буди его. И не вставай вовек ты на пути его, Ты не кляни его, ты не гневи его, К тебе беда придет, коль разбудить его. Не найдешь в песке очагов, дорог, Пусть он вечно спит - Господин Песок...

Зрители, нетерпеливо ожидавшие главный номер - говорящую черепаху, все же выслушали пение Денгиз-хана, который, пробормотав последние слова, вдруг сердито, словно проклиная судьбу, махнул рукой и понуро направился к юрте.

И снова юрта покачнулась, будто тот, кто должен был теперь выйти, отпирался, не хотел, а его насильно заставляли. И опять вышел Гольдфингер, неся с собой маленький стульчик. По-прежнему угрюмый, с неподвижным лицом циника, так портившим общее впечатление от спектакля, Гольдфингер сел на стульчик и начал:

Schlaft, ausglassene
Kinder da Rommf zu euch
Soldfinger. Ach,
sie FrSume, FrSume...

песенку, услышанную Тарази в саду из уст Денгиз-хана, Гольдфингер пел на своем родном языке, рассчитывая на эффект, - ведь казалось, что, как только публика услышит немецкую речь, она тут же захохочет и придет в восторг от необычного для восточного слуха сочетания звуков...

И вправду номер удался, ибо после первых фраз многие хохотали, показывая на Гольдфингера пальцами, а те, кто не успел еще оценить прелесть немецкой речи, должны были обязательно оценить, когда Гольдфингер пропоет до конца.

Довольный тем, что честно зарабатывает свой хлеб насущный, Гольдфингер постепенно забыл, где находится и кому поет. Лицо его смягчилось, глаза подобрели, а голос стал тише и слабее - ведь Гольдфингер уже напевал самому себе, улетаая мысленно в родной город Бриттенбург, где впервые услышал эту песенку от милых, чумазных детей, дразнивших Гольдфингера, в цилиндре и во фраке шагавшего утром под дождем к молочнице Зитте, чтобы купить у вдовы сливок и полюбезничать с ней. Вдова страстнее всех аплодировала Гольдфингеру, когда тот выступал в туманном, тихом Бриттен-бурге со своим бродячим цирком, и теперь каждое утро он шел к ней, чтобы, поцеловав ей ручку, кокетливо выслушать вздохи Зитты.

Ах, Бриттенбург, далекая страна, куда Гольдфингер не мог уже вернуться, ибо скрывался здесь от либерального немецкого правосудия, решительно настроенного покарать его за грабеж и убийство вдовы Зитты.

Чувствуя, что не может сдержать слезы, Гольдфингер прервал пение и, схватив стульчик, побежал в юрту, подгоняемый криками одобрения.

Чувствовалось по нетерпению зрителей, что наступил черед говорящей черепахи. Но сначала из юрты испуганно выглянул Фаррух, которого вид любой толпы приводил в ужас, и пропустил вперед Майру.

Майра, вся обвешанная яркими стекляшками, стала перед публикой, как бы давая возможность полюбоваться собой, затем властным жестом позвала на помост Фарруха.

Несчастный вышел и долго тянул веревку, наматывая конец на руку, и сам трюк этот с бесконечно длинной веревкой тоже, видимо, входил как смешной штрих в общий замысел представления.

Когда веревка была вытянута из юрты, оказалось, что конец ее привязан к шее черепахи. Видно было, что она и сейчас не хочет показываться публике, - едва высунув морду, черепаха стала и не пожелала ступить дальше. Но едва вспомнила она, как угрожал ей Гольдфингер голодной смертью, как бил ее немец тростью по панцирю и по толстым лапам, сразу засеменила на помост.

Многие из тех, кто собрался на площади, уже видели черепаху на повозке, когда Абитай гнал к дому, посему особенно не удивились ее размерам. Все с трепетом ждали, что она скажет.

- Смотрите! - крикнула Майра, показывая на черепаху, и наклонилась над ней, кокетливо спрашивая: - Поговорим? Вспомним о былом?

Все замерли с открытыми ртами, только Армон не выдержал и подался вперед, будто хотел побежать на помост, чтобы остановить весь этот балаган. Но Тарази сжал ему руку и так до конца представления держал Армона властно и повелительно.

- Расскажи, как мы любили друг друга, - попросила Майра черепаху. Как ты обещал жениться на мне... и обманул...

Черепаха, доселе стоявшая как неживая, сердито повела мордой по сторонам, чтобы увидели все на ее губах презрительную гримасу, и ответила:

- Я был наивен, а ты, плутовка, обманула меня и приехала к негодяю Фарруху, моему слуге. Я вас всех презираю, и тебя, и Денгиз-хана...

Зрители, после нескольких минут шока, справились наконец с изумлением, и такой хохот поднялся, так воздух затрясся... Ведь все поверили, наивно думая, что это заученный черепахой текст, бесхитростный, но житейски правдивый, такой и должен быть в балаганных пьесах.

Кстати, и сама Майра, и все, кто был в юрте, на это и надеялись, зная наперед, что даже самые правдивые и сокровенные слова черепахи зритель воспримет как вымысел, - поэтому не боялись вымогатели разоблачения.

Майра с улыбкой выслушала черепаху, невозмутим был и Фаррух. И только сама черепаха смутилась. Она надеялась, что толпа поймет, о чем речь, осудит Майру и всю компанию, если узнает, как жестоко поступили они с бывшим судьей и хозяином постоянного двора, - думала она об этом еще до выхода на помост, хотя была готова и к тому, что за такое откровение немец обязательно пройдет тростью по ее спине.

Черепаха, справившись со смущением, хотела крикнуть в толпу, сказать, что она не лжет, но подумала, что здесь даже человек с нормальным обликом ничего не докажет, ну а черепахе и давно не поверят, ибо те, кто готов платить, уже заранее приготовились к забавному представлению...

- Скажи, как ты смогла сделать дыру в стене, чтобы убежать из дома? поглаживая черепаху

по панцирю, задал свой вопрос Фаррух.

Но черепаха опустила моду, прижав ее к сырым доскам, уже своим видом подчеркивая нежелание говорить больше.

- Ладно, - начал выходить из положения Фаррух, - на сегодня хватит. Если ты сразу расскажешь все, чему тебя учили, завтра никто не захочет прийти сюда. Мы разоримся...

- Пусть говорит! - закричали из толпы. - Говори, черепаха!

Эти два-три голоса потянули за собой гул толпы, которая требовала, умоляла, угрожала:

- Ну, еще несколько слов, черепашенька, черепуленька, черепашище... Но черепаху уже увели в юрту, и Майра переждала, пока утихнут крики, и прыгнула вниз, чтобы пройти по кругу с чашкой. И каждый добросовестно бросал в чашку монету, слыша от Майры: "На яйца ей, на змей, бедняжке..." И только трое не заплатили за представление - Тарази, Армон и Кумыш, тот самый горец, которого встретил однажды наш тестудолог на пустыре, во владениях Денгиз-хана.

Видя, что Майра приближается к ним с чашкой по кругу, Тарази и Армон повернулись и ушли с площади. Кумыш же сразу пробрался к Майре, чтобы смотреть, кто сколько бросает, и подсчитывать.

Кумыш был пайщиком этой компании. Еще задолго до первого представления он узнал, что где-то за городом Гольдфингер готовит цирк, самым доходным номером которого будет номер с говорящей черепахой.

Упрямый горец все же нашел Гольдфингера, чтобы потребовать у владельца черепахи долги. И слово в слово, как рассказывал он когда-то Тарази, Кумыш повторил Гольдфингеру историю того, как пропал у них в деревне торговец, который задолжал ему кругленькую сумму.

- Вы что, не верите? - кричал Кумыш и бил себя в грудь. - Посмотрите, на что похож ее панцирь? На чашу весов. А повадки? Трусливые, подлые, так и хочет спрятать морду от стыда!

- Да что ты мелешь? - толкнул его в шею Гольдфингер, боясь, как бы незнакомец не помешал его предприятию.

Вместе с Фаррухом прогнали они назойливого Кумыша до самых городских ворот, но под вечер Кумыш снова выглянул из-за юрты шотов.

- Смотрите! - закричал он, размахивая какой-то бумагой. - Я все подробно написал судье. Лучше решим все мирно. - И на всякий случай приготовился к бегству.

- Ну, что с ним делать? - взмолился Гольдфингер, толкая в бок спящего Денгиз-хана. - Он может все испортить...

- Пусть черепаха сама ему объяснит, - умно решил Денгиз-хан, не видя из-за перегородки, что черепаха, слышавшая весь этот разговор, зловеще улыбнулась.

- Объясни ему, что ты никакой не торговец! - пнул ее по панцирю Гольдфингер, думая, что сейчас все благополучно решится.

Кумыш опустился на колени перед черепахой и умоляюще протянул к ней руки:

- Ну, скажи, земляк, не соври, ты ведь Али-Тошбаккол? А я Кумыш, ей-богу, помнишь? Мы по пятницам с тобой чай пили, сидя на валуне возле твоей лавки, и меня скорпион ужалил... Признайся, тебе ведь все равно не платить. Я бы простил долги, но ведь шуты зарабатывают на тебе, земляк... А мне тебя до смерти жаль...

- Да, я Али-Тошбаккол, - криво усмехнулась черепаха.

- Ну, слышите?! - вскочил Кумыш, быстро справившись с изумлением. - Я ведь сразу догадался, что он - Али-Тошбаккол. Так что давайте мирно... Без судьи...

С минуту Гольдфингер с ненавистью смотрел на черепаху, не ожидая от нее такой выходки. Но затем махнул рукой, быстро подсчитав в уме: долг, который надо вернуть, лишь сотая часть того, что они зарабатывают на говорящей черепахе. А хорошее наказание ей за Кумыша -

унижение перед толпой зевак и веревка на шее, за которую Фаррух ее будет тянуть из юрты...

Х

И снова лошадь увозила своего хозяина, ступая по песку, покрытому утренней росой. Рядом с ней семенил черный мул с пустой клеткой и остальным бесхитростным скарбом нашего путешественника.

Армон и Абитай глядели вслед Тарази, стоя, не шелохнувшись, возле того самого привратника, который столь торжественно встречал когда-то гостя. Впрочем, и сейчас привратник выглядел не менее торжественно - как и Абитай, держа свою саблю прижав к уху.

Армон трудно переживал расставание, хотя и верил, что снова встретит здесь когда-нибудь Тарази, чтобы провести с ним долгие дни в доме на холме.

Тарази уже перестал оборачиваться и махать им, ехал и грустно поглядывал на желтые пески - они обещали зной и нелегкую дорогу.

Странно, но тот черный бархан, который провожал Тарази и черепаху к городу, снова стоял, отряхиваясь, словно прождал здесь, не шелохнувшись, возвращения путешественника. И едва Тарази приблизился к нему, как бархан сбросил с себя порывом ветра верхушку, приветствуя такого же, как и сам, одинокого странника.

Тарази проехал мимо знакомого бархана, который, повернувшись, заслониł собой город...

Погруженный в дрему, не заметил он, как с бархана побежали к нему Денгиз-хан и Гольдфингер.

- Мой дорогой друг! - кричал Денгиз-хан, чуть не падая от усердия.

Тарази вздрогнул и остановил лошадь. И пока они бежали к нему, путешественник успел разглядеть цирковую повозку, из которой, прищурившись, смотрела на него черепаха.

Майра сидела, обняв ее за шею, безразличная ко всему, зато Фарруху досталось самое тяжелое занятие - он был впряжен в повозку вместо лошади.

- Дорогой друг! - подбежал и бросился на колени у самых ног лошади Денгиз-хан. - Помогите, умоляю вас...

- Курфюрст... - осуждающе глянул на Денгиз-хана Гольдфингер, чувствуя, что такое почтительное обращение уже давно не украшает оборванца, а звучит издевательски над самим этим немецким титулом, и посему добавил, правда чуть тише: - Денгиз... *damlich* [Придурковатый (нем.)]. Но потом подумал и тоже упал на колени, ибо то, что они просили, с лихвой перекрывало любое унижение...

- Она перестала разговаривать, - забормотал Денгиз-хан. - И мы разорились! Умоляю, верните ей голос. Хотя бы на время... - и толкнул Гольдфингера в бок, чтобы и тот молвил словечко.

- Мы возьмем вас в компаньоны, - угрюмо молвил Гольдфингер.

И оба они застыли, ожидая ответа Тарази. Но Тарази упрямо молчал. Нечто похожее на злорадство мелькнуло на его лице, и оно снова сделалось замкнутым.

- Хотите, я буду лизать соль из-под ваших следов?! - прокричал Денгиз-хан и несколько раз ударился лбом о песок. - Мы обнищали. Продали лошадь...

Тарази еще раз глянул в сторону повозки и не без грусти подумал:

"Все, как обычно, вернулось на свои места... Слуга Фаррух возит своего господина, а Майра ласкает его, как любовника". Хотя и знал он, прежде чем полностью избавиться от всего человеческого в себе, черепаха еще доставит им много хлопот.

Подняв плетень, Тарази в сердцах, сильнее, чем следует, ударил лошадь, и та поскакала вперед, оставив Денгиз-хана и Гольдфингера на песке.

Должно быть, они еще долго лежали, умоляли, падая на песок, но Тарази уже ничего не слышал... Прищурившись, он посмотрел на горизонт, словно там, куда он ехал, ждало его еще более неожиданное...

XI

А куда направит теперь свой шаг растерянная, не управляемая твердой рукой Тарази, лошадь?

Только что-то смутное, как тоска, взволновало Тарази, прочертив острой болью полосу в его остывших уже чувствах. И, едва перетерпев эту боль, он придержал лошадь, сполз на песок...

Сел, пристроившись на гребне бархана... Заброшенная мечеть на окраине Бухары... минарет... Почему-то именно здесь он вспомнил... Не в силах больше сдерживать себя, он, горьким опытом умудренный человек, неожиданно стал писать наивноватым, ностальгическим стилем, что придавало особый, волнующий тон его рассказу, который, правда, приглушался меланхоличностью персидского языка...

...В этой соборной мечети уже нет духа того, ради чего она была создана и воспета, - духа веры, она не манит к себе толпы, проезжающей мимо из деревни, лишь глянет на миг, прищурившись от солнца, и ничего не почувствует, как и заезжий путешественник, скользящий взгляд которого не рождает в нем эмоций от созерцания купола и голубого обрамления поверх главного входа. Мечеть окаменела в одиночестве, и ровный камень ее стен, местами смещенный, местами обваленный, рождает из себя другую форму, близкую к языческой, - и вот воображение видит у основания купола рисунок птицы, непохожей ни на одну из птиц, летающих над луковым полем рядом, а глядя на малый вход, можно рассмотреть, что плиты без всякого постороннего участия сотворили руку, в напряжении и муках вскинутую вверх, чтобы поддержать треснутый портик.

Сейчас я по-юношески беззаботен, мне восемнадцать лет, и я часто делю с мечетью "Намазгох", которая стоит за городской крепостью, одиночество.

Главный вход обращен к югу, а два входа поменьше - к западу и востоку, задняя стена - вся зеленая от вьющихся растений. Они тянутся к куполу, всегда влажному и теплому. Я люблю лежать долго, прижавшись к боку купола, и слушать гул, что идет изнутри мечети, - это гуляют сквозняки, обегая темные углы и дыша паром на стены, разрисованные голубым и перламутровым, и стоит такой гул, будто мечеть медная. Вот еще одно ее загадочное свойство казаться медной. Я уже ощущал в ней мягкость глины в дождливый день, а в солнечный - она казалась выточенной из дерева - дымилась издали и трещала.

"Намазгох" стоит на возвышенности, чуть приподнявшись над поляной, сплошь покрытой солью, и как бы боясь поцарапаться о колючие кусты, что растут рядом. Чуть поодаль тянется потонувшая в пыли дорога, почти всегда безлюдная, выглянув из городских ворот и уменьшившись, дорога робко идет вдаль, к полосе деревьев, где начинается самая близкая к Бухаре деревня, семилетними мальчишками мы так любили совершать набеги на ее сады...

По пути к деревне стоит и дымит маленький заводик, где обжигали кирпич для мечети сто лет назад, а рядом на холмике - такие же древние две домны, навсегда уже потухшие, где предки плавил металл, чтобы укрепить им камень мечети.

Запах травы, короткий и печальный зов горлицы, вот синица села ненадолго на крышу и раскрыла оба свои крыла, чтобы высушить их на солнце, на нее упрямо и не мигая смотрит ящерица... Мое тело набирается сил, казалось бы потерянных этой зимой навсегда, и я отдаю себя лени, чтобы раствориться в сплетении лучей солнца, гула ветра и плотности тишины. Как и мечеть, я становлюсь в эти минуты язычником. Любить! Ведь и мечеть, чтобы убежать от

одиночества, кошунственно сотворила из себя и запечатлела на правой стене лик женщины. Как из ребра...

Сколько раз, возвращаясь потом в отчий дом после странствий, усталый, с горечью в душе, я смотрел напряженно, чтобы увидеть сквозь пыльную завесу, никогда не улетающую с неба Бухары, высокий минарет, пристроившийся сбоку этой мечети. И сколько раз, увидев, как он медленно поднимается из-за горизонта, чтобы величественно предстать потом над всем городом, как страж, как надежда и утешение, думал: "Как бы там ни было, потери, разочарования, но вот он здесь, уже виден... родина..."

Господи, молю тебя...

Закрой ворота города...

Не дай коням понюхать след...

Спаси душу мою от ледящего взгляда Чингисхана...

Господи. Господи...

..А дальше снова кругом лежала пустыня, та пустыня, которую забываешь, прощаясь с ней, но сразу же снова попадаешь в ее плен, едва ступишь на песок, - ребра на песке - извилины ее памяти...

Знал Тарази, что путь его лежит через деревню, где, по рассказам Бессаза, на холме был прикован неизвестный.

Так вот, в деревне Тарази был встречен новым старостой - молодым, полным дерзких надежд, поставившим себе целью еще в этом поколении обратить мушриков в ислам. Рассказал он за чаем, что имама, у которого жил Бессаз, уже нет на свете. И умер, бедняга, не собственной смертью, дожив до благородной старости и с сознанием выполненного долга.

Ведь он так надеялся, что после осуждения Бессазом прикованного бога мушриков прихожане задумаются о смысле жизни и, страдая и радуясь, придут наконец к истинной вере.

Все поначалу шло как будто к этому, но то ли дьявол снова вмешался, то ли не выдержали мушрики глубокого внутреннего переживания, постигая аллаха, словом, в старый свой праздник селяне снова зажгли костры и так усердно молились огню и ансабам, что староста, глядя на их страстные лица, понял, что ничего не добился... Три дня он не вставал с постели, страдая, одинокий. И ему, как и Бессазу, тогда-то стало казаться, что прикованный по ночам спускается со скалы и стоит возле его окна, позванивая цепями... В беспокойстве он поднялся даже на холм - и долго смотрел на прикованного, и что-то шептал, будто разговаривал с ним.

А потом мушрики услышали душераздирающий крик старика... А когда выбежали из своих соляных мешков - поняли, что старик в момент сильного переживания бросился с холма вниз головой... Словом, кончил свои дни, как и предсказывал Бессаз, шахидом.

..В своих странствиях Тарази проехал и мимо того места, где был знакомый город. Господин Песок покрыл его, да так тщательно, словно города этого никогда и не было под луной.

Несколько черепах выползли из ямы, отправляясь на ловлю змей. И увидел Тарази, что идут они за знакомой черепахой, которая была их вожаком.

Тарази спрыгнул с лошади и легко поймал ее за лапу. Она покорно легла, и позволила осмотреть себя, и не льстила уже, не закатывала от удивления глаза, и Тарази понял, что черепахи научили ее нормальным, звериным повадкам. В конце концов, сбегавшая и от своих новых хозяев, она освободилась от всего человеческого, не чувствовала боли, не знала хитрости, лести, вернее, знала все это в ином, черепашьем качестве...

"Сколько же ей теперь? - подумал Тарази, но не стал считать перламутровые кольца на ее лапе, чтобы определить возраст. - Двадцать семь... и еще на тридцать лет состарили ее опыты... и три или четыре года, как она живет среди своих сородичей... Срок достаточный, чтобы

человек благополучно кончил свой век... Но для черепахи - шестьдесят - золотая середина... Ей еще долго жить..."

Возможно, это и успокоило Тарази, показалось ему оправданием. Он наклонился и осторожно снял с ее шеи голубой лоскуток - все, что осталось от фрака, с таким старанием сшитого для нее Абитаем.

Может получится так, что она случайно повернет морду - и в нос ей ударит запах одежды, которую она когда-то носила... Смутное беспокойство охватит тогда черепаху, и она поднимет морду, чтобы глянуть на звезды и понять, откуда эта тоска... извечная тоска всех ее сородичей по человеческому?..